Хосе-Мария Гельбенсу

ВЕС
В ЭТОМ МИРЕ

ЧЕРНЫЙ КВАДРАТ

Вес в этом мире
Хосе-Мария Гельбенсу

Аннотация
Хосе-Мария Гельбенсу. Вес в этом мире
1
2
3
4
5

Аннотация

Испанский прозаик Хосе-Мария Гельбенсу родился в 1944 году, учился в иезуитском колледже, затем изучал в университете менеджмент и право. В 1964 году покинул университет в знак протеста против царившей в нем системы обучения. Работал в газетах и литературных журналах, был содиректором влиятельного киноклуба. В 1968 году его первая книга — роман «Ртуть» — вышла в финал популярного литературного конкурса. Занимал высокие посты в издательствах «Таурус» и «Альфагуара», а с 1988 года занимается исключительно литературой. Ведет два раздела в газете «Эль Паис», с которой сотрудничает со дня ее основания.

Философский роман Хосе-Марии Гельбенсу «Вес в этом мире» — впервые на русском языке.

Хосе-Мария Гельбенсу
Вес в этом мире

Наталии Родригес Сальмонес и памяти Кристины Родригес Сальмонес в благодарность за столько лет дружбы и теплых чувств

Когда душа отдает приказ телу, оно повинуется немедля. Но когда душа отдает приказ самой себе, она противится ему.

Блаженный Августин

1

Мне следовало умереть несколько лет назад. Этого не случилось, а жить мне тяжко. И, кроме того, мне все безразлично.

Уж не хочешь ли ты сказать, что именно поэтому запер себя здесь?

Запер себя? И да и нет. Это мир вытолкнул меня.

Бедный мир. Каким же образом мир виноват в том, что ты здесь обосновался?

Откуда ты приехала? Разве ты не смотришь по сторонам? Разве ты не видишь его? Он же просто невыносим. Он не дышит, не думает, он не более чем суетливое скопище ужасных людей, масс, которые перемещаются, топчут его, — настоящее болото; идти по нему так неприятно… Здесь, по крайней мере, мне все это не приходится терпеть. Разумеется, мир не виноват — в чем он может быть виноват? Просто он невыносим, вот и все. Мне этого вполне достаточно. А кроме того, мне и правда все безразлично. Жизнь превратилась в ожидание.

Не хнычь. В ожидание? И чего же ты ждешь?

Смерти, определенности.

О господи.

Я вполне серьезно. Я совершенно не боюсь. Мне все безразлично.

Вот уж не ожидала приехать сюда и застать тебя в таком состоянии. Ты не был таким, когда я тебе звонила: тогда ты просто покорил меня, ты был человеком, который наконец может безмятежно, как звезда, взирать на мир, ведь правда? А что теперь? Что это с тобой? Ты интересничаешь? Ну, понятно: старый опытный соблазнитель продолжает свою подрывную работу. Я тебя знаю, я тебя помню. Скажи-ка, ты скрываешься не только от масс, но и от женщин?

Женщина — тайна, масса — зверь.

Понятно. Ну да ладно, надеюсь, мы все-таки сможем поговорить, несмотря ни на что, — конечно, не сейчас, а когда ты спустишься с небес на землю. Полагаю, такие дела, как, например, мои, тебя не интересуют, но меня они как раз очень интересуют. Никаких тайн — ты уж прости, чего нет, того нет, — одна только неопределенность, путаница и смятение. Ты ведь понял это, правда? Понял из нашего разговора.

Ты меня интересуешь, интересуешь, как всегда. И если ты думаешь, что нет, то очень ошибаешь-

ся. На самом деле я доволен, что ты приехала. Я удовлетворен.

Вот эгоист!

Да, признаю, это мне льстит. Образ старого мудреца, созерцающего мир, просто смешон, если учесть, что это за место. Здесь можно созерцать только рутину, повторение одного и того же. Все и каждый делают то же самое, что и каждый день. Здесь нет ни отдыха, ни покоя, ни уединения — совсем наоборот: здесь приходится бороться, чтобы окончательно не превратиться в идиота. Время тянется нескончаемо долго, а когда наконец наступает лето и приезжают новые люди, заполняющие собой все, оказывается, что они приехали, только чтобы посозерцать самих себя, занятых летним отдыхом: они, как животные, бродят туда-сюда в поисках еды и день за днем повторяют одно и то же — те же самые жесты, те же самые разговоры, то же самое поведение, — вкрапляя в него какие-то мелочи, которые нужно превращать в важные дела, чтобы не ошалеть от скуки… Местные жители и туристы — как орел и решка одной монетки. Тот же самый мир — никуда от него не денешься, — только шума и грязи поменьше. Так что, если не считать книг, общаться мне здесь, увы, не с кем. Я зажился на

свете, мне бы уже следовало умереть.

О ком я приехала поговорить — о тебе или обо мне?

Конечно, о тебе, я эгоист, я только все время жалуюсь, или называй как хочешь, но позволь мне поговорить с тобой, имей сострадание: знаешь, временами я вдруг отдаю себе отчет, что разговариваю с деревьями. Как ты думаешь, в чем еще выражаются одиночество плюс немощь? Да-да, немощь, не надо этих гримас.

И тем не менее, ты же думаешь, мыслишь. Ты напоминаешь мне Дон Жуана:

> *In youth I thought because my mind was full*
>
> *And now because I feel it growing dull*[1].

Там именно так сказано?

Да, только глагол другой.

Это из «Дона Хуана Тенорио»?[2]

Из «Дон Жуана» Байрона.

---

[1] Примечания: 1

«Я мыслил прежде в дань горячему уму, / А ныне — чтоб застыть не дать ему» *(англ.)* — строки из поэмы Байрона «Дон Жуан». В оригинале вместо *thought* (мыслил) — *wrote* (писал). — *Здесь и далее прим. переводчика.*

[2] Примечания: 2

«Дон Хуан Тенорио» («Дон Жуан») — поэма знаменитого испанского поэта-романтика Хосе Соррильи-и-дель-Мораля (1817–1893).

Не читал. В общем-то, если человек принимается разговаривать с деревьями, это значит, что его мысль некоторым образом высыхает, потому я и молю о сострадании. Разве Байрон не был тщеславным, самонадеянным романтиком? Но погоди, ты даже еще не разобрала свой чемодан, и нам надо поужинать. Позволь мне выразить протест. Неужели ты не сжалишься над бедным отшельником? Мы будем говорить о тебе, будем говорить, сколько тебе заблагорассудится, день, два, три… Кстати, сколько времени ты здесь пробудешь?

Не знаю… Недолго… Я не могу… И потом, не так уж много мне нужно тебе рассказать. Я приехала, только чтобы обрести… то, что я сказала тебе: хоть немного порядка. Дело тут не во времени, я и сама не знаю, что мне нужно. Пожалуй, вот: выговориться и посмотреть, что из этого получится — вдруг что-нибудь изменится или я взгляну на все другими глазами, понимаешь? Как писатель: он пишет и словно бы раскладывает перед собой на бумаге то, что его мучает.

Ну, я в таких вещах не разбираюсь, это тебе тут карты в руки. Так, значит, мне предназначена роль бумаги?

Да ладно, не придирайся. Роль бумаги! А кроме

того, ни ты, ни я никогда не писали — я имею в виду, литературных произведений, — и не знаем, как это бывает; нам приходилось только быть читателями.

Да, и притом, несомненно, читателями, которым чтение дало очень много. Я учил тебя, ты учишь своих учеников, кто-нибудь из них будет учить твоих детей… Однако литература — вещь более благодарная, чем философия, а я потерял тебя очень быстро…

Какой ужас, какой ужас, замолчи; ты становишься нудным, впадаешь в дурной тон, а в конце концов, не исключено, впадешь еще и в пафос, и это будет хуже всего. Хотя, может, ты всегда был таким — просто сейчас, когда мы так давно не виделись, все бросается в глаза, и я теперь замечаю это.

Тогда в твоих глазах я стоял на пьедестале…

Да нет же, нет, и давай сменим тему, в данный момент твои шутки совершенно не кажутся мне забавными, прости, но мне не до них.

Приношу свои извинения. Я просто старался избежать серьезного разговора — прежде всего потому, что уже поздно, или, иначе говоря, сейчас слишком поздно, чтобы начинать заниматься чем бы то ни было. Скоро наступит время ужина,

а я, хоть одинок и немощен, человек не бедный, так что приглашаю тебя прямо сейчас пойти перекусить, потому что здесь нет никакой ночной жизни, и в тот час, когда вы в Мадриде садитесь ужинать, тут мы не найдем ничего, кроме безлюдных улиц и запертых кафе. И, наконец, еще вот что: вопреки общему мнению, о важных вещах следует говорить ранним утром, именно тогда я соглашусь выслушать то, что ты мне расскажешь о себе, — возможно, после завтрака, на восхитительной прогулке по ковру из сухих листьев. Завтра посмотрим.

По-моему, план великолепный.

Как поживает твой муж? И твои сыновья?

Очень хорошо. Ну, ты ведь знаешь, хорошо во всех отношениях не бывает никогда, но — да, очень хорошо. У всех нас. Ты не поверишь, но об этом я тоже должна тебе рассказать. Если бы все проблемы заключались только в этом — чтобы все поживали хорошо. Не будь все хорошо, может, у меня не возникло бы той проблемы, которая есть сейчас. Бывает же такое… Но в общем и целом то, что касается дома и семьи, у меня, да, в полном порядке. Только у меня не сыновья, а дочери.

Их по-прежнему две?

Две.

Две дочери, надо же. Их отцу повезло — будет жить, как у Христа за пазухой: две женщины, которые будут возиться с ним всю жизнь. Дочери никогда не покидают отца.

Не говори глупостей. Дочери покидают отца, когда этот отец зануда. Тебя бы они покинули наверняка, даже не сомневаюсь, и жили бы в свое удовольствие вместе с матерью, которая тоже бросила бы тебя и считала бы, что все они вырвались на свободу… О господи, прости: похоже, я ляпнула страшную глупость.

Да нет. Никакой глупости. Боюсь, я снова начал, как ты говоришь, интересничать. Забудь об этом. Сара умерла, детей у нас не было, так что все в порядке.

Да, однако напоминать тебе о Саре таким образом… Прости, мне правда очень жаль.

Не переживай. Сожаление приводит к печали. А твой приезд — радость для меня, он приободрил меня, даже взволновал. Это хорошо. А кроме того, ты сама знаешь, время выметает все углы. Теперь я думаю только о себе; не могу сказать, что результат меня очень вдохновляет, но я думаю о себе — о том, что есть, и о том, чего нет. То-то я сделал, то-то не сделал, то-то мог сделать… Кризис

возможностей, пересмотр их. Один из способов предаваться воспоминаниям: еще не так, как в старости, но до нее уже только последний шаг. Старик вспоминает по-другому: он не задает себе вопросов, не спорит сам с собой — он просто изо всех сил цепляется за возможно большее количество фактов, событий, подробностей, которые еще хранит его память. Наверное, это страшно, как ты думаешь?

Нет. Не думаю, что это страшно. Ведь они хотят именно этого, разве нет? А раз так, по-моему, это хорошо.

Боюсь, я плохо объяснил. Я имел в виду, что это страшно для меня, мне совершенно не хочется оказаться в такой ситуации, понимаешь?

Да, но что ты можешь сделать? Когда ты окажешься в ней, тебе будет казаться, что это хорошо.

Но как раз это меня и бесит! Что я уже буду не тем, кто сейчас говорит с тобой, а кем-то совсем другим! Стариком, дряхлым стариком! Меня возмущает именно то, что я знаю обо всем заранее. Возмущает и подавляет.

Подожди, когда это с тобой произойдет, тогда и поговорим.

Поговорим? Но я-то говорить не смогу: я утрачу

все, что составляет меня нынешнего, я буду просто стариком, который считает воспоминания единственным способом удержать жизнь, что так и утекает сквозь пальцы…

Ты о песке, да?

О песке, о прахе. Как там сказано насчет горсти праха…

I will show you fear in a handful of dust[3].

…который утекает сквозь пальцы? Это ведь кто-то из твоих англичан…

Элиот[4].

Да, точно. Элиот. Но я ведь говорю не о страхе — я говорю о некоторой прискорбной форме утраты ничего, потому что воспоминания — уже ничто, и они не годны ни на что: они лишь становятся единственным способом продолжать жить. В этом-то и весь ужас.

Честно говоря, я думаю, что это страх и что в данном случае образ Элиота подходит как нельзя лучше.

Помнится, он говорил не об этом.

---

[3] Примечания: 3

Я покажу вам страх в пригоршне праха *(англ.)*.

[4] Примечания: 4

Томас Стирнз Элиот (1888–1965) — один из наиболее смелых новаторов в поэзии XX века, лауреат Нобелевской премии по литературе за 1948 год.

Да, не совсем об этом, но ты ведь тоже не Король-Рыбак.

Пожалуйста, давай забудем об университетских интеллектуальных играх. Я больше не имею к ним никакого отношения, терпеть их не могу, а кроме того, они кажутся мне просто способом покрасоваться. К черту их! Я говорил о другом. Проклятая англицистка.

Я очень рада, что ты сказал это: проклятая англицистка. Это вполне в твоем духе. Мне даже стало как-то уютнее.

Правда? Мне тоже; нет ничего лучше, чем заново обретать прежние ощущения. Но вот что я тебе скажу: когда ты один, это обретение смахивает немного на энциклопедию ужасов, когда же не один, ты разделяешь его с другим человеком. Разница огромная! Слова, ощущения, эмоции, аргументы… они возрождаются, переплетаются, взаимно питают друг друга, и это совсем иное, нежели драматическая пустота эха. По-моему, то, что ты приехала, — замечательно. Это просто замечательно.

Отлично, отлично, я рада. Однако не забывай: я приехала, чтобы рассказать тебе кое-что.

Да, я знаю: чтобы обрести какой-нибудь порядок. Твоя молодость позволяет тебе это. Как же я

мог не согласиться?

О господи! Не знаю, готов ли ты выслушать меня.

Разумеется, нет. Ты ведь только что приехала, а здесь не исповедальня, где можно переходить к сути дела, едва опустившись на колени. Ты мне: «Радуйся, пречистая Мария», я тебе: «Без греха зачавшая», а ты: «Я грешна, отец мой, грешна, что в моей жизни нет порядка и что я сама не понимаю себя»… Не смейся. Разве так начинают разговор после того, как не виделись столько времени?

Да, правда, прошло много времени с того последнего раза, когда мы виделись в Мадриде. Сколько же это лет? Уф, не помню. Но их словно не было, я разговариваю с тобой как обычно, будто прошло всего несколько месяцев. Ведь разговаривать — это не то же самое, что писать письма. Сейчас, когда я здесь, мне кажется, что письма, их язык были куда более натянутыми, чем теперь, когда я с тобой разговариваю. Но все-таки тем, что я здесь, вижу тебя и говорю с тобой, я обязана именно нашей переписке.

Твои письма все эти годы были прекрасной ниточкой жизни.

А для меня они были нитью мудрости и спокойствия, мой дорогой учитель.

Слышать это очень приятно.

Я рада. Я не смирилась с утратой всего хорошего, что было между нами.

Да, именно этого я боялась больше всего. Не знаю, ощущал ли ты это, но наш факультет внушал мне страх. Не сам факультет — аудитория. Факультет производил впечатление, это правда, но аудитория — это было *мое* место внутри факультета, она стала чем-то очень личным для меня, понимаешь? Она пугала меня и вместе с тем возбуждала. В здании можно было затеряться, убежать, но в аудитории ты на виду — ты сама, такая, как есть, и никуда не денешься. Там начиналась учеба, и мне было страшно, за этим моментом стояло очень многое, а впереди — пять лет жизни, моей жизни, подумать страшно. В первый раз мне показалось, что пробил час истины, мне никогда прежде не приходилось сталкиваться ни с чем подобным. Школа — это другое, в школе все идет по накатанному, как по рельсам, понимаешь? Это я тоже почувствовала тогда: что я могу делать что хочу и как хочу, что никто на меня не давит, это была свобода, и она тоже пугала меня, потому что я понимала, что в этом здании — чужом, но открытом — я завишу только от себя самой и никого не знаю. И тогда,

представь себе, я подумала о своих родителях. Вспомнила нашу маленькую домашнюю жизнь, такую родную, несмотря на все то, что девочка моего тогдашнего возраста обычно думает о своем доме. В конце концов, все то большое, что ожидало меня впереди, вышло из моего маленького дома. Мой отец приехал в Овьедо как квалифицированный служащий, а дед не умел ни читать, ни писать. В доме только-только хватало на еду и одежду, но отец вбил себе в голову, что я далеко пойду. Он вовсе не был феминистом: просто я была единственным ребенком в семье, так что выбора не было: вот все это и привело меня в университет. В нашей стране много таких людей — мелких служащих или ремесленников, которые ценой всевозможных лишений добиваются, чтобы их дети получили университетское образование, и которые только и ждут от жизни, что триумфа своего сына или дочери — ждут так, как, наверное, ждут только спасения души. Потом часто случается, что эти сын или дочь предают свой класс и стыдятся родителей, но ведь жизнь беспощадна. В общем, эта дуга, охватывающая и неграмотного деда, и его внучку, которая собиралась стать философом, что словно сама история века в нашей стране. Теперь мои дочери при-

надлежат к образованной буржуазии и будут без особых проблем учиться в университете. Не знаю, пополнят ли они собой списки безработных или сразу же найдут работу, но если случится первое, вполне вероятно, что в ожидании второго они смогут ездить по свету и познавать жизнь. Какая пропасть, верно? А мать поддерживала меня по убеждению. Ей не требовалось знать, удастся ли мне получить диплом: она просто всем сердцем желала этого — ради меня самой, и больше ни для чего. Это свойственно простым и безыскусным душам: они хотят, только чтобы у тебя все было хорошо, им неважно, как это произойдет, поэтому они будут тебя поддерживать независимо от того, захочешь ты стать таксистом или космонавтом, женой и матерью семейства или биржевым маклером. Отец — другое дело: у него были свои амбиции, он не довольствовался чем попало. Родись я мужчиной, не миновать бы мне технической карьеры: пришлось бы стать каким-нибудь инженером — промышленным или, скажем, путей сообщения… Ты ведь знаешь, что значит иметь сына-инженера. А для женщины вполне годился диплом философа; думаю, отца он устраивал больше, чем диплом юриста. Я ведь могла стать преподавателем, даже профессором,

получить кафедру! Это давало общественное положение и избавляло от ежедневной борьбы за существование, которую приходится вести частным предпринимателям и адвокатам и которая, считал отец, слишком жестока для женщины. Думаю, сейчас, при виде того, насколько эволюционировало общество и у нас, и во всем мире, мысль сделать из своей дочери дорожного инженера или воинственного адвоката показалась бы ему более соблазнительной. Но если вспомнишь о происхождении моего отца, ты поймешь, что для него тот вес, который имел в его глазах профессорский пурпур, основывался на власти, уважении и стабильности, так что, в общем, я с лихвой оправдала все его надежды. Знай он о той грязной подспудной борьбе, что происходит в университете за каждое свободное местечко, он умер бы от страха. Эти наивные представления родителей, всегда стремящихся направлять судьбу чада своими слабыми руками, своими большими и малыми усилиями, своей неумелой любовью… они не утешают меня, но вызывают нежность — да, видишь, когда прошло время, когда я сама стала матерью. Но эту нежность начинаешь ощущать только по прошествии времени, она мало связана с собственным материнством — теперь,

думая об этом, я это понимаю. Время возвращает тебе понимание, которого не ожидала, тогда как материнство стремится заключить тебя в некое замкнутое пространство, ограниченное чрезмерной любовью: вот что я думаю теперь. Я не разочаровала ни отца, ни мать, они горды и счастливы моим нынешним положением, и в этом вся их жизнь. А моя, что принадлежит мне со всеми своими последствиями, являет собой образец неустойчивости. Разве я могу сказать им об этом? Я представляю себе их непонимание, и это тоже рождает во мне нежность. Поэтому, навещая их, я рассказываю, что в моей жизни все великолепно, и делаю это по той же самой причине, по которой закрою им глаза, когда они умрут. Что скажешь? Не смотри на меня так, я вполне серьезно. Очень непросто объяснить, что все плохо, когда все хорошо. Потому что все хорошо, все правда хорошо, мой отец был прав, и, в общем-то, произошло то, что должно было произойти, его предвидения оправдались, его гордость была законной. Разве важно, какой путь привел меня к моему нынешнему положению, разве важно, сколько бессмысленных зигзагов и поворотов пришлось мне проделать вместе с ним, чтобы добраться туда, где мой отец в наивности своей заброни-

ровал мне место — с такой верой, какой мог бы позавидовать священник из его родной деревни? Как объяснить ему, что в один прекрасный день может случиться нечто настолько важное, что от этого земля разверзнется у тебя под ногами и поглотит всю твою так хорошо налаженную жизнь? Боже мой, жизнь так сложна. Я была склонна думать, что все дело в нас самих, но все дело в жизни, в судьбе, в случае — не знаю, как это назвать точнее. Внезапно подземный толчок сносит твой дом, твое место. Что тут поделаешь? Кто в этом виноват? Это жизнь. Мы думали, что она надежна, мой отец думал, что она надежна, что это всего лишь вопрос слагаемых, которые дадут определенную сумму, если Господь чуточку подсобит, как говорила моя мать. Забавно, правда? Чуточку… бедная моя мама. Но это не так, и я смеюсь над этим твоим ненавистным миром с его массами и болотом — смотри-ка, куда тебя занесло. Может, тебе и правда все безразлично, а вот мне — нет. Да и сомневаюсь, чтобы тебе было все безразлично. Неуверенность — вот демон современного мира, ведь так? Демон. Меня просто восхищает его лукавство. Вот ведь хитрец. Не получается искусить нас в классическом стиле — так он выбивает почву у нас из-под ног. Кто

способен в таких условиях создать что бы то ни было — семью, спокойствие? Моего отца уже и правда ничто не задевает, поскольку неуверенность, в худшем случае, может убить его. У него есть противоядие: смерть. А у меня? Что делать нам, когда начинаются подземные толчки? Броситься бежать — с головой на плечах или потеряв ее, но броситься бежать. И ты сделал бы то же самое, не обманывай себя, ты не настолько мертв, как пытаешься казаться; ты не мертв до такой степени, что вся твоя игра в благородного старца, наверное, — просто заклинание, с помощью которого ты силишься скрыть то же самое, что хочу скрыть я: страх. Такое происходит, когда человек ударяется в бегство, охваченный ужасом перед землетрясением: страх подталкивает его, а бег превращается в сверхчеловеческое усилие. Но я не хочу! Я не хочу бросаться бежать сломя голову, как сумасшедшая: я хочу смотреть себе под ноги и выбирать, куда ступить — даже если это лишь для того, чтобы оттуда снова перепрыгнуть на другую точку опоры. Плохо вот что: я сама не знаю, где я, и в то же время живу в ситуации, где все идет хорошо, совершенно определенно хорошо, все идет так, как хотелось, а семья просто идеальна, как в альбоме с цветными фотографиями.

И какую же работу ты представила?

Работу? А-а, перевод «Од» Китса[5] с комментариями.

Надо же. Романтизм… Знаешь, нынче зима ранняя, как и осень. В этих местах листья индийских каштанов начинают осыпаться уже в конце сентября. А в этом году она наступила так быстро, что, видишь, не оставила и следа от осенней романтики, но день, пожалуй, гармонирует с Китсом, тебе не кажется?

Если все будет так же, как сегодня, мне это нравится, это меня успокаивает. Более того: думаю, что я съем еще один тост.

Вчера ты была такой уставшей — я ни за что бы не подумал, что ты встанешь так рано. Честное слово, я просто рот раскрыл от удивления, когда ты утром появилась в кухне, одетая для прогулки. А я-то надеялся устроить тебе сюрприз — легендарный завтрак в деревенском стиле, от которых вы, городские жительницы, приходите в такое волнение. Не угодно ли ежевичного джема? Он восхитителен.

Спасибо. Я утром выходила прогуляться. Не спрашивай. В последнее время мне хватает пяти-

---

[5] Примечания: 5

Джон Китс (1795–1821) — английский поэт-романтик, автор лирических произведений, в том числе «Оды греческой вазе» и «Оды соловью».

шести часов сна.

Будь осторожна: в тумане легко заблудиться, особенно если он долго не рассеивается. Сегодня этого не произошло, но неизвестно, что будет завтра.

Я просто побродила вокруг дома. Честное слово, я *заметила* туман, когда выходила.

Отлично.

Знаешь, я просто влюбилась в паутину. Ее не было видно, а потом — уж не знаю почему, может, туман отодвинулся на несколько шагов — она вдруг оказалась совсем рядом, между проволокой, вся усеянная крошечными капельками воды. Такая красота. Только тогда я ощутила, что нахожусь в деревне, что я уже не в Мадриде, а здесь. Такой вот всплеск чувств.

Ладно. Мы могли бы и дальше идти этой дорогой, пока не заблудимся, но нам это ни к чему. Предлагаю вернуться домой и, если тебе будет угодно, продолжить наш путь до деревни.

То есть пройти еще двести метров. Обычно ты выражаешься менее высокопарно.

Я выражаюсь сообразно обстоятельствам и могу похвалиться тем, что научил этому своих учеников. Ты не обращала внимания, что и сама говоришь довольно хорошо?

Позволь напомнить, что у меня степень лиценциата филологии..

Ну да — английской филологии. А я имею в виду не твой английский, а твой испанский. Свои лекции по философии я читал на том же самом испанском, на котором говорю с тобой сейчас, и среди прочего я учил и тебя, и всех, кто проявлял хотя бы минимум внимания, говорить лучше. Ты помнишь ту главную причину, по которой мои лучшие ученики стали в конце концов говорить хорошо?

Ты заставлял нас высказываться, выступать. Я помню, отлично помню. И до сих пор вспоминаю об этом с ужасом.

С ужасом! Меня никогда не интересовали слабые и трусливые. На самом деле я заставлял высказываться только тех, кого считал лучшими… пока мне не надоело, но это уже другая история, а кроме того, это случилось значительно позже того, как ты окончила университет. Но вот что я хотел сказать: я сам стремился создавать этот ужас, как ты его называешь, я искал людей, которые, слетевшись, как голуби, из колледжей, из рук священников и монахинь, выдержали бы испытание публичным выступлением — лицом к лицу с аудиторией. Я искал сильных духом. И

находил их.

И чуть не загонял их в гроб. Я сама едва не осталась заикой.

Правда? И что же — ты начала заикаться?

Нет, но…

Никаких «но»! В этом мире можно быть добрым, очень добрым или самым добрым. Нужно только решить.

Это напомнило мне об одной истории… То, что ты сказал: «быть добрым». Но эти слова напомнили мне о ней в другом плане — в плане доброты как добродетели, а не как предмета состязания. Любопытно: теперь, когда я задумалась об этом, мне кажется, что это была первая серьезная проблема в моей жизни — по крайней мере, насколько я помню. Мне смешно рассказывать об этом, но тогда это и правда было проблемой. Это произошло летом, в деревне — в родной деревне моих родителей, мы ездили туда каждое лето. Думаю, остальные члены семьи считали моих родителей немного странными, потому что у них была только одна дочь. А у моих дядюшки и тети — большие семьи. Когда мы собирались вместе… погоди-ка, дай прикинуть… восемь, шестеро и я: всего пятнадцать. Мы с родителями приезжали в августе и целый месяц проводили в деревне в

свое удовольствие. Можешь представить себе — полтора десятка детей, целыми днями вытворяют все, что придет им в голову. Позади дома был огород. Я уже не помню всего, что там росло, но помню, что была огромная смоковница — она достигала крыши, но плоды в эту пору всегда были еще незрелыми: ты ведь знаешь, инжир поспевает в сентябре. А еще там была гигантская липа. А посередине — грядки. Мы играли как раз среди них, так что — мне это только теперь пришло в голову — от них, наверное, мало что оставалось. Что росло на тех грядках, я тоже не помню: может, помидоры, а впрочем, нет, не знаю. Хотя… вроде бы вспомнила: что-то наподобие бирючины — странно, правда? Но, в общем-то, дело не в этом. Мы играли там, но, конечно, не все вместе, а каждый в своей компании, по возрастам. Я в то время относилась к старшим — мне было лет двенадцать-тринадцать — и уже пыталась жить своим умом. А один из моих двоюродных братьев, немного постарше, без конца дразнил меня. И довел меня до того, что как-то утром мы крепко сцепились, уж не помню, из-за чего, но я так разозлилась, что бросилась на землю и перепачкала себе платье — было воскресенье, и мы собирались в церковь. Так вот, я схватила горсть

земли, размазала ее по платью — ох, во что я его превратила! — и начала кричать: «Мама, мама, смотри, что мне сделал Рафа, мама!» Что было дальше, лучше не вспоминать. Прибежала моя мать, прибежали тетки, увидели меня, всю в земле, и задали Рафе такую трепку, что небу жарко стало. У него, бедного, даже слезы выступили на глазах от возмущения, но чем больше он кричал, что это сделала я сама, тем больше бушевала его мать: «Не смей врать, слышишь, не смей!» И залепила ему пару подзатыльников. Я очень хорошо помню его лицо, помню, как он глотал слезы, изо всех сил стараясь сдержать их, весь дрожа от праведной ярости, совершенно раздавленный этой невероятной ситуацией — он не мог защитить свое достоинство, и все происходящее наверняка казалось ему величайшей из несправедливостей, когда-либо совершенных по отношению к человеку. После этого он по меньшей мере неделю не разговаривал со мной. Но, в конце концов, это просто случай из детства. Важно здесь то (и именно поэтому я запомнила его), что я постояла за себя. Я была страшно горда собой — хотя, разумеется, понимала, что совершила подлость, — и мне доставило несказанное удовольствие выражение лица брата, отчаянное и беспомощное:

его разум в тот момент отказывался воспринимать, что на свете существует такая злобная и коварная тварь, как я. Ну, потом, наверное, меня переодели, и мы пошли в церковь — в общем, обычная детская ссора. Однако в ту ночь я не смогла уснуть. Не смогла, и вовсе не потому, что чувствовала себя виноватой: совсем наоборот. Я сознавала, что поступила нехорошо, но мне это было приятно. Меня поразило именно то, что содеянное зло доставляет мне удовлетворение. Я как будто открыла в мире некое неизвестное мне дотоле пространство. Не то чтобы я была готова и дальше идти этим путем, нет; более того, я не собиралась вновь прибегать к этому только что открытому средству, не рассчитывала на него в будущем. Я вполне сознавала, что совершила подлость, но мне было все равно, я абсолютно не раскаивалась, мне было хорошо, и совесть меня не грызла. Вот так. И я говорила себе (в ту ночь я сидела на постели, скрестив ноги, раскачиваясь взад и вперед, нервно и вместе с тем сдержанно, при каждом движении скользя ладонями по коленкам, сидела лицом к свету фонарей на площади, который падал на меня из окна, а рядом спала одна из моих двоюродных сестер), я говорила себе, что происходит нечто

эффектное, чего я не могу понять, но что сильно, мощно волнует меня. Чтобы выразиться точнее, я была возбуждена, и мне было страшно. А через некоторое время, посидев и покачавшись вот так, я поняла, что возбуждает меня страх.

Да, да, все так; ты рассказываешь мне о своей первой встрече со злом.

Я спрашивала себя: но как же так, как это возможно, что ты не упала на колени и не попросила прощения? Не у них — у Рафы, у взрослых, — нет, не попросила прощения у самой себя за содеянное, у Господа Бога, который все видит, внутреннего прощения, понимаешь? Но я его не просила. А еще я задавала себе такой вопрос: как это меня не поразило громом? Как может Господь Бог позволять такое? То было настоящее откровение, от него меня словно холодом пронзило, именно поэтому мне было страшно: то было нечто новое, что преступало все правила и законы. Не только первая констатация того, что плохой поступок не всегда влечет за собой наказание. Мой страх, состоявший из нервного возбуждения и чего-то безумно привлекательного, находился там, с другой стороны, в том новом пространстве, которое я только что создала своим поступком, и у меня мурашки бежали по коже

— не оттого, что я вступила в это пространство, не оттого, что я собиралась вновь сотворить зло, и даже не оттого, что, сотворив его, я сама стала плохой. Нет, просто я открыла некую новую территорию, о существовании которой даже не подозревала, и мне было страшно вступать на нее потому, что она была незнакома мне, и потому, что на ней, похоже, ничего не стоили, или стоили очень мало, правила, которыми до тех пор руководствовалась моя жизнь, — правила надежности, порядка и хороших поступков. Это страх перед неизвестным, ведь так? Дрожь, которая словно зачаровывает, завораживает тебя.

Я восхищен, насколько развита ты уже была в столь раннем возрасте.

А по-твоему, девочка не может испытывать такого?

Девочка, развившаяся так рано, — да. И ты сама — пример тому.

Да ты даже не представляешь себе. Эти ощущения неизбежно приходят к любому ребенку, и притом гораздо раньше, чем ты думаешь. Все дело в том, чтобы понять их. Я тогда поняла их не так, как формулирую сейчас, но они вызвали в моем сознании полное потрясение. Пусть я не сумела проанализировать их, но разве это хоть как-то

уменьшает их воздействие на мое сознание?

Давай-ка проверим, верно ли я тебя понимаю. Ты хочешь сказать, что в определенном возрасте каждый ребенок убеждается в существовании зла, и это воздействует на всех одинаково?

Уф. Твой предмет я уже сдала в свое время, спасибо. Не пытайся вовлечь меня в фехтование мыслями и словами.

Нет. Нет. Речь о том, чтобы ты изложила свою позицию.

Знаешь, я не собираюсь этого делать. Ты слышал, что я рассказывала тебе об этом эпизоде? Так вот, это все, что я хотела рассказать; не заставляй меня сейчас произносить речь. Просто случилось то-то и так-то.

Потрясающе. Ну, напиши рассказ. Насколько я понимаю, хорошая литература способна рассказывать о подобных вещах, волновать сознание читателя и заставлять его верить, что они происходили в реальной жизни.

Мы входим в деревню.

Это что — грубая попытка сменить тему?

Мы же направлялись обратно в деревню, разве нет?

Хорошо, я сдаюсь, ты права. Задача в том, чтобы говорить о тебе. Но также и в том, чтобы

спорить с тобой. Не все же мне только слушать тебя, когда тебе заблагорассудится поговорить о чем тебе будет угодно. Из признаний рождаются идеи — идеи, которые мы можем развить. Вот ты говоришь о зле, а это меня очень интересует. Я только задал тебе вопрос касательно того, о чем ты рассказываешь. Нет никакой причины ударяться в бегство. Мы говорим, ты говоришь. Так впусти меня.

Кажется, я не верю тебе.

Моим намерениям?

Тебе, да, твоим намерениям. Ты не хочешь, чтобы мы говорили обо мне.

Ведь ты приехала сюда не только для того, чтобы я тебя слушал, верно?

Может быть, нет, может быть, только для этого, не знаю.

Это неправда.

Я бы ответила тебе, что это неправда, но и этого я не знаю.

Скажи мне, для чего ты приехала?

Откровенно? Чтобы поговорить. Только чтобы поговорить. Более того: может быть, меня даже не интересует то, что ты можешь сказать мне.

Ты права. Боюсь, я снова вообразил себя профессором. Мудрым профессором. Признаю, что

на какое-то мгновение ты снова стала моей ученицей, а это уже не так — ни в моих желаниях, ни в твоих намерениях, ни в действительности. Показать тебе деревню? На самом деле, хоть я и сетую — я обожаю заниматься этим, — это очень красивая деревня, и я постепенно наполнил ее символами. Быть может, это скорее какие-то мои причуды, а не символы, но для меня они обладают ценностью. Символы, образы, видения, тени… Не знаю точно, как их назвать. Это идет из прожитого и пережитого. Завоевывая какое-либо место, человек всегда наполняет его тем, что отражает его самого, отмечает его существование. Должен сказать, что, говоря о завоевании, я говорю как штатский, а не как воин. Воины действуют иначе. Хочешь увидеть деревню, которая стала *моим* маленьким местом обитания?

Мне очень хочется увидеть *твое* маленькое место обитания.

Я покажу тебе его.

Покажи, пожалуйста.

О чем ты думаешь?

О зле.

Снова о зле. Ну, и что же это такое? Ты уже поняла?

Не знаю.

Я могу предложить тебе классическое определение: отсутствие добра.

Я не имею в виду *это* зло.

Оно только что появилось в твоем мозгу?

Да, именно так. Оно пришло из того, что я рассказала тебе на прогулке. Теперь оно снова сидит внутри меня. Я не перестаю думать о той сцене. Не знаю, может, я и вообще никогда за всю жизнь не переставала думать о ней. Не знаю, может, она до сих пор — в центре моей жизни. Образы не возвращаются просто так.

Ты еще когда-нибудь совершала что-либо подобное?

Нет… насколько я помню. Нет.

Не посмела? Или не захотела?

Не представилось случая.

Но это невероятно.

Знаю. Наверняка представлялось много случаев поступить так же, ты прав, но я не помню.

Или ты поступала так же, и это казалось тебе настолько нормальным, что ты просто не обращала внимания.

Что ты хочешь сказать?

Что после того, как сделан первый шаг, второй уже либо и вполовину не производит такого впечатления, либо даже становится чем-то нор-

мальным, поскольку ты уже знакома с данной ситуацией и приняла ее. Поэтому ты не придаешь ей значения.

Это кажется логичным, но это не может быть так.

Почему?

Я бы помнила.

Так… начинаются противоречия.

Нет. Клянусь тебе, я бы помнила. Даже если бы приняла эту ситуацию. Я бы знала.

Отчего? Из-за чувства вины?

Потому что знала бы.

Ты отдаешь себе отчет, насколько абсурдна твоя позиция?

Я очень хорошо понимаю то, что ты говоришь, в этом полным-полно логики, ты прав. *Но я бы помнила.*

О господи! Женщины. Женщины. Недоступные противоречиям.

Ничего подобного. Я вполне доступна противоречиям, что и доказываю тебе сейчас.

Я имел в виду: выводам, вытекающим из противоречия.

А почему должны вытекать какие-то выводы? Разве нельзя жить в противоречии? Разве противоречие — нечто вроде автобуса, который

везет тебя к определенной остановке? Я знаю, что такое зло, я совершала его и видела его в мире; но я не помню, чтобы еще когда-либо совершила что-нибудь подобное тому злу, а оно, то зло, до сих пор тревожит меня.

Знаешь, что я тебе скажу? Давай-ка лучше поговорим о твоих английских делах, или ты просто сведешь меня с ума.

Ладно, согласна. Но почему я вспомнила о той истории именно сейчас, а? Тебя это не настораживает?

Нет.

Пляж хорошо защищен, сама увидишь. Поэтому его так любят. Все остальные ближние пляжи чересчур открыты морю, и прибой там опасный. Я часто хожу туда, когда кончается лето, каждый день, потому что там очень хорошо думается. Осенью, зимой и весной. Насчет каждого дня я солгал, ты ведь понимаешь, что погода не всегда позволяет мне туда спускаться. Даже не погода, а дождь. Я люблю плохую погоду, но бывать на пляже в дождь просто невозможно. А вот когда просто моросит, эти мельчайшие капельки, холод, ветер вызывают мощную реакцию, прогулка заряжает тебя здоровьем и энергией. По пляжу бродишь, никого не встречая; самое большее, что

может случиться, — кто-то увидит тебя издали и подумает: вот странный тип. Но этот кто-то далеко, на таком расстоянии ты его не узнаешь, а поэтому тебе все равно, и это даже укрепляет дух. Плохо только, что пляж недлинный, а я не люблю вышагивать туда-сюда: раз в один конец, раз обратно, и все. Другие пляжи побольше, но ты же знаешь, я не вожу машину. Нашу водила Сара. А я предпочитаю автобус. Но автобусы… здесь ведь не то, что в городе: здесь тебя высаживают под открытым небом, от непогоды укрыться негде, да и ходят они редко.

Да, просто удивительно, что ты не водишь — в наше-то время, да еще в таком месте, как это. Надо бы тебе попробовать, а? Права здесь получить легко, и потом — ты ведь будешь ездить только на короткие расстояния, а значит, риска нет никакого.

Да права-то у меня есть, но для меня водить машину всегда было чересчур утомительным занятием. А теперь, в моем возрасте, проблема не в расстояниях — не важно, большие они или маленькие. Ни моя голова, ни мое тело не способны координировать разом столько разных вещей, сколько требуется, чтобы вести машину. Действовать и думать одновременно… это уж слишком. Я

сажусь за руль, только если есть какая-то спешка. Мое средство передвижения — ноги, а мой врач говорит, что именно это мне и нужно: ходить. Так что я запасаюсь хорошей тростью, надеваю дубленку или непромокаемую куртку, сапоги, непромокаемую шляпу — и вперед. Я в хорошей форме, если хочешь знать правду. А когда мне понадобится то, чего не может дать эта деревня, я еду в город. Час на поезде. Здесь до сих пор есть узкоколейка с ее очаровательными станциями — прямо как из сказки. Просто идиллия, верно?

Когда ты рассказываешь, да, все выглядит идиллически. Но вчера вечером ты жаловался.

Жаловался? Ну, ты ведь знаешь, жаловаться — один из способов заставлять любить себя.

Когда-то ты не жаловался.

Когда-то, дорогая, мне не приходилось обращать на себя твое внимание таким способом.

Это похоже на какое-то белое вино.

Да, оно белое.

Напоминает… подожди, кажется, я поймала… Смесь белого вина с сидром, да?

Поймала… Смешная ты. У тебя всегда такие особенные словечки, я вполне серьезно, не смотри на меня так. Они напоминают мне тебя.

Ладно, может, и так. Не знаю.

Эти твои сравнения, такие своеобразные — ты будто стремишься сама присутствовать при всем и принимать в этом участие, не просто определять, а присутствовать и участвовать. Ты ведь можешь сказать просто «чаколи» — и объект уже назван; но нет, ты всегда будешь упоминать о нем как о некоем напитке, который ты пила, и он представлял собой смесь белого вина и сидра. Это очень тебе свойственно, и это ни капли не изменилось с годами. Будто, вместо того чтобы просто назвать ту или иную вещь, ты стремишься оживить ее, сделать ощутимой, осязаемой. Это весьма странно, но очень живо и любопытно.

Как бы оно ни называлось, оно отличное.

А эти стаканы для чаколи — само совершенство.

Да, они идеальны.

Для руки, для губ, для того, чтобы смотреть на вино и ставить их на этот деревянный стол. Это лучший из всех созданных в мире стаканов.

Это правда, он совершенно особенный.

У меня была в Мадриде тетка, двоюродная сестра матери: рука судьбы. Не будь ее, думаю, я училась бы в Овьедо — просто это было ближе всего. Но мне учиться в этом городе не хотелось, потому что прежде всего я стремилась к пере-

менам. Еще Кларин[6] в свое время назвал его Дряхлым городом, и Овьедо на самом деле таким и остался. Я просто взбунтовалась, и мадридская тетушка оказалась решающим фактором, к тому же очень весомым в глазах моего отца. Несмотря на все свои благие намерения, отец опасался, что, когда я окажусь в чужом городе, да к тому же буду пользоваться абсолютной свободой, со мной может случиться что угодно, понимаешь? Это любопытно, потому что, когда мать сообщила ему о приходе моих первых месячных, он был ужасно горд и тут же начал думать о внуках, возможность появления которых теперь стала вполне реальной. Он так и сиял от счастья, излучал оптимизм и, чтобы уж быть до конца откровенной, немного надоел всем своей идеей: дескать, с этого момента я уже способна продлить его род. Когда же я собралась в Мадрид, в голове у него, наоборот, начали вертеться мысли, которые вертятся в голове у всех родителей молоденьких дочерей, а именно: кому я достанусь, кто воспользуется мной. Как будто в Мадриде пользуются девушками чаще, чем в Овьедо, просто потому, что он дальше. Но все-таки, опять же к моему

[6] Примечания: 6

Кларин (Леопольдо Алас, 1852–1901) — известный испанский писатель и литературный критик.

счастью или несчастью, моя настойчивость, его желание, чтобы я училась в университете, и особенно уверенность, что тетушка будет зорко следить за мной, перевесили все его опасения, и он определил мою дальнейшую судьбу. А в ней, в дверях аудитории, меня поджидал ты, блистательный профессор.

Вот в этом я сомневаюсь.

Ну, это просто ради красного словца. С твоим самомнением ты вряд ли стал бы поджидать кого-то в каких бы то ни было дверях.

С самомнением? Ничего подобного, никакого самомнения. Это было вполне естественно — я действительно был выдающимся ученым.

Во всяком случае, когда ты в первый раз воззрился на меня, ты смотрел совсем не как выдающийся ученый.

В первый раз? Не помню.

Зато я отлично помню.

Слабость. Из разряда эмоциональных слабостей. Все это, тот первый раз и все, что тогда было, — просто эпизод из прошлого. В действительности самое главное — это смысл, сердцевина. Все прочее — лишь оболочка: меняется она или нет, это касается только обстоятельств. Это понимаешь со временем.

Значит, наверное, я еще слишком молода. Но могу тебя уверить — тогда ты разглядывал меня во всех подробностях. Вот только в глаза ни разу не посмотрел.

Это не может быть правдой. Я как раз всегда смотрю в глаза и терпеть не могу людей, которые во время разговора избегают взгляда собеседника.

Ну, этому, наверное, ты тоже научился со временем, как ты говоришь. А я скажу тебе, что мы тогда разговаривали — в аудитории, где проходили твои семинары. И я употребляю слово «разговаривали» только по причине моего хорошего к тебе отношения, потому что ты делал вид, что задаешь мне вопросы и проявляешь интерес к тому, что я говорю, а я, как дура, делилась с тобой своими проблемами, связанными с твоим предметом, спрашивала о дополнительных занятиях…

Насколько я понимаю, ты пользуешься тем, что я стар и дряхл. Печально констатировать это.

Сделай мне одолжение, не говори глупостей. А кроме того, ты ведь воспользовался мной, не так ли? Так давай, приложи сюда то, о чем ты говорил: именно таков был смысл… сердцевина, ведь так ты выразился? Ты пожирал меня глазами, а я,

вместо того, чтобы сообразить, что к чему, таяла от восхищения.

Однако, насколько мне помнится, ты стала вести жизнь достаточно вольную; более того, я бы даже осмелился назвать ее беспутной. Я не соблазнял тебя и не задавал тебе вопросов — если память мне не изменяет, ты сама рассказала мне, как жила до того, как мы с тобой…

А я и не говорила, что ты соблазнил меня. Я сама искала этой встречи, но горел и пылал именно ты — еще до нашего разговора в аудитории для семинаров, с того самого дня, когда ты обнаружил меня у себя на занятиях.

Ты сама себя обнаружила. Прости, что уточняю, но надо было видеть тебя тогда.

А-а, видишь, как срабатывают воспоминания! В один прекрасный день я поняла две вещи: мне хочется быть с тобой и это мне льстит. Я ничего не стала делать: я просто позволила этому случиться.

Дьявольская ловкость. Ты этого хочешь, а я это исполняю.

Мы оба этого хотели. Разница, из-за которой ты ворчишь, — точно та же, которая существует между тем, чтобы пройти в дверь, и тем, чтобы оставить ее открытой. Мне пришлось оставить

дверь открытой.

Прекрасно выражено. Это неверно, но выражено прекрасно.

Послушай, в то время мне жилось и хорошо, и плохо. Я же совершила просто невероятный прыжок из колледжа в университет, особенно если учесть, что это был прыжок из провинциального колледжа в Мадридский университет. Конечно, тетя держала меня под наблюдением, но то, чему должно произойти, происходит в любом месте и в любое время. Как бы то ни было, моя рассеянная жизнь была такой, которая соответствовала тому периоду, то есть не слишком-то рассеянной. Настоящая рассеянная жизнь наступила позже, и тогда уж она действительно стала таковой. Тебе ведь известен мой особый дар — находить разных отвратительных интеллектуалов; на нашем факультете я тут же связалась с иностранной театральной группой, и это определило всю мою дальнейшую карьеру. Мне было хорошо, потому что я получала удовольствие, и плохо, потому что я влюблялась. Просто невероятно: как можно вот так вот вечно влюбляться? Я влюбилась даже в тебя, и эта любовь оказалась самой долгой, но ты заставил меня страдать. В этом и заключается проблема влюбленности: приходится страдать,

страдать отчаянно, потому что, естественно, они никогда не влюбляются в тебя — по крайней мере, так, как ты, а кто оказался победителем в этой истории, хорошо известно. Потом я перестала страдать — потом, когда окончила университет и поступила на работу, и все то ушло уже так далеко, и я начала чувствовать по-иному.

То есть ты пустилась во все тяжкие.

Да, пустилась во все тяжкие, это ты верно сказал. Мне так хотелось бывать где-нибудь, стать безответственной после стольких усилий и борьбы, что это было подлинным безумием. И не думай, что я раскаиваюсь, ничего подобного, точно так же, как тогда, — помнишь, я тебе рассказывала, как в детстве подставила двоюродного брата. Видишь, зло явно обладает для меня каким-то шармом.

От него получаешь больше всего удовольствия.

Похоже, так оно и есть, что еще тут скажешь? Но дело тут не в трансгрессии, как выразился бы психоаналитик, а в том, что это просто приятно. Ведь так приятно шлепать ногами по жидкой грязи, пока не устанешь, как устаешь от всего.

Не знаю, сознаешь ли ты, что, говоря об этом, всегда употребляешь слова, выражающие презрение: безумие, безответственность, грязь…

Разве? Может быть. Возможно, это один из способов посмеяться над всем этим.

Не сомневаюсь, но, по-моему, это кое-что означает.

В каком смысле?

В смысле чувства вины, разумеется.

Вины? Юморист.

Можешь не соглашаться, если не хочешь, но по крайней мере задумайся. Мне кажется, во всем этом наверняка было нечто, в чем ты не нравилась сама себе, нечто такое, что ты до сих пор не прояснила для себя и потому прикрываешь иронией свое неудачное путешествие по этому этапу. Он, конечно, затянулся? До тех пор, пока мы снова не встретились?

Он был долгим, но окончился раньше — среди других причин, сеньор Умник, потому, что я уже подумывала о замужестве; тебе бы не стоило большого труда догадаться самому. Но ты задаешь мне этот вопрос — из кокетства или беспокойства, а может, из-за того и другого вместе. Тебе-то какое дело? Если бы ты столь же заинтересованно занимался судьбой наших отношений, может, в конце концов я вышла бы за тебя.

И наставляла бы мне рога.

Не опускайся до пошлостей.

Это было невозможно. Была Сара, ты знала об этом, и я тоже. В этом плане все всегда было ясно.

Давай поговорим о чем-нибудь другом, ладно? Чтобы не вступать на скользкий путь. Я хочу сказать вот что; когда тебе хочется просто спать с кем-то, влюбляться страшно глупо. Это должны понимать все, этому, как говорится, следовало бы учить в школе. Но учитывая сублимацию женской натуры…

Боюсь, это ничего не меняет.

Верно, не меняет, однако неравенство налицо. Многие уже понимают это.

Чего же ты хочешь — наша страна была бедной, болезненно тупой, нелепой и безвкусной. А прежде, чем эта тупость завладела всей жизнью людей, был жесткий франкизм — ты не жила при нем, а ведь он был прежде всего свирепым, зверски жестоким. Сначала сам убиваешь или видишь, как убивают, а потом, позже, сублимируешь. Надо жить. И в этом выживании есть нечто волнующее, несмотря на то, что люди малы и мелочны.

А в молчании, ведущем к незнанию и невежеству, есть жестокость. Жестокость, отсутствие любви, бесчувствие к ней.

Думаю, с этим ничего не поделаешь, и я говорю это не потому, что нахожусь уже по другую сторону. Независимо от причин, в конце концов каждому приходится справляться самому.

Великолепно. Ты просто само совершенство. Не знаю, к тому ли человеку я приехала рассказать о своей проблеме.

Ах да, о твоей судьбе. Ну, и что нам с ней делать?

Что *мне* с ней делать.

Я имею в виду, что ты приехала, скажем так, проконсультироваться со мной. Наверное, для того, чтобы я как-то помог тебе ее решить.

Я надеюсь, что ты поможешь мне навести в ней какой-то порядок, и не думай, это не так уж мало. А принимать решения — мое дело, и я точно знаю, что в этом мне помощь не нужна.

Темперамент и характер.

Нет. Просто мое сумасбродство. Раньше я страдала больше, потом — меньше, и это связано с тем, о чем я тебе рассказывала. Я готова страдать ради любви — разумеется, если это необходимо, но ради любви к хорошему, к тому самому человеку. Такая любовь прекрасна, и ради нее можно пойти на что угодно. А если речь не о такой любви, лучше всего посумасбродствовать с

очередным любовником, и все. Теперь — и прошу это учесть — я попритихла, в конце концов, я уже не та, а такие сумасбродства очень вредят телу и оглупляют душу, если они такие же, как в прежние времена, — постоянные и затяжные. Я хорошо усвоила: не более чем по одному за раз, и с перерывами. Возраст не прощает.

Позволь напомнить, что ты все еще замужем.

Я говорю это на будущее, когда овдовею.

Но ты ведь любишь своего мужа.

Да, мое отношение у нему больше всего похоже на любовь к хорошему человеку.

Тогда не строй никаких планов.

Это не планы — это мысли; я просто излагала тебе свои мысли. Я же не могу перестать думать — ни я, ни ты, никто из обладающих хотя бы средним интеллектом и живостью ума. Разве не так?

Лично мне хотелось бы перестать думать, но должен признать, что не могу этого сделать — привычка не прощает.

Ты не можешь и не хочешь. Знаешь, что я тебе скажу? С самого момента моего приезда ты только и делаешь, что жалуешься, и мне это странно, потому что, насколько я помню, прежде ты не был таким.

Это не стенания и даже не жалобы, как ты пред-

почитаешь их называть, хотя стенания — очень красивое слово. Я всего лишь сознаю свою ситуацию, а она такова, какова есть. Я ничего не могу с этим поделать. Так вот, думая о своей ситуации, я отдаю себе отчет, до какой степени над ней тяготеет время. Все, что я могу сделать, — это оценить его тяжесть, его вес, поразмышлять о последствиях его давления, но как изменить этот вес? Он — сумма лет, он существует независимо от меня. Я могу испробовать что угодно, удариться в сумасбродства, но от этого он не перестанет быть тем, что есть, — мертвым весом. Мне хотелось бы верить в вечное возвращение, но для меня это неприемлемо, так что констатирую — я не жалуюсь и не стенаю. Это акт ясного мышления, а не акт слабости.

Скажи мне одну вещь. Не знаю, может, я сую нос куда не надо, но, честно говоря, это всегда интриговало меня. Ты ведь не просто ушел на пенсию — ты ушел из университета, вот просто так взял и ушел. Я всегда задавалась вопросом, почему.

Ответ таков: личные мотивы.

А я думала, что все дело в презрении. Более того, я продолжаю так думать. В презрении к этому университету — агонизирующему, эндога-

мическому, мелкому, трусливому. Ты никогда не принадлежал к кланам, к их миру, презирающему тех, кто не подчиняется…

Ты ошибаешься. Я — продукт эндогамии, клана, холопства.

Это неправда.

Правда. Каким образом, по-твоему, человек получает кафедру? Благодаря своей компетентности? Я знаю весьма компетентных людей, которым пришлось искать себе пристанище в колледжах и школах.

Я всего лишь штатный преподаватель, но это не имеет значения, покровители нужны всем. В определенный момент ты помог мне, ты ведь помнишь. Однако ты никогда не создавал кланов, никогда не выставлял со своей кафедры блестящих учеников, чтобы остаться с посредственностями.

Откуда ты знаешь? Я скажу тебе больше: откуда ты знаешь, что они не принадлежат к моему клану, как ты это называешь?

Я? Не знаю. Что ты такое говоришь? Не может быть, чтобы ты говорил это всерьез.

Даже в достоинстве присутствует грех. Я ушел потому, что моя жизнь была невыносимой. Вот и все.

Это неправда. Ты всегда любил преподавать.

О, преподавать. Моя жизнь состояла не только из преподавания, но, как бы то ни было, можно устать и от этого — от преподавания, особенно если в один прекрасный день спросишь себя зачем — зачем ты преподаешь, учишь. И еще: кого ты учишь и ради чего.

Ради чего? Слушай, давай сменим тему. У меня начинается депрессия.

А я, напротив, проголодался.

Да? А я-то считала, что ты живешь исключительно духовной жизнью.

И духовной тоже.

Омар? Да ты с ума сошел!

Это в твою честь.

Моя честь сейчас ниже нуля и не заслуживает даже какой-нибудь несчастной сардинки.

Бедные сардинки и бедные горожане — такие, как ты, кто не умеет ценить даров моря. Этот маленький рыбацкий порт являет собою место, избранное богами. Я не шучу, боги питаются именно здесь. И сардинок, конечно, тоже едят — тех, что оказываются подходящего размера для их божественных уст. Позволь мне тебя поучить. С тех пор как я оставил преподавание философии, значительную часть времени я посвящаю

тому, чтобы научиться понимать маленькие удовольствия, даруемые нам жизнью. Заметь, что я сказал «понимать», а не «познавать», потому что мы их знаем, однако иногда, увы, не умеем насладиться ими. Насладиться означает остановиться, оценить, выбрать, отведать этих удовольствий, а потом снова и снова переживать все это мысленно, в памяти. Думаю, мне придется научить тебя есть омара, потому что наверняка ты из тех, кто съедает хвост, немного копается тут-там, высасывает пару лапок, а самое вкусное оставляет разрушенным.

О мудрецы, какими бы чудесными вы были людьми, не будь вы такими педантами!

Сознаюсь, мне нравится быть педантом. Однако, пока нам готовят омара, давай-ка пройдемся до конца набережной. Ветер сегодня словно бросает море прямо нам в лицо, ты чувствуешь эту соль? Ты присутствуешь при одном из крайних проявлений красоты.

Любопытно, что ты упоминаешь о красоте здесь, у моря. Я как раз вспоминала один из дней моего путешествия по Галисии — думаю, это было в окрестностях Байоны, но где точно, не помню. Там был сосновый лес, кажется, сосновый, а внизу и до самого горизонта — море. Я сидела, присло-

нившись к стволу и глядя на море; еще помню песок — похоже, это было одно из тех мест, где лес и трава подступают к самой воде вперемежку с песчаными пляжами, как в Самиле… Так вот, я сидела, а время текло, наполняя мое тело и душу восхитительным ощущением счастья.

Когда это было?

По-моему, в то лето, когда я окончила университет. Да, я помню, потому что я по-прежнему вела бурную жизнь, сумасбродную жизнь, ну, ты понимаешь. После нашего разрыва я вернулась к своим сумасбродствам — наверное, чтобы поскорее забыть о тебе. И потом, нужно было продолжать карьеру: во мне сосуществуют сумасбродная особа и филолог-англицист. Это большой порок, правда?

Гм… беспутная жизнь и английская дисциплина не так уж далеки друг от друга.

То, что ты сейчас сказал, — разумеется, плод твоего остроумия. Так вот, продолжаю рассказывать. Я ощущала такое счастье, такую гармонию чувств и духа — и вдруг, думаю, желая испытать наслаждение или сделать этот миг еще более наполненным, взглянула на книгу, торчавшую из моего рюкзака, и мне захотелось почитать. Наверное, это был один из сборников лучших

произведений английской поэзии или что-то в этом роде. Галисия, лето, одиночество, лирическое настроение, законченная учеба… можешь представить себе, этакий огромный вздох облегчения. В общем, я начала листать книгу, заглядывать туда-сюда, мне попадались стихи, заставлявшие меня поднимать глаза от строчек, чтобы лучше прочувствовать, как говорится, посмаковать их… я наслаждалась — вот точное слово: наслаждалась. И вот после одного из таких моментов, перевернув очередную страницу, я начала читать «Оду к греческой вазе» Китса, а когда дошла до конца, до этого мощного финала — ты знаешь его? —

> *Beauty is truth, truth beauty, — that is all*
> *Ye know on earth, and all ye need to know*[7],
> —

я вдруг поняла, что плачу, потому что смотрю на море и ничего не вижу. А плакала я от счастья.

Эти стихи лживы, и тебе придется это признать. Правда, истина есть красота, а красота — истина… Да стоит тебе только оглянуться, посмотреть вокруг — не нужно далеко ходить за другими

---

[7] Примечания: 7

«Краса — где правда, правда — где краса!» — / Вот знанье всё и всё, что надо знать *(англ.).* Перевод И. А. Лихачева.

примерами, — и ты увидишь, что это неправда. Взгляни на это море: да, оно есть красота, но просто само по себе — к истине оно не имеет никакого отношения. Истина — понятие, изобретенное нами, людьми, создание нашей мысли. Идея, что истина есть красота, а красота — истина, принадлежит романтизму и давным-давно оставлена; она принадлежит определенной эпохе, определенному взгляду на жизнь, который, как мы знаем сегодня, не соответствует действительности.

И чувствам тоже?

Чувства — это эмоциональные потрясения, и мы должны не сублимировать их, а оставить в покое.

Мое тогдашнее чувство было чувством счастья. Взгляни на это море, которое разбивается у наших ног, обрызгивая нас мириадами капелек. Это есть то, что я воспринимаю, и это есть реальность; реальностью является и то, как я это ощущаю и чувствую. Чувства принадлежат реальности, профессор.

Чего ты хочешь? Обидеть меня? Я смотрю на море, туда, к горизонту, воспринимаю и ощущаю эти капли, которые суть его голос и, если ты мне позволишь немного безвкусицы, его уста. Я

созерцаю его простор и ощущаю его влагу. Это называют широтой видения, однако я не делаю из одной-единственной части — распыленной на атомы воды, осыпающей мое лицо, — целого мира, это всего лишь одна часть, одна из форм выражения мира, именуемая морем; не следует упускать это из виду. Чувства — они как эти капельки, и они не скажут нам о размерах моря.

Не знаю, может, я немного сбилась. Я говорила тебе об ощущении полного счастья, в котором сливались природа и слово. Для меня это была красота, мощнейшая красота. И это было таким же настоящим, как моя жизнь. И вот что я тебе скажу: с тех пор, с того дня и с того ощущения, красота превратилась для меня в одну из причин, по которым стоит жить, я стала двигаться к ней и обнаружила, что истинные вещи прекрасны; я продолжаю двигаться в этом направлении и дошла до того, что как раз сейчас у меня в душе целое море сомнений, я пытаюсь понять, в чем красота моей жизни, чтобы она помогла мне принять решение.

Я не знаю, что такое истина, меня никто не знакомил с этой сеньорой. Что же до красоты… она не более чем канон. Каноны меняются. Романтический канон, повторяю, более не действует.

Правда и красота ощущаются. Я говорю тебе о правде не как о противоположности лжи, а как об истине красоты, о *подлинности* восприятия вещей, о которых все твое существо говорит, что это истинно и прекрасно.

То, что ты говоришь, весьма слабо — разве только ты возвращаешься к теме обостренности чувства, столь свойственной женской душе. Кроме того, ты путаешь истину и подлинность.

Ты стареешь, Фаусто, ты стареешь.

Фаусто? На самом деле, судя по той жизни, которую я прожил, моим родителям, наверное, следовало дать мне имя Инфаусто[8].

А вот ты злая — такими становятся все женщины, когда чувствуют, что их загнали в угол. Ты назвала меня стариком, и это правда, но ты думаешь, что голова у меня уже замкнулась на самой себе, — в этом пункте ты ошибаешься, она вполне открыта. Ты приехала сюда в поисках порядка, не так ли? Ты приехала, чтобы попросить мою старую голову помочь тебе навести порядок в твоем хаосе? Ты приехала просить об этом такую старую и закрытую для всего голову, как моя? Видишь? Ты сама противоречишь себе,

---

[8] Примечания: 8
Игра слов: infausto — несчастливый, неудачливый (исп).

подставляешь самой себе подножку. Потому ты и приехала ко мне — чтобы увидеть. Взгляни на море, до самой его глубины, до самой линии горизонта: ты видишь его? Или не видишь? Нет, ты не видишь его, потому что не умеешь смотреть, а смотреть ты не умеешь потому, что тебе не нужно знать, откуда берутся эти капельки воды, ты просто соглашаешься с тем, что они есть. День сегодня такой серый, что в нем все смешано и размыто, но вон же оно — море. Есть почти неразличимая линия, от которой начинается движение: оттуда приходит море, то самое, которое, уже вполне отчетливо видимое, бьется здесь, перед нами, об основание набережной, а потом возносится вверх, раздробленное на атомы, в виде вот этой водяной пыли, которая так нравится тебе. Посмотри на него, охвати взглядом на всем его протяжении, от горизонта до места, где мы стоим, потому что все это — море. Глаза подводят тебя, не давая видеть ясно? Сейчас — нет, потому что твой мозг открыт и позволил тебе прочертить линию горизонта. Ты видишь море, и ты видишь небо, теперь все доходит до тебя. Подними глаза, посмотри на небо, потом снова на море. Ты все еще сомневаешься? Нет. Теперь нет. Теперь ты уже знаешь. Ты увидела. Глаз без участия мозга

мало чего стоит. Мозг же без участия глаза остается все таким же мощным — таким мощным, что не только следует за тобой в твоем интересе к познанию, не только подталкивает тебя, если ты позволила любопытству взволновать тебя, но и сохраняет все, что ты видела, как то, что ты увидела сейчас, и возвращает тебе это столько раз, сколько тебе нужно, и в таком виде, в каком попросишь. Вот истина, и прекрасно, что это истина: я предпочитаю выражать это так.

Я знаю только, что «Ода к греческой вазе» определила мой путь.

Армстронгу понравился твой перевод?

Он не владеет испанским. Не помню, говорила ли я тебе: он англичанин, специализируется на английском романтизме, хотя знает и многое другое.

Поправка: Армстронгу понравилось твое исследование?

Это было не исследование, а проект, хотя я уже написала кое-что на эту тему. Его интересует мой проект. А перевод — это приложение, которое он в любом случае не сможет оценить. Однако он знает, что это превосходный перевод, хотя мне неловко так говорить. Дело в том, что у нас в научных библиографиях переводы не учитываются,

эту работу считают чем-то вроде служанки по сравнению с, так сказать, хозяйкой дома: критическим исследованием. И все же могу сказать, что двери, открывшиеся передо мной среди тех английских коллег, которые владеют испанским, открылись благодаря моему переводу. Но это ценят там, у них, а не у нас дома. Мои переводы «Од» привлекли внимание к моим работам — точнее, попыткам, — касающимся английских романтических поэтов. Так я познакомилась и с Армстронгом.

Хорошо. Мы говорили о том, что «Ода к греческой вазе» определила твой путь. Ну и как, он привел тебя к счастью?

Знаешь, я бываю счастлива всякий раз, когда мне удается приблизиться к тому ощущению, о котором я тебе рассказывала.

Вот видишь? Ощущения.

А откуда, по-твоему, происходят твои мысли? Как и у всех, из того, что попало тебе в голову через чувства. Разве мысль дает счастье?

Я долго думал, что мысль не дает счастья, но дает удовлетворение. И до сих пор считаю, что она дает удовлетворение, но знаю, что теперь, в лучшем случае, речь идет об удовлетворении отрицательном или, возможно, даже бесплодном.

Но ведь глаз тоже обманывает, а вот капли воды на лице — нет.

Ориентализм, чистый ориентализм. Не надо говорить мне таких вещей, потому что я следую традиции западного христианства.

Мы остановились на том, что ты окончила университет. Как раз тогда я потерял тебя из виду.

Я вернулась к матери в Овьедо и начала думать о будущем.

Полагаю, оно рисовалось тебе в черном цвете.

Да, ты прав, в черном, как муравей. Мне предстоял конкурс на замещение вакантной должности, но в то время мне хотелось не уединения и занятий, а веселой жизни. В Мадриде, вернись я туда, меня ждали ребята из моей компании, не из той, что раньше, — это была уже другая компания, потому что на последнем курсе я связалась с театральной группой, ну, в общем, ты знаешь, на самом деле это было очень интересно и весело, я до сих пор иногда скучаю по тем временам, но эта обстановка никак не способствовала бы уединению и занятиям. Я сказала, что скучаю, да? Но это не значит, что я хотела бы вернуть все это. А оставшись в Овьедо, с матерью и остальными обитателями Дряхлого города, я бы в первый же год закисла и покрылась плесенью.

И ты вернулась в Мадрид.

Нет.

Нет? Но я готов был поклясться, что… когда у тебя был конкурс… ты ведь позвонила мне после первого экзамена, разве не так?

Да, но я не это имела в виду. Действительно, я позвонила тебе, потому что мне нужна была небольшая помощь. Ты уже забыл. Но это не важно. Я попросила тебя, как говорится, протянуть мне руку, а ты попытался отхватить мою по самый локоть. Нет, не возражай, потому что все было именно так. После роскошной сцены расставания, мотивированного твоим браком, после твоего драматического «прощай», после того, как я, почти убитая горем, оказалась ввергнута в объятия жестокой судьбы, ты погубил все это великолепие, попытавшись вернуть то, что было. Ты не помнишь? А должен бы, поскольку именно по этой причине мы встретились далеко не сразу, и нам долго не удавалось вернуть прежний тон, прежнюю дружбу (хорошо, что все-таки удалось), а мне — заставить себя снова увидеть в тебе человека, который меня столькому научил, потому что, могу тебе сказать, ты был хорошим преподавателем; более того — сегодня я щедра и великодушна, — ты был лучшим из всех. Стоп!

Не раскрывай рта, не пытайся воспользоваться моей эйфорией. Я продолжаю рассказывать.

Я только хотел сказать тебе… я просто чувствую, что молодею.

Не молодей, не надо, мы можем все испортить. Слушай. Молчи и слушай. Вот тогда и вмешался случай, потому что именно в то лето я познакомилась со своим будущим мужем. Да, хотя это тебя и удивит. Мой муж тоже из Овьедо — не родом, но он жил там и находился в таком же положении, что и я: учеба окончена, весь мир перед тобой, а что делать — неизвестно. Он был адвокатом. К тому времени он жил в Овьедо уже много лет, но тогда, честно говоря, показался мне чем-то вроде марсианина — он был настолько другим, непохожим… у меня было ощущение, что я встречаюсь с приезжим, может, из тех, которые проводят у нас лето, и что в сентябре он снова вернется к себе в Мадрид или куда-нибудь еще, понимаешь? И он понравился мне — вот просто понравился, и все. Позже выяснилось, что он заприметил меня еще прошлым летом, а может, позапрошлым, я уж не помню, но дело не в том: главное, что нам одновременно пришел в голову один и тот же план — а что, если уехать в Мадрид вдвоем и поселиться вместе? Ему предстояло решить, будет ли

он подавать прошение на участие в конкурсе или займется чем-то другим, мне хотелось преподавать, и я тоже собиралась стать соискательницей; короче, мы могли помогать друг другу, и… ну, в общем, нам было хорошо вместе. Не думай, что это было легко, потому что наши семьи… представь себе, что было бы, если бы они обнаружили, что у нас один и тот же почтовый адрес. Но в этом возрасте, знаешь, когда тебе приходит в голову гениальный план, тебя уже никто и ничто не может остановить. Говорю тебе положа руку на сердце: я вспоминаю всю эту историю как чудесное приключение: такие волнения, такие планы, такое ощущение будущего… и поверь — о чем я меньше всего думала тогда, так это о браке, но уж такова жизнь. То, что казалось необыкновенным приключением, полным событий и сюрпризов, в конце концов превратилось в то, что сохраняется главным образом по традиции: канонический брак. Потому что — и не спрашивай, почему именно, — в итоге мы обвенчались в церкви. Разумеется, это произошло позже, так что пока давай оставим это. Главное, что я обосновалась в Мадриде, в крошечной квартирке на окраине, и засела за книги.

Но ты ведь так и не стала подавать прошение!

Нет, ты же знаешь, я вернулась в университет, потому и позвонила тебе. Но я и начала заниматься для конкурсных экзаменов. Слушай, не докучай мне своими глупыми уточнениями, которые тебя абсолютно не интересуют. В общем, жизнь в квартирке перешла в сожительство… и мне стало хорошо. Денег у нас не было, просто совсем не было, но мы усердно занимались, а вечерами ходили гулять. Когда учишься, жизнь прекрасна, потому что можешь заниматься когда тебе угодно и так же точно, по своей воле, прерывать занятия и выходить проветриться. Мы частенько бывали в одном заведении по соседству с улицей Дель-Пес, ну, или что-то в этом роде, где выступала совершенно потрясающая пара комиков, мы от них были просто в восторге. Тебе это говорит о чем-нибудь? Ни о чем, да? Ну конечно, ведь ты уже тогда был совсем взрослый, чего же ты хочешь?

Да, конечно.

Так вот обрати внимание: тогдашняя жизнь была просто замечательной, очень увлекала меня, а подготовку к экзаменам я бросила на полпути потому, что наметилась возможность вернуться в университет — так сказать, на первую ступеньку лестницы, ты же понимаешь, таких шансов

не упускают, а кроме того, речь шла не о твоем факультете, отчего эта возможность становилась вдвойне привлекательной.

Пожалуйста, не будь циничной.

Никакого цинизма, поверь мне. На твой факультет я бы не пошла по вполне очевидным причинам, я не люблю осложнять себе жизнь, и тогда тоже не любила; мысль о том, что придется постоянно встречаться с тобой — после истории, в которую ты втянул меня, когда я попросила у тебя помощи… Нет уж. В подобных случаях следует держаться как можно дальше. Твой тон становится неприятным, и я говорю это вполне серьезно.

Хорошо, не будем больше об этом, не воображай, что мне это хоть капельку интересно. Расскажу тебе конец истории. Итак, мы с мужем жили в той квартирке и готовились к конкурсу. Но он тоже отказался от этой идеи, когда получил предложение от одной адвокатской конторы. Кстати, он работает там до сих пор. Он не начальник, не входит в число руководителей, но пользуется большим доверием. Подготовку он оставил позже, чем я. Конкурсные экзамены — вещь ужасная, говорю это тебе по собственному опыту. Я знаю, что тебе и самому это хорошо

известно, но это не одно и то же. Не одно и то же участвовать в таких экзаменах в области образования и в области юриспруденции, особенно если человек собирается стать государственным адвокатом или нотариусом. Он борется, пробивает себе путь наверх, а добравшись, смотрит вниз и начинает думать, что, может, не так уж и плохо быть каким-нибудь секретарем мэрии, или чиновником, или, на худой конец, таможенником. Я была рада, когда ему предложили место в этой частной конторе. Он тоже был очень рад, принял предложение, и мы расстались. Да. Расстались — перестали жить вместе, у каждого началась своя, отдельная жизнь. Странно, да? А дело было вот в чем: он получил стабильную работу, а я оставалась не слишком-то платежеспособной, наше прежнее житье по-студенчески — квартирка пополам — теряло смысл, жизнь менялась, поведение и отношения — тоже. Вместо него я взяла к себе приятельницу, а он ушел. Это не значит, что мы перестали видеться: просто мы разорвали нечто такое, что действия каждого из нас делали как бы фиктивным. Решив остаться вместе, мы становились парой, в которой каждый живет на свои средства и не приходится совместно платить за жилище; решив же расстаться, мы вряд ли

могли почувствовать себя свободными, потому что нас связывало слишком многое. Не знаю, как ему, но мне идея зарабатывать немного денег собственными усилиями возвращала ощущение свободы, оно было нужно мне, понимаешь? Мы не перестали встречаться, и это давало мне ощущение чего-то очень прочного, мне было хорошо оттого, что мы не рвем наших отношений; но, вместе с тем, тогда такая ситуация — у каждого свой дом и свои средства, — казалось, привела эти отношения в то нормальное русло, в каком они должны были бы развиваться с самого начала. И мы думали, что если решим соединиться, то соединимся, и все, а если нет, то будем просто встречаться, бывать где-то вместе, при этом живя каждый собственной жизнью и собственными интересами: вместе, но не связывая друг друга, понимаешь?

Слова, которые ты сейчас произнесла, — да, но смысл — гораздо меньше.

Ну если ты не понимаешь, я не знаю, что еще тебе сказать.

Да это и неважно. Странно, что он согласился с таким положением вещей. Отношения, связи имеют тенденцию определяться; другое дело, если мы не способны определить их для себя и

усложняем их до тех пор, пока окончательно не завязнем в них, как в болоте, — и свободы движения нет, и вырваться не получается. Но обычно, как я уже сказал, они имеют тенденцию определяться. Однако история, которую ты мне рассказываешь, похоже, развивалась другим путем — чувства в сторону, все внимание только экономическому положению, дающему куда больше свободы. Ты хочешь сказать, что имей вы эту свободу с самого начала, вы не поселились бы вместе в той квартирке, которую оплачивали из денег, присылаемых родителями?

Да, пожалуй, и правда все было именно так.

То есть вы ложились в постель только в исключительных случаях.

Я предпочитаю считать, что мы любили друг друга, но, в общем, это правда.

Что вы любили друг друга? Давай-ка проверим, правильно ли я тебя понял. Не сложись случайно подобная ситуация, вы не любили бы друг друга, но поскольку она сложилась, вы любили. Ты это хотела сказать?

Ну, в общем, да.

Могу только повторить: на уровне словесного выражения я это понимаю, потому что мой мозг способен воспринять эти слова. Однако смысла

не понимаю абсолютно.

Ты счастлива с ним?

Да, могу сказать, что да. Я счастлива с ним. И с моими дочками.

Счастливое семейство.

Да.

Мы с тобой не потеряли друг друга, в общем-то, благодаря переписке. Я всегда считал, что, перебравшись в Мадрид, ты просто исключила меня из числа своих знакомых. Конечно, мы встретились, но… позже.

Не напоминай мне об этом.

Ты действительно избегала меня. В конце концов, между обоими факультетами не такое уж большое расстояние, но мы никогда не виделись, а встретились только на том конгрессе, это просто невероятно. Ведь к тому времени, когда состоялся конгресс, я был уже на Канарских островах.

Ты уже был профессором, возглавлял кафедру. Потому я и спрашивала тебя о конкурсе. Я всегда думала, что ты примешь участие в конкурсе претендентов на место руководителя кафедры в Мадриде и вернешься.

Постарайся вспомнить как следует. Этот конкурс объявили позже, когда у меня уже пропал всякий интерес. В конце концов, важно то, что

со времени конгресса до сегодняшнего дня мы с тобой постоянно поддерживали отношения… эпистолярного свойства. Единственные спокойные отношения, какие у нас были.

И длительные.

И длительные, конечно.

Ты не расскажешь мне, почему ты остался на Канарах? Это как-то связано с твоим приездом сюда?

Нет. Это ведь ты приехала посоветоваться со мной, так вот и советуйся, а не допрашивай меня.

С головой у тебя все в порядке, умом ты моложе, чем телом. То, как ты говоришь и мыслишь, напоминает мне тебя прежнего, всегдашнего, как будто и не было всех этих лет.

А разве это не заметно по письмам? Я имею в виду — то, что с головой у меня все в порядке.

Нет. То есть да, конечно, да, но в письмах все иначе. В письмах человек не столько говорит, сколько размышляет, организует свои мысли, приводит их в порядок, выстраивает, у него больше возможностей защититься. И, знаешь, даже по письмам чувствуется твоя педагогическая натура: они очень ласковые, очень дружеские, но это письма педагога, профессора. А сейчас,

когда ты вот тут, передо мной — и это весьма любопытно, — у меня ощущение, что ты не мой преподаватель, а скорее один из моих товарищей по университету, только на пару лет постарше. Да, именно это я имела в виду: дело не в том, что прошли годы, а в том, что они приблизили нас друг к другу.

Как будто бы ты повзрослела, а я все это время поджидал тебя.

Гм. Как ты любезен. Повзрослела. Что это ты вдруг стал таким учтивым? Нет-нет, ты меня ничуть не обидел: я действительно вполне взрослая, зрелая женщина и не скрываю своего возраста. Сорок три — и ни годом меньше. Но прежде ты сказал бы «постарела», а не «повзрослела». Что тебя так изменило здесь? Одиночество? Чужая среда? Как бы то ни было, абсолютно верно, что зрелость сближает людей — даже при такой разнице в возрасте, как у нас с тобой. Для меня ты всегда останешься человеком, который дал мне особенно много — так много, что до сих пор я в значительной степени живу тем, что обрела с твоей помощью. Но теперь общение с тобой — я хочу сказать, теперь, сейчас, когда наконец мы общаемся не посредством писем, а снова оказались лицом к лицу, — уровень этого общения

стал другим, я такого не ожидала. И я рада этому.

Могу предположить, что в письмах я по-прежнему выглядел чем-то вроде учителя.

Ну, в общем, да. Я и писала тебе в надежде на это.

Не могу сказать, что мне роль мудреца не по вкусу, но сейчас ты действительно ближе. Жизнь сближает людей.

Послушай, это ведь очень хорошо, что ты мудр. Мы сейчас и правда разговариваем по-другому, не так, как прежде, но я была бы весьма благодарна, если бы ты продолжал оставаться мудрецом.

Почему ты не ешь?

Что? А-а, нет. Нет. Я лучше подожду. Зато ты, как я вижу, просто в восторге от них.

Устриц — натуральных, живых — следует есть только в непосредственной близости от моря, я все больше убеждаюсь в этом. Тебе же известны все эти глупые разговоры насчет того, что ни в одном порту не найдешь такого выбора морепродуктов, как в Мадриде? Такое могут утверждать только провинциалы. А уж что касается устриц, тут всякие споры просто неуместны. Разница в интенсивности вкуса очевидна.

Честно говоря, мне как-то неприятно есть их живьем. Нет-нет! Оставь их, ешь. Мне неприят-

но есть их самой, а не смотреть, как это делают другие. Особенно с таким довольным лицом, какое становится у тебя после каждой устрицы. Устрица, глоток вина — я вижу, это своеобразный ритуал.

Это ритуал счастья. Смотри-ка, вот и омар. Как он тебе?

О господи, ну и зверюга.

Да, доисторическая. Я рад, что сегодня здесь нет лангустов. Я бы ни на что не променял эту роскошную даму.

Даму?

Видишь, вот икра. Эта сеньора — просто шедевр природы. И эти кораллы… Ну, на доброе здоровье.

Что ты сказал? На здоровье? Да я умру, если мне удастся ее съесть.

Ну-ну, не прикидывайся неженкой. Это же чистое удовольствие без единого атома жира. В атаку!

С какого бока?

Он такая важная фигура, этот Армстронг?

Да, очень важная. Номер один. Ты даже представить себе не можешь, что это за человек. И в личном плане тоже: умница, замечательно умеет проникать в самую суть, выстраивать свои мыс-

ли. Плюс к тому — великолепное чувство юмора.

Не знаю, я как-то никогда не доверял этим якобы кладезям премудрости. Академическая слава редко сопровождается подлинными чувствами и подлинным умом.

Испанская — нет, но англосаксонская — да.

О, довольно, довольно. Чужеземный академизм в общем и целом так же туп, как и испанский, потому что прежде всего это академизм: ему неведомы национальные отличия — это проблема рассеянного склероза, ха-ха-ха. Пора нам уже перестать преклоняться перед всем иностранным, переживать и униженно просить прощения за то, что мы испанцы.

Что за чушь! Кто это говорит?

Ты. Сама грешишь этим. Ты опускаешься на колени перед этим светилом, которое высасывает твои мозги, и ты готова пожертвовать жизнью ради того, чтобы работать с ним. О чем мы говорим?

О чем *ты* говоришь?

Просто я уже сыт по горло этой глупостью и легковерием, этим преклонением перед всем, что приходит извне. Это нечто вроде кори, которая должна была бы пройти у вас с возрастом, но я уже вижу, что она не прошла: хуже того — она

прогрессирует.

У вас? У кого это — *у вас*? У кого она должна была пройти?

У всех, девочка, у всех.

Послушай. Если я стремлюсь работать с Армстронгом, то лишь потому, что он — крупнейший специалист в поэзии английского романтизма. Я говорю «крупнейший», потому что читала его работы, а также работы почти всех, кто прямо или косвенно занимается этим делом — моим делом. А еще я скажу тебе, что ты палишь наугад, потому что ни черта не понимаешь в том, о чем и о ком я говорю. Я не понимаю, что это на тебя нашло, но стрелял бы ты лучше в другую сторону, а не по мне.

Ну, разумеется. Кто же посмеет спорить с тобой?

Да ведь ты даже ничего не слышал об Армстронге, пока я не упомянула о нем.

Не слышал. Конечно, не слышал. Но мне и не нужно знать его — ни его, ни кого-либо другого, — чтобы с первого взгляда опознать легковерие и глупость.

Значит, я — легковерная дура? Я?

Ну, я не уверен…

Но это же невозможно — выслушивать всю эту

чепуху! Ты хоть понимаешь, что сам заблудился в том, что сейчас тут наговорил?

Мне нет дела до Армстронга. Меня возмущает этот тон безоглядного обожания, каким ты говоришь о нем. В этом и заключается зло легковерной глупости. Могу тебе предсказать: у него ты не научишься ничему такому, чего уже не знала бы сама, зато пройдешь целый курс почитания, пока с твоих глаз не спадет повязка и ты не поймешь, что, если действительно стремишься познать лучшее, тебе нужно читать всех этих ханжей, но при этом отойти от них подальше, потому что они жаждут только лести и преклонения. Это власть. Проклятая власть, отравляющая души; яд, который дает победу, триумф — по крайней мере, ему. А вам?

Ты мне скажешь в конце концов, кто такие эти *мы?*

Все вы.

Знаешь, что я тебе скажу? Иди ты ко всем чертям.

Я? Ну, как скажешь… Эй! Погоди! Что это с ней? Подожди, слышишь…

У меня нет будущего — вот к такому выводу я пришла. Продолжать преподавать, бороться за кафедру… это всего лишь продолжение и борьба,

и все до такой степени бесплодно, что просто подавляет меня. У меня ощущение, будто я брожу по собственной могиле. Все плоско, однообразно, ни волнений, ни желаний.

Ни зрелости, дорогая моя… может быть.

Ни зрелости, это точно. Зачем она мне? Насколько я себе представляю, зрелость имеет под собой какую-то основу, ведь так? И должно быть какое-то место, куда ее поместить, а если нет, то для чего она нужна? А незрелости люди, похоже, побаиваются — возможно, из страха перед всем тем, что неустойчиво, несостоятельно… незрелость считается продуктом неуверенности. Что за глупость! Как будто неуверенность исчезает с приходом зрелости. На самом деле я считаю, что зрелость — это что-то вроде сонного мака для большинства смертных, не понимающих, что они пользуются ею как разменной монетой в своих уступках. «Вы уже взрослый, зрелый, ответственный человек, у вас уже есть где обосноваться и культивировать свою мудрость…» Мудрость ожидания смерти, судя по тому, как ее превозносят, наверное, тоже здорово ободряет и воодушевляет, но все лгут, скрывая, что это уступка слабости, которая ведет их к могиле — бесславно, безрадостно — и которую они предпочитают прятать

от остальных. Вот это умение притворяться и принято именовать зрелостью. Вот так люди питаются своим отсутствием крепости и веры, превращая его в состояние снисходительного потворства, подобное состоянию свиты голого короля. Так вот, что-то внутри меня говорит, что мне вовсе не нужно смиряться и соглашаться, я не должна делать этого, а конформизм — еще более мерзкий и гнусный порок, чем лень. О господи, как же я ненавижу слабохарактерность! Я мирюсь со многими другими человеческими слабостями, но эту ненавижу всей душой.

Ладно, я постараюсь забыть о некоторых довольно-таки нелепых утверждениях, которые ты сейчас высказала, — и ты сама прекрасно знаешь, что они таковы, — а в ответ на них, уж позволь, скажу тебе, что в твоей апологии незрелости есть нечто романтическое.

Но ведь это как раз моя специальность, не так ли? Думаю, я не случайно выбрала именно романтическую поэзию. Чтение Китса на берегу моря — помнишь, я тебе рассказывала? — тоже сцена весьма романтическая. Когда смотришь издали. А, так сказать, в оригинале и в тот момент она, вероятно, была чисто эмоциональной.

Послушай, я не собираюсь больше сердиться

на тебя, но ты должна признать, что не желаешь складывать оружия. Я не оставлю тебе выбора, я не хочу, чтобы ты снова умчалась, бросив меня, как в прошлый раз, когда изволила разгневаться. Но вот что: согласись, ты приехала сюда с целью поверить свои намерения моим мнением; поэтому прими условия нашей встречи, сколь бы ни были они жесткими.

Я принимаю их, и… посмотрим, смогу ли я их выдержать. Я высоко тебя ценю, но мы с тобой — люди очень разные, поэтому естественно, что время от времени между нами проскакивают искры, ничего уж тут не поделаешь. Однако я признаю, что приехала сюда, чтобы поговорить с тобой, поскольку меня обуревают сомнения. Одно дело иметь ясную идею — не хочу быть конформисткой, не хочу зарывать свою жизнь, а другое — уметь правильно приложить ее. Для этого мне нужен ты.

Или ты думаешь, что я тебе нужен. Не обманывай себя на этот счет: возможно, я полезнее тебе в роли фронтона[9], чем в роли советчика.

Ты в роли фронтона — просто очаровательно. Только представь себе: ударить о тебя мячом и

[9] Примечания: 9

Фронтон — стена, о которую бьют мяч во время игры в пелоту (традиционную игру басков).

сразу достигнуть цели. Чудесное освобождение, не правда ли?

У тебя и правда любопытное чувство юмора. Интересно, что за ним скрывается?

Так вот, представь — ты можешь хоть что-нибудь себе представить, хоть на минутку? — что вся моя работа по Китсу, включающая в себя перевод его од, работа, подчеркиваю, в которую я вложила столько внимания и столько труда, что даже начала подозревать: она значит для меня гораздо больше, чем просто исследование, — в общем, все это высоко оценено человеком, которого я считаю высочайшим авторитетом в этой области, и не потому, что он светило — для меня это не имеет значения, — а потому, что *я* уважаю его больше всех. По-твоему, мне есть дело до того, что он якобы ханжа? Мне на это наплевать: наплевать на все его величие и на весь его английский антураж. Я как раз думаю о себе: он уважает меня в ответ на мое уважение к нему, но я первая начала уважать его. По-твоему, это глупость и легковерие? Нет. Ты прекрасно знаешь, что нет. Вспомни, ведь это ты учил меня говорить, высказываться, и я сейчас говорю о самом главном в этом вопросе. Я говорю о себе, об Армстронге пока забудь. Но Армстронг предла-

гает мне год поработать с ним, в его святилище — там, в Англии, и при этом подразумевается, что где год — там и два. Что скажешь? Я должна отказаться? Не отвечай, я продолжаю излагать проблему. Сейчас настал момент понять, чего ради я работала над Китсом: во исполнение своей педагогической миссии или ради того, чтобы достичь некой вершины. Потому что, если речь идет о втором, я должна ехать. И вот тут — на самом деле вот тут, в человеческом плане — и начинается моя проблема. Поэтому меня интересует твое мнение не об Армстронге — о нем ты волен думать все, что угодно, — а о том, что мне делать со своей жизнью, потому что я чувствую, что играю ею.

2

Мое замужество? Ну, я же тебе говорила. Или тебя интересует что-то конкретное?

Возможно, твое решение в значительной степени связано с ним.

Я бы сказала, наоборот: оно может сильно повлиять на него.

Об этом я и говорю.

Нет. Ты говоришь, что брак может повлиять на мое решение, а я сказала, что это решение может создать проблемы для моего брака. Это не одно и то же. Похоже на игру слов, но это не одно и то же.

Конечно. Это не одно и то же.

Такое случается, в жизни всегда случаются такие вещи. Вот и сейчас случилось. Вот такой расклад..

Да уж… проблема.

Что ты сказал?

Ничего. Проблема, говорю. Или дело не в этом?

Что? Ты не можешь задавать вопросы ясно и понятно? Тебе всегда нужно интересничать?

Ладно, рассказывай.

Ты даже не интересничаешь — ты не снисходишь до того, чтобы задавать вопросы, а если уж задаешь, то так, что я вынуждена рассказывать тебе все, хотя ты и не просишь. Честно говоря, не нравится мне эта твоя манера. По-моему, единственное, чем она продиктована, — это высокомерием, хотя не понимаю, почему. Почему ты ведешь себя так? Зачем тебе это? Может, вопросы кажутся тебе проявлением слабости, унизительной болтовней или чем-то еще в том же роде?

Они кажутся мне проявлением корректности, вот и все, так что незачем волноваться. Я спрошу прямо и ясно: какая у тебя была проблема?

Проблема… мне трудно говорить о ней.

Тогда оставим.

Нет-нет… Нет. Погоди. Лучше уж я расскажу. Просто это связано с тяжкими воспоминаниями — со смертью. Это самое горькое, что мне пришлось пережить.

Да.

На самом деле я рожала трижды, но первый ребенок… его нет. Это был мальчик. Он умер через месяц после рождения. Думаю, ты ничего не знал.

Не знал. Ничего. Ты не представляешь себе, как мне жаль.

Вот так все случилось. И эта боль не утихла до сих пор. Мне стало очень больно сейчас, когда я об этом заговорила. Когда вспоминаю, конечно, уже не так тяжело. Но вот сейчас, когда я представила себе, что нужно будет снова говорить об этом… Прости.

Не надо ничего рассказывать. Не надо. Забудь об этом.

Нет, нет, надо. Позволь мне рассказать, неважно, что мне будет больно, потому что это нужно. В конце концов, ты же знаешь, что такое раны.

Иногда раны заживают.

Иногда — да. Я думала, что и моя зажила. Меня совершенно выбивает из колеи такая боль — я имею в виду, воспоминание о боли. А ты, наверное, не думал, что я такая неженка, правда?

Я? Откуда мне знать? Ведь я даже не знаю, что ты чувствуешь, я могу только представить себе это.

Да, правда, прости, я просто сама не знаю, где моя голова.

На плечах. И выглядит вполне нормально.

Юморист.

Это было связано со смертью, понимаешь, — с тем, что стирает все. Если ты исчезаешь, мир остается, продолжает быть — для других; но

тебе-то какое дело, что он существует для других? Знаю, это пошло, но от этого содрогаешься, как от мысли о том, что можешь умереть. Мир есть то, что ты воспринимаешь, верно? Он существует постольку, поскольку существуешь ты; и вдруг — раз! — тебя не стало, и не стало мира. Всякий раз, когда кто-то умирает, перестает существовать мир. Мертвому-то уже все равно, но мы, все остальные, способны представить себе это: умереть — значит перестать ощущать. Что происходит, когда до тебя дойдет, что умереть означает, что все останется жить, а ты сам исчезнешь, словно провалишься в какую-то черную сточную трубу? Только поняв, что умираешь вот так, испытываешь ужас оттого, что перестанешь воспринимать мир. Честно говоря, я не знаю, зачем вообще от этом думают… чтобы пострадать? Чтобы испытать страх? А кроме того, даже если ты полное дерьмо, для себя самого ты есть все то, что существует. Как говорится, в сортире никому не противно собственное дерьмо. В конце концов ты понимаешь, что тебе, сидящему в своем любимом непрочном сортире, страшно умереть, потому что ты жив; только живые боятся смерти, даже сидя в сортире со спущенными ниже колен трусами. Как глупо, правда?

Не так уж и глупо, хотя подобное видение смерти кажется мне весьма экзистенциалистским. Оно как-то не вяжется с тобой. Но ты рассказывала о своем умершем сыне.

Да. Бедненький. К счастью, у меня не было случая задуматься об этих вещах. Сейчас меня уже почти не затрагивает мысль о собственном исчезновении. Прежде — да, но теперь мне не страшно. Я испытываю что-то другое, но не страх. Это был ужасный, жестокий опыт.

А о чем ты думала тогда?

Что во мне что-то умерло. Я не проводила философских исследований, ничего такого. Но во мне что-то умерло и так и осталось там, внутри меня. Хочу я этого или нет, оно во мне, я несу его в себе, как балласт.

То, что ты потеряла.

Нет. То, что есть у меня, во мне. Мертвое. Видишь, какая странная ситуация? С тех пор я ношу в себе смерть, некую мертвую тяжесть, мертвый кусок жизни, подобно какому-то отмершему, бесполезному, высохшему органу. Вот здесь, внутри.

Да, это хороший образ.

Нет. Это не образ. Это реальность. Это так. Я ношу это внутри. Я не потеряла это, оно не в памяти, и это не образ… Ты не понимаешь. Нет.

Ты не можешь понять, до меня только сейчас это дошло. Он был еще слишком мал, чтобы умереть самому, поэтому я ношу ее в себе — его смерть. Не надо думать ни о чем странном, о соматическом воспоминании или о чем-то подобном. Это так же реально, как то, что я живу.

Кажется, я знаю, что ты имеешь в виду.

Нет. Конечно же, нет. Но все равно я тебе очень благодарна. Просто есть вещи очень личные.

Мне его не следовало видеть. Если бы сейчас мне сказали, что у ребенка практически нет возможности выжить, я не захотела бы видеть его. Впрочем, вру. Конечно, захотела бы. Нет, и это неправда. Я просто не смогла бы не видеть его. Понимаешь? Даже если бы он дышал всего несколько секунд, я посмотрела бы на него, взяла бы на руки, поцеловала. Даже если бы это принесло мне только отчаяние и слезы, я обняла бы его, и поцеловала бы, и он был бы со мной до тех пор, пока его бы у меня не отняли. Даже если бы он родился мертвым, я взяла бы его на руки и качала бы. Бедный малыш, я плачу, как полная дура.

Ты плачешь о себе.

Да, это правда. Я плачу о себе. Он не может заплакать о своей потерянной жизни, а я плачу потому, что потеряла его. Может, в этом и весь

секрет: в том, что мертвые никогда не плачут о себе. Плачут остальные — те, кто измеряет их отсутствие, кто получает завет этой смерти.

На самом деле именно они понимают значение этой смерти. Для умершего, будь он ребенком или стариком, собственная смерть не обладает значением, а для остальных — да. Смерть, когда она приходит, всегда является таковой для тех, кто остался жить, а не для того, кто умирает. В этом смысле мир сильно ухудшился. Теперь больше никто не прибывает с монетой во рту на берег, где поджидает Харон: угасание происходит само в себе, без всякой красоты, без всякой переправы через Ахерон. И никто не стучится в небесные врата, чтобы представиться святому Петру, — нет, угасание происходит быстро, как этот современный метод исчезновения, именуемый кремацией, который пользуется таким успехом по наименее благородной из всех возможных причин: по причине удобства для родственников. Хотя, возможно, не следует упускать из виду и собственное желание некоторых покойников не отягощать этих родственников еще более: своего рода посмертная любезность. Но я забрел туда, куда не следовало, и ты до сих пор плачешь, мне нет прощения.

Да. Смотри, я больше не плачу.

Я смотрел на тебя и видел, что ты плачешь очень медленно, как будто слезы приходят издалека и добираются до глаз, уже устав. Ты плакала сильно и очень горестно.

Ты сказал с большим чувством, спасибо. Ну, ладно, все. Я хотела рассказать тебе о другом. Нет. Рассказать о том, что связано с этой смертью, но не так. Однако тут все имеет значение, потому что я хотела сказать, что вместе с ребенком умерла какая-то часть меня самой, и я ношу это в себе, оно не вышло наружу, как ребенок, оно умерло не вне, а внутри меня и не выйдет наружу никогда. Это что-то мертвое, и оно — часть меня. Оно не болит, не беспокоит, но оно там, внутри, я чувствую его, потому что иногда оно появляется, — знаешь, как делаешь вдруг какой-нибудь частью тела резкое движение и ощущаешь старую боль от забытой раны, вспоминаешь, где она была, и думаешь: она зажила, но она была здесь. Что-то в этом роде.

Или не зажила, но не беспокоит.

Да. О ней не всегда помнишь, но она здесь — ты это хочешь сказать, верно?

Это как с памятью. Ее не ощущаешь постоянно, но она всегда приходит, если ее разбудить

— неважно, вольно или невольно.

Нет, нет. Это совсем не как с памятью, и эта смерть отнюдь не затихла в каком-то ее уголке. Вот видишь, ты не понимаешь. В общем, я хотела сказать, что тогда, ну, когда мой сын умер, когда он выскользнул из моих рук, а мне не было дано времени, чтобы любить и защищать его, моя душа тоже ушла. Я несколько дней жила без души, это совершенно невероятное ощущение.

Несколько дней?

Да, несколько… четыре, пять, может, шесть, но не больше. Продлись это больше, я бы умерла. Невозможно дольше жить без души. На самом деле я и так долго продержалась, это было что-то нечеловеческое.

Где же ты находилась в этот отрезок времени? Между небом и землей?

Как феи? Не смеши меня. Вижу, ты абсолютно не веришь мне. Ну, ладно. Зачем тогда рассказывать тебе все эти вещи. Я кажусь тебе спиритисткой, или эзотеричкой, или еще чем-нибудь подобным? Когда душа уходит, тело чувствует себя ужасно. Пока душа отсутствует, оно живет только рефлексами, поэтому это ужасно, больно даже дышать. Моя душа ушла вместе с ребенком, проводила его и вернулась. А пока ее не было, я оставалась

в таком горе, сухости и пустоте, в такой крайней степени одиночества, какой ты даже не можешь себе представить, какой больше нет в мире. Когда тебя покидает душа, все желания исчезают, а действия, влажность, свет, тепло… они теряют смысл. Все желания, кроме одного: чтобы душа вернулась, вернулась как можно скорее. Так бывает, когда переживаешь смерть.

Взгляни на это растение. Что это такое?

Понятия не имею.

Ты гуляешь и ни на что не смотришь. Вечно погружен в свои мысли, да?

Я смотрю. Я вижу то, что вижу, и наслаждаюсь этим.

А разве тебе не любопытно узнать, как называется растение, которое ты видишь каждый день?

Я не знаю, вижу ли я его каждый день. Полагаю, что вижу — в совокупности с другими. Я живу рядом с Природой, а это ощущение глобальное. Что особенного в этом растении?

Оно очень красивое и очень простое, разве ты не видишь? Похоже, это какой-то дикий кустик — очень храбрый, потому что уже так холодно. Мне очень нравится этот веселый, но спокойный зеленый цвет его листьев, а прожилки у них, посмотри-ка, сероватые. И взгляни на цветок: вот

ветка, вот листья, а на конце ее листья вдруг как будто становятся гроздьями свисающих цветов — желтоватых, желтовато-зеленых, словно сами листья превратились в цветы. Наверное, это куст дикий, но он очень изящный, утонченный, и оцени эти переходы оттенков между листьями и цветками.

Силы небесные, ну и глаз у тебя. Ты права.

Иди, иди дальше, это не твоя епархия.

Обещаю, что узнаю, как оно называется.

Вряд ли. Да, впрочем, если даже и спросишь о его названии, то все равно забудешь его или забудешь сказать мне.

Мне хотелось бы выпить кофе, помнишь? Который мы не выпили из-за твоего приступа ярости.

Признаю, что действительно пришла в ярость, но ты… Короче, позволь напомнить, что я приехала поговорить с тобой насчет этого предложения, потому что от него зависит мое будущее, так что я не хочу больше никаких бестактностей с твоей стороны, договорились? Сейчас не та ситуация. Потому что речь идет не только о том, решусь я или не решусь пройти курс обучения в Англии, но и об одном-двух годах вдали от семьи. А может — кто знает? — и о том, чтобы начать новую жизнь.

Новую жизнь? Да ты фантазерка.

Просто ты не принимаешь меня всерьез — в этом вся проблема. Ты даже еще не знаешь, о чем я хочу тебе рассказать. Ты воображаешь себе разные вещи еще до того, как услышал их, и делаешь свои выводы. Ты хоть помнишь, что до сих пор не спросил меня, что со мной происходит? Послушай, я приехала из Мадрида, я проехала на машине более четырехсот километров, чтобы провести здесь выходные, потому что мне нужен совет, нет, потому что мне нужна помощь, чтобы попытаться разобраться кое в чем, что может изменить мою жизнь, а ты все еще ждешь неизвестно чего — с полным безразличием; пари держу, что если я уеду, так ничего тебе и не сказав, тебе будет все равно. Все точно так же, как с этим растением: ты видишь его каждый день и не знаешь, как оно называется. Если тебе есть дело только до самого себя, как ты собираешься сделать что-то для меня?

Тогда почему ты приехала?

Потому, что ты обращаешь внимание только тогда, когда тебе самому заблагорассудится, а я сейчас хочу, чтобы ты обратил внимание на меня и понял, о чем я хочу тебя попросить: чтобы ты воспользовался своей головой и своим опытом

и помог мне увязать между собой вещи, которые не связываются, или, наоборот, помог понять, что увязывать их и не стоит. Мне нужен другой, сторонний взгляд на то, что мне предлагается. Больше ничего. Даже не совет. Просто взгляд со стороны. Разве так трудно это понять?

Мне все ясно.

Ну так давай. Давай пойдем пить наш кофе. А что, солнце сегодня не выйдет? Какой холод!

А, кстати, как ты переносишь свое вдовство?

Меня оставь в покое. Сейчас речь идет о том, чтобы выяснить, что же на самом деле тебя беспокоит.

Как странно. Мне хочется и не хочется говорить. С тех самых пор, как я приехала. Я ехала сюда с большим желанием поговорить, а сейчас никак не могу решить, да или нет.

Что «да или нет»?

Продолжать рассказывать или нет.

Я должен сделать вывод, что ты разочаровалась.

Ну, не совсем так. Скорее всего, дело в том, что ты не поощряешь меня. И потом, я думала о Саре — тебе ведь тоже пришлось пережить смерть. Ее смерть.

Ну, мне-то уж совершенно точно не хочется

говорить о себе, так что выбрось это из головы. И о Саре тоже. Кроме того, тему смерти подняла ты, а мне кажется, что она не имеет отношения к твоей проблеме.

Тогда что — закрыли тему?

О моей жизни? Да, закрыли.

Ладно, согласна. Хотя подобные темы просто так не закрываются, но — дело твое.

Послушай, ты мне надоела. Хватит этих женских штучек.

Хорошо, хорошо. Не буду больше настаивать и буду пить кофе.

Еще довольно светло; давай воспользуемся этим.

Ты позволишь мне расплатиться?

Сейчас давай выйдем отсюда. У тебя еще будет случай угостить меня: в этих местах темнеет очень быстро, и, если ты не хочешь провести остаток вечера в четырех стенах, нужно поспешить, чтобы успеть пройтись по барам.

Как хочешь.

…И слава богу, что самая длинная ночь уже позади. Мы уже на пути к свету, хотя это пока и незаметно: он прибавляется буквально по капельке, но поскольку я располагаю временем, мне удается отслеживать эти едва уловимые

изменения.

Тебя не интересует название растения, которое ты видишь ежедневно, однако ты замечаешь, как увеличивается световой день.

Это значит, что свет меня интересует. Ну, ладно, давай резюмируем: мы так и будем общаться в тот же духе?

Я тоже живу в погоне за светом. Посреди бури. А ты ждешь его, может, даже подстерегаешь, но спокойно: тебе некуда спешить, тебя ничто не подгоняет. Попробуй сказать мне, что нет никакой разницы. Ах, Фаусто, ты старик, пенсионер.

Может, ты перестанешь говорить обо мне?

Скажи, что ты сейчас делаешь в этой жизни? Что такое для тебя жизнь?

Что это — допрос?

Да, мне хочется тебя поспрашивать. Давай, отвечай. Что такое для тебя жизнь сейчас, чем она является для тебя?

Ты хочешь, чтобы я рассказал тебе, как я живу с тех пор, как вышел на пенсию?

Нет. Не уклоняйся от ответа. Я задала тебе вопрос. Что происходит, когда человек уединяется в таком вот глухом уголке мира? Что ты чувствуешь? Чего ждешь? Что у тебя впереди?

Люди…

Нет. Ты. Не люди. Ты.

Я не хочу ничего рассказывать. Я уже по другую сторону. Я думаю. Гуляю. Ем. Читаю.

Не опускайся до подобной чепухи. Я спрашиваю, как ты живешь.

Спокойно.

А что такое спокойствие? Не выводи меня из терпения. Что такое спокойствие в этом мире для человека, у которого работает голова?

Тебе непонятно? Просто наблюдаешь, как что-то происходит и проходит…

Зачем?

Как, черт побери, зачем? Это мудрость. Что-то вроде состояния вечного пребывания на земле. Ты хоть понимаешь, как прекрасно располагать временем для того, чтобы знать?

Чтобы знать что?

О господи, ты невыносима.

Отлично.

Я читаю. Это тебя устраивает? Сейчас я читаю Платона[10], а мир может идти ко всем чертям.

Если мир может идти ко всем чертям, не знаю, зачем тебе Платон.

Он доставляет мне удовольствие. Тебе же до-

---

[10] Примечания: 10

Платон (428–347/348 гг. до н э.) — древнегреческий философ, ученик Сократа и учитель Аристотеля.

ставляет удовольствие «Ода к греческой вазе», не правда ли? Я напомню тебе: Галисия. Берег моря. Китс…

Ты просто шулер. Китс заставил меня задуматься о смысле мира.

А Платон — нет?

Нет. Ты говоришь о чтении Платона так, словно это отдохновение от трудов праведных.

Ты действительно просто невозможна. Невозможна и еще слишком молода. Спокойствие не по тебе. Для тебя знать означает рваться к знанию. Послушай, мир существует уже так давно, что в нем есть все, кроме спешки. Ты спрашиваешь: зачем то, для чего это. Я тебе отвечу: ничто не для чего — все просто существует. И в этом суть. Определенно, этот мир переживает период утилитаризма. Он как будто говорит себе: нет целей — нет жизни. Твой Китс раскрывает тебе смысл жизни? Браво, дорогая! Ты нашла, в чем заключается полезность Китса! Но когда ты рассказывала мне, как читала его тогда, на берегу, ты говорила об удовольствии — удовольствии в себе, а не о пользе удовольствия.

Это правда.

Ну вот, это и есть теперь моя жизнь: голое, неприкрытое, в высшей степени безответствен-

ное удовольствие.

А моя жизнь — нет… Нет. Я знаю, что она не такова. Мне хотелось бы позавидовать твоему спокойствию.

Оно в твоем распоряжении.

Может, за этим я и приехала. Не знаю. Я в каком-то разлаженном состоянии… Ну ладно, хватит обиняков. У меня серьезная проблема: поехать в Англию означает оставить здесь мужа и дочерей, а я не знаю, имею ли я право это сделать. Не знаю, стоит ли.

Могу предположить, что это «оставить» — нечто большее, чем просто поступок или период времени, каким бы долгим он ни был. В таком случае у тебя должны быть весьма серьезные сомнения.

Нет, это не сомнения. Это ужасная борьба против убеждения.

В общем, когда я сказала мужу, что мне придется уехать в Англию и на определенное время остаться там, он ответил, что готов обдумать это, хотя я знала, что он ни за что не оставит свою работу и свою нынешнюю жизнь. Не отрицаю, он действительно размышлял над идеей переменить место и изменить жизнь, но эти размышления исчерпывались сами собой, как у

человека, который с любопытством и восхищением разглядывает привлекательный предмет, находящийся вне пределов досягаемости. И по-своему он был прав: разве это не безрассудство — забрать девочек из школы, бросить работу и уехать в чужую страну? Однако суть безрассудства заключается не в этом, потому что многие люди периодически переезжают с места на место в связи с работой. Мы в Испании еще не привыкли к таким вещам, тут наша страна еще живет по старинке: у нас обычно ищут работу в каком-то конкретном городе с тем, чтобы пустить там корни. У нас, людей, связанных с преподаванием, такого опыта несколько больше, потому что, прежде чем удастся где-то осесть, приходится обойти или объехать немало мест, но все же это заметно отличается от американской модели трудовой мобильности. Суть данного безрассудства в том, что переезд затевается из-за меня — из-за женщины. Когда происходит наоборот, все вполне резонно: если мужа куда-то посылают или он сам перебирается в другое место в поисках лучшей работы, семья следует за ним. Если в этой семье жена тоже работает, она все равно едет вместе с мужем, и всем это понятно, ни у кого не вызывает и тени сомнения. Она найдет себе

другую работу, какой-то заработок, или ей просто придется смириться и привыкнуть. Разумеется, я не критикую такое положение вещей, чего ради я стала бы критиковать его? Дилемма, как я уже сказала, заключается в другом: если я уеду, согласится ли он оставить свою работу и поехать со мной? Согласится ли попробовать найти себе работу в Англии? Подчеркиваю: я его понимаю, а кроме всего прочего, он не говорит по-английски. Согласится ли он — если предположить, что я буду зарабатывать достаточно, — искать себе заработок, как-то устраиваться на то время, что я пробуду там? Уехав, он потеряет работу, на которую, скорее всего, потом уже не сможет вернуться. Я говорила тебе, он пользуется большим доверием, поэтому можно сказать, что его судьба связана с этой солидной адвокатской конторой, он занимает там место, которое словно было с самого начала создано для него; его жизнь обеспечена и хорошо налажена, если не считать каких-то непредвиденных обстоятельств. Поэтому я пойму, если он не захочет ехать — он рискует слишком многим. Но, с другой стороны, если бы уезжать пришлось ему, я поехала бы с ним. Да, можешь не сомневаться. На самом деле этого чуть не произошло. Маркосу сделали очень за-

манчивое предложение, но он должен был ехать в Бильбао, и… ну, в общем, я даже начала выяснять возможности трудоустройства где-нибудь поблизости. Это была целая проблема, потому что я многое теряла, и в самом лучшем случае, если бы сильно повезло, мне пришлось бы каждую неделю ездить туда-сюда, подстраивать свое расписание… ох, лучше не рассказывать. А в конце концов он отказался.

Маркос?

Да. Он отказался. Думаю, он поступил правильно — уж не помню, в чем там было дело: то ли условия оказались не такими уж выгодными, то ли ему не хватило характера. Да сейчас это и неважно.

Сложная ситуация.

Да, но такие вещи происходят в жизни постоянно. Его это предложение привлекло потому, что давало ему возможность самому войти в дело партнером. Он загорелся этой перспективой, это была важная перемена в жизни, мы были рады. Мы строили планы, потому что были рады, понимаешь? А потом вдруг он сказал: «Я не еду, мне очень жаль, что все так вышло». Я поняла его, я его хорошо знаю. И ответила: «Ну и ладно, ничего страшного, как-нибудь все образуется». А он: «Я

не могу. Мне очень жаль». Я знаю, каково ему было. Тогда я снова сказала: «Ничего страшного». Он ходил растерянный, подавленный: девочки, будущее, ответственность, обеспеченность. Он все время говорил одно и то же, и я очень хорошо помню, что мне было с каждым разом все тяжелее это слышать. Он все время повторял: «Мне очень жаль. Это я виноват. Мне очень жаль». Господи, я не знаю, зачем я тебе это рассказываю.

А я знаю.

Конечно, еще бы. Я из-за всего этого попала в страшный переплет, и пришлось улаживать все самой. Но с тех пор у нас все хорошо, я же говорила тебе. В общем, не думай, что я развернула борьбу за права женщин, я просто задаю себе вопрос: принимаю ли я тот факт, что мы с ним находимся в равном положении? Ответ — да. В этом вопросе для меня все ясно, и, в общем, я делаю все возможное, чтобы не обманывать себя. Дело в том, что мы стараемся поддерживать это равенство — по многим причинам, в том числе и из-за наших отношений, я же тебе рассказывала, как они начались. Это связь двух равных людей — с тех пор, когда мы снимали ту нашу первую квартирку на двоих. Я могу сказать Армстронгу, что не отклоняю его предложения, но отклады-

ваю его до лучших времен; примерно так же поступил Маркос с тем своим предложением. Все отлично, однако я уже достаточно долго живу на свете и знаю: это равносильно тому, чтобы сказать «нет» навсегда, потому что ждать тебя никто не станет. Поезд уходит в свой час, и ты должен сесть на него, даже если ради этого придется бежать за ним по перрону, или навсегда остаться там, где ты есть, и с мечтательным выражением на лице смотреть, как мимо проносятся поезда, а потом возвращаться домой, чтобы сунуть белье в стиральную машину. Только в моем случае речь идет не о белье, а о занятиях в университете, и это выглядит весьма заманчиво; многие променяли бы свою стирку на мое положение. На самом деле это моя профессиональная стиральная машина. Я могу сказать Армстронгу «да» и оставить мужа и девочек дома, или оставить мужа и увезти девочек, или одну взять с собой, а другую оставить с ним, в общем, не будем трогать эту казуистику. Резюме: я живу на свете достаточно долго для того, чтобы знать, что разлука может превратиться в разрыв, я не обманываю себя; это не мое тайное желание, как тебе наверняка хотелось бы думать, а убеждение, выработанное жизненным опытом. А хуже всего то, что речь идет не просто

о том, чтобы принять активное — уехать — или пассивное — остаться — решение: и то и другое — решения, в равной степени судьбоносные, одинаково трудные, а кроме того, взаимоисключающие. Как бы я ни поступила, мне придется выбрать только одно из них и *отвергнуть* другое, понимаешь? А это означает, что, если все пойдет плохо, я смогу раскаяться, но никогда, никогда не смогу найти себе оправдания. Если все пойдет хорошо, это будет большой успех; если же плохо, мне придется без всяких оправданий влачить это бремя столько, сколько мне будет отведено.

Всю жизнь.

Да. Давай, смейся.

Просто ты обрисовала эту сложную ситуацию столь высокопарно, что мне захотелось немного сбросить пар, извини за каламбур.

Да, высокопарно… Если бы все дело было только в этом.

Тс-с-с. Взгляни-ка туда, вперед. День уходит, но смотри, как необыкновенно красиво садящееся солнце; через мгновение этот оранжевый цвет обратится в последний блеск; потом наступит момент, когда свет приобретет цвет раздора и окрасит пространство; а потом тени, подобно хору ведьм, заполнят воздух и велят нам отправ-

ляться домой. Это волшебный миг. Прислушайся к нему.

Давай разберемся. Чего ты ищешь в жизни?

Если бы я знала.

Надеюсь, вино развяжет тебе язык. Такие вот разговоры, когда переходишь из бара в бар, то неторопливо бредешь, то пьешь вино, очень облегчают исповедь, вот увидишь.

Исповедь, отец мой? Ха-ха-ха. Мне как-то не приходило с голову, что можно взглянуть на это с такой стороны, но пусть будет так: холодная ночь, теплые бары, где дымно и шумно… Чего я ищу в жизни? Хороший вопрос. Откуда я знаю? Ты заметил, что вино наводит на меня дремоту?

Я спрашиваю, знаешь ли ты, что для тебя важнее всего в этой жизни.

В моей жизни? Таких вещей очень много, не знаю, смогу ли я выбрать что-нибудь одно. Думаю, в этом тоже заключается одна из составных частей конфликта.

Спрошу иначе: имеют ли между собой что-либо общее все те вещи, которые важны для тебя в этой жизни?

Как это — что-либо общее?

Не знаю, помнишь ли ты, но совсем недавно ты сказала следующее: твоя проблема не в том,

чтобы поставить свою судьбу в зависимость от сильного сомнения, а в борьбе с убеждением… С каким убеждением?

Да, так я и сказала. Сейчас я не очень уверена, что в этом есть какой-нибудь смысл… Слушай, тебе не кажется, что здесь немного душно?

Мы сейчас же уйдем, но прежде выслушай меня. Ты говоришь, что для тебя в жизни есть много важных вещей, и я понимаю это. Так бывает со всеми неодномерными людьми — такими, как мы с тобой. Но если мы задумаемся о *смысле* нашей жизни, то увидим нечто такое, что пронизывает все важное для нас; следовательно, есть что-то основное, главнейшее, являющееся как бы осью нашего поведения, вокруг которой оно вращается в сторону добра или в сторону зла, в положительном или отрицательном направлении. Мне бы хотелось понять, что является таким вот главнейшим, основным для тебя, потому что именно в этом коренятся причины, заставляющие тебя принять то или другое решение в нынешней ситуации. Ты меня понимаешь? И… прости, не перебивай, сейчас говорю я. Именно поэтому я и спросил, за какое убеждение ты, по твоим словам, борешься, или против какого убеждения, по твоим же словам, ты борешься, потому что,

если как следует подумать, здесь присутствуют обе возможности: или ты борешься за то, чтобы поддержать это убеждение, или ты борешься за то, чтобы стряхнуть с себя его груз. Однако в любом случае — я возвращаюсь к своему прежнему аргументу — совершенно логично думать, что твое убеждение заключается именно в *смысле,* в *связи,* объединяющей все важные для тебя вещи. А если это так, то именно об этом мы сейчас и говорим — вернее, именно об этом ты и хочешь поговорить: о том, что мотивирует твою тревогу и беспокойство, то есть о предложении Армстронга и о том, как оно влияет на твою жизнь.

Уфф! Ты просто убиваешь меня своим талантом. Погоди, дай немного прийти в себя. Интересно, сумею ли я переварить такую дозу когерентности.

Ладно, приходи в себя, а я пока расплачусь за выпитое, и мы покинем душную атмосферу этого заведения. Мы переберемся в какое-нибудь более спокойное место, согласна? Но это не игра. Теперь мы поговорим серьезно… если ты захочешь. А если нет, будем продолжать пить и веселиться. Знаешь, что хорошо в этой стране? Что каждый испанец мечтает иметь свой бар, чтобы остальные — хоть и не вполне ясно, на что они будут жить и где добывать деньги, — заходили к нему

выпить. Таким вот образом и поддерживается главная отрасль нашей промышленности: индустрия веселья.

Я настаиваю: ты сказала, что ведешь ужасную борьбу против некоего убеждения. Это сказала ты — не я.

Ну, просто так говорится, за этим не стоит ничего конкретного.

Неправда. Ты проговорилась. Послушай, не играй со мной. Как только дело дошло до настоящего разговора, ты начала пятиться. До сих пор все было изящно, остроумно, талантливо, в общем, просто идеально.

Ты все преувеличиваешь. Моя проблема — что мне делать с семьей.

Ничего подобного. Это только видимость. Давай, наберись храбрости.

Это правда. Это единственное, что выбивает меня из колеи. Я шатаюсь потому, что земля уходит у меня из-под ног.

Тогда беги — убеги оттуда, где ты находишься, и все придет в норму. Это Армстронг раскачал под тобой землю? Тогда все просто: скажи ему «нет», и она перестанет качаться.

Да дело вовсе не в этом!

Разумеется, не в этом, потому я и говорю тебе:

ищи. Ищи, в чем оно. Давай.

Черт побери, не дави на меня, не зли меня.

Ты же знаешь, что обманываешь меня, ты это отлично знаешь.

Но о чем ты говоришь? Ты меня просто замучил.

Я говорю о твоем убеждении. Об этом твоем таком важном убеждении. Давай, покопайся немножко в себе. А точнее, постарайся найти в себе капельку смелости, чтобы сформулировать его — вслух.

Нет! Оставь меня в покое! Сейчас мне не хочется разговаривать!

Давай, не отступай.

Какое это имеет отношение?..

Имеет, имеет. Ищи. Ищи.

Забудь об этом, ладно? Забудь об этом и оставь меня в покое.

Я не собираюсь забывать об этом. Ищи.

Так говорят собакам.

Собаки не занимаются самокритикой. Ищи.

Слушай, в последний раз повторяю: оставь меня в покое.

Давай же, ищи. Ищи, моя милая собачка, ищи…

Да будь ты проклят! Это твоя мать собака, а не

я, идиот.

А ты — трусиха.

Это неправда!

Трусиха.

Неправда!

Ну, давай, поплачь. Обычная история, обычное средство — слезы. Тебе не хочется играть всерьез? Не хочется помериться с кем-нибудь силами? Разве мы не равны? Ну, так давай, не тушуйся. Не прячься за слезами.

Мое единственное убеждение, сукин ты сын, которое отравляет мне всю жизнь, состоит в том, что я хочу быть кем-то. Нет, не богом, но кем-то я быть хочу. Хочу знать, что имею какой-то вес в этом мире. Вес в этом мире. Ты можешь смеяться сколько тебе будет угодно, тебе это может показаться смешным, но ты не знаешь, каково это — когда приходится все это завоевывать. Это ты трус, если смеешь говорить со мной так. Будь проклят тот час, когда мне пришло в голову явиться к тебе.

Отлично, вот ты и сказала это. А теперь успокойся.

Не хочу!

Ты все еще сердишься? Ладно, подождем, пока у тебя это пройдет. На самом деле ты очень не

любишь проигрывать. И это не новость — так было и раньше. Все идет хорошо до тех пор, пока с тобой играют по твоим правилам. Но как только игра уходит в сторону от намеченной тобою линии и ты замечаешь это, ты превращаешься в фурию. Я не виноват, что ты не желаешь видеть очевидного.

Дело не в том, что я не люблю проигрывать. Просто меня бесит, когда меня заставляют говорить то, чего я говорить не хочу.

Ты хотела сказать это.

Нет. Не хотела. Хотела бы — сказала бы, но я не хотела.

Ну, возможно, я несколько опередил события, но какая теперь разница? Ты ведь приехала поговорить о проблеме, которая беспокоила тебя, и мы бродили вокруг да около нее, обсуждали ее внешнюю сторону, но никак не ее суть; потом я решил сделать рывок по прямой — *то есть выполнить твое желание,* — и заслужил этим твой гнев.

Это моя проблема, и я имею право говорить о ней так, как угодно мне. А представь, что я не захочу говорить ни о чем, соберусь и уеду… Это мое дело.

И мое тоже. Разве ты не вовлекла меня в него?

Я еще не решила, вовлекать тебя или нет.

Понятно. Ты приехала просто меня прощупать.

Да — в общем, да.

Нет, дорогая, но мы не будем из-за этого спорить. Так что я прошу у тебя прощения, однако что произошло — то произошло. Это единственное, что сейчас следует иметь в виду. Если хочешь уехать, уезжай, я не стану тебе мешать, и за язык тебя тянуть тоже не буду. Но в одну вещь необходимо внести ясность: то, что ты называешь прощупыванием, кончилось в тот самый миг, как прозвучала твоя исповедь. Если ты не хочешь прямо перейти к сути дела — тебе хорошо известно, что я не сплетник, — забудем о нем, и все. Ты останешься здесь столько, сколько захочешь, но о деле, касающемся твоей будущей жизни, ни полслова.

Вот-вот. В довершение всего ты же изображаешь из себя обиженного.

Какие там обиды! Ничего подобного. Я ведь уже сказал: я только хочу внести ясность. Такой уж я человек — или мы договариваемся о правилах игры, или бросаем ее. Играть просто ради самой игры, чтобы провести время… это неинтересно, здесь нет ничего заманчивого, никакого стимула. Я хочу сказать: не делай из меня удобную жи-

летку для выплакивания своих проблем — эта пассивная роль не для меня. Насколько я понимаю, ты приехала поговорить со мной потому, что знаешь: я буду спорить с тобой, не обращая внимания ни на какие твои выпады и вспышки ярости. Со мной говорят для того, чтобы знать, а не для того, чтобы скрывать. Договорились?

Я кое-чего не сказала тебе: мы с мужем не были женаты, когда умер наш ребенок. А что хуже всего — мне так и не удалось освободиться от ощущения, что его смерть была чем-то вроде кары. О нет! Пойми меня правильно. Это не имеет никакого отношения к традиционной морали — тут все посложнее. На самом деле мы не ожидали, что появится ребенок, это произошло случайно, но мы приняли это, оба приняли: будет — значит, будет, очень хорошо. Но все же если бы я хотела его осознанно, то предварительно вышла бы замуж: разумеется, не потому, что так надо, а потому, что официальный брак — это вопрос стабильности, и он дает ощущение стабильности. Ребенку нужна стабильность; если ты не можешь обеспечить ее для себя, то вряд ли сможешь и для ребенка. Ребенка нужно заводить, когда ты готова к этому, а мне пришлось, так сказать, вскакивать на этот поезд уже на ходу. Может, потому

мы и не поженились. Не знаю. Не знаю, как это выразить. Мне нравится принимать решения, очень нравится, и если уж я принимаю какое-либо решение, то выполняю его до конца, но если нет… тогда я чувствую себя немного растерянной и вижу все в ином свете. Так произошло и тогда: я, вернее — мы как будто сели и стали ждать, что будет дальше. Мы хотели, чтобы само появление ребенка убедило нас в том, что стремление к стабильности — это наше дело, наше решение. Ты понимаешь?

По-моему, да. Вам хотелось, чтобы решение пожениться, стремление к стабильности, как ты говоришь, имело под собой какую-то важную основу, и для этого вам был нужен ребенок, его присутствие в вашей жизни. Ты ведь это имела в виду?

Нет, для этого он нам бы не понадобился, понимаешь? Но, конечно, в нашей тогдашней ситуации — да, он был нам нужен, и как раз потому, что должен был появиться не в результате нашего решения. Ожидание, хоть мы и ждали его, не создавало такой основы, это было нечто случайное. А появление ребенка, его, как ты говоришь, присутствие ее создавало; оно должно было придать смысл решению пожениться. На

самом деле я уже чувствовала ребенка в себе, мне не требовалось факта его рождения для того, чтобы еще мощнее ощутить его присутствие, как не требовалось и факта официального брака: в жизненном смысле мне было вполне достаточно этого ощущения, я хотела этого ребенка с тех самых пор, как узнала, что он будет. Однако с момента начала его собственной жизни, вне меня, он превращался в аргумент, обладающий собственным весом, понимаешь? Он обязывал нас создать стабильность, достаточно весомую, чтобы уравновесить его. Не знаю, это нелегко понять. Я хочу сказать, это нелегко объяснить, потому что понять… я понимаю это очень хорошо.

Действительно, нелегко. Но продолжай.

В общем, я не знаю, но когда он умер, мне пришло в голову, что это предупреждение, предостережение, что он умер потому, что мы ошиблись в выборе, понимаешь?.. Прежде чем зачать его, нам следовало сделать выбор в пользу стабильности. Это я и имела в виду, когда сказала, что должна была сначала выйти замуж и воспринимаю эту смерть как кару. Потому что такие вещи нельзя делать просто так.

Ты не преувеличиваешь?

Конечно. Конечно. Но я это чувствую именно

так, и это ощущение так и осталось у меня внутри, вот здесь, внутри, чего же ты хочешь…

И что же — вы в конце концов поженились?

Да, это было что-то вроде исправления ошибки. После женитьбы, если бы возникла перспектива появления другого ребенка, мы бы уже знали, что хотим его. И занялись бы созданием стабильности. А если бы детей больше не было…

Значит, вы поженились потом. Сразу же?

Почти. Да.

Любопытная вещь это твое чувство вины. На самом деле выглядит так, будто ты грызешь себя за непредусмотрительность, хотя, если женщина поддерживает регулярные сексуальные отношения и даже если она старается при этом быть осторожной, для нее всегда существует вероятность беременности. Не может быть, чтобы тебе это не приходило в голову.

Нет. Честное слово, не приходило. Не приходило, потому что я абсолютно не намеревалась беременеть.

Понятно, но ведь и при отсутствии намерений нетрудно предвидеть, что это может случиться.

Ты не понимаешь. Просто я была настолько уверена, что появление ребенка будет плодом моего личного решения, что не приняла этого во

внимание.

То есть яйцеклетка оплодотворяется решением.

Ну… да. Звучит очень грубо, но до определенной степени это так. Просто на самом деле все происходит не так, как себе представляешь и планируешь: между телом и намерением существует некая связь, которую невозможно уловить и которая происходит не из умозаключений, а из некоего интуитивного разума.

В этом есть небольшое противоречие.

Да, но дело обстоит именно так, что я могу еще сказать?

Хорошо, давай временно примем, что это так. Значит, твой брак можно назвать браком по расчету?

Какай же ты все-таки хитрец… Ты ведь уже пытался вложить перст в эту рану, чтобы посмотреть, что из нее потечет, помнишь? Вчера вечером, у тебя дома, когда я рассказывала о моей жизни.

Вижу, ты, как обычно, торопишься с выводами. А может быть, я задаю тебе этот вопрос потому, что в прошлый раз ты так и не ответила.

Я не знала, зачем ты хочешь об этом знать.

Теперь ты знаешь.

Да, теперь да.

Чего я прошу у жизни? О господи, ну и вопрос! Например, прошу счастья. Ты знаешь, что это такое? Я — нет, хотя могу тебе сказать, что у меня было много счастливых мгновений. Пожалуй, именно этого я у нее и прошу: не счастья, а много, много счастливых мгновений — столько, сколько может вместиться в жизнь.

Ничего себе ответ! Что мне делать с таким ответом?

Да ничего. Просто проглотить его, и все. А кстати, я приглашаю тебя поужинать. Как тебе такая идея? Я проголодалась.

Очень хорошо. Но позволь спросить тебя: ты все еще хочешь говорить со мной?

Конечно.

Я имею в виду — говорить серьезно.

Конечно. Серьезно. Вставай, пойдем ужинать.

Говорить серьезно.

Да, да, не будь занудой, я уже успокоилась.

Нет. Я хочу знать, можно ли, вложив перст в твою рану, надеяться, что ты меня не укусишь.

Ты ведь уже угрожал мне этим, да? Откуда мне знать, что я сделаю, если ты причинишь мне боль? Может, в следующий раз я выцарапаю тебе глаза. Я не знаю. Спрашивай. Спрашивай о чем

хочешь.

Это не был брак по расчету. У нас хороший брак, и это чистая правда. Мне нравится, какая у меня семья, мне хорошо с ней.

Такое могут сказать весьма немногие.

Гораздо больше, чем ты думаешь, но это неважно. После смерти ребенка мне было бы очень легко покончить со всем этим, если бы я только захотела. Раньше, может быть, и нет, но потом — да. Это было не вынужденное решение — нет, совсем наоборот: абсолютно свободное. Может, поэтому у нас получилась такая хорошая семья.

Еще вина? Хорошо. Теперь давай разберемся: если все обстоит так, как ты говоришь, я не понимаю, каким образом твое пребывание в Англии может сказаться на твоей семье. Да, оно означает год-два твоего отсутствия, но вам же не возбраняется встречаться: есть много возможностей, особенно во время отпусков и каникул. Ты ведь не будешь два года заперта в одиночной камере.

Конечно, нет.

В таком случае, что тебя так беспокоит?

Меня беспокоит время, течение времени. Я уже живу достаточно долго, чтобы знать, как оно сказывается на человеке. Время разрушает, сжигает, отдаляет. То, что тебе удается сберечь,

так мало по сравнению с тем, что у тебя было или прошло через твои руки, через твое сердце. Вот это и пугает меня.

Странно. Ты, такая решительная, — и этот почти абстрактный страх перед возможностью того, что, насколько я могу заключить, вряд ли может случиться. С мужем у тебя все хорошо, в семье тоже… Страх, дорогая, всегда вырастает из чего-то, опирается на какое-то основание; страх не возникает просто так, на пустом месте. Страх — не энтелехия[11].

А тебя не беспокоило бы, если бы тебе пришлось покинуть своих близких в том месте, где проходит твоя жизнь, и сбежать на пару лет?

Ну, может, немного и беспокоило бы — главным образом потому, что пришлось бы оторваться от многих вещей, к которым я так привык, от чего-то, что буквально вросло в меня и во что врос я; но это примерно то же самое, что расстаться на какое-то время с удобствами, с уютом. Человек как следует устроился, ему хорошо, а тут приходится уезжать: естественно, ему не хочется, он нервничает, злится. Но страх? Нет: страх — это другое. Вот что я тебе скажу, дорогая: если в этом

[11] Примечания: 11

Энтелехия — философский термин, введенный Аристотелем. В некоторых случаях употребляется в качестве синонима слова «энергия» *(гр.).*

деле тебя что-то пугает, значит, ты опасаешься что-то потерять.

Но в таком случае я должна была бы испытывать не страх, а, как ты сказал, тревогу, беспокойство…

Неуверенность…

Да, может быть, вернее всего было бы назвать это так. На самом деле я не рискую потерять ни любовь мужа, ни любовь дочерей, разумеется, в этом смысле не о чем беспокоиться. Правда и то, что я могу приезжать на каникулы — каждые каникулы. В общей сложности это будет месяца по три в год — кажется, так, более или менее, не знаю точно, мне как-то не пришло в голову справиться об этом, но я выясню. Эту возможность я учла. Нет, спасибо, я не хочу больше вина. А может, просто я старею и начинаю бояться каких-то вещей, которых не боялась прежде.

Ты так думаешь?

А почему бы и нет? Не переоценивай меня.

Я не переоцениваю тебя. Я просто обращаю твое внимание на то, что ты готова уехать в чужую страну и покинуть семью ради попытки улучшить свое положение, которое твои коллеги и так наверняка считают завидным. И задаюсь вопросом: разве это называется стареть?

Да, правда, это забавно. Ты уединился здесь вдали от мира, а я приезжаю поговорить о скачке, который собираюсь сделать. А может, и неплохо, что мне удалось немного расшевелить тебя — сдвинуть с места, как замшелый камень.

Я уже покончил со своей карьерой и теперь занимаюсь самим собой: какое уж тут движение? Дальше-то некуда.

Ты поняла? Ты без малейшего колебания заняла мое любимое кресло. О нет, не вставай! Оставайся в нем, ты выиграла его. Ты решительный человек. И в твоей жизни всегда будут происходить подобные вещи.

Ты мне завидуешь?

Очень. Обладай я твоей натурой, я оказался бы гораздо дальше.

Дальше? Ты хочешь сказать, выше? Севернее, чем сейчас?

Куда севернее. Как минимум в Англии. А может, и еще выше — на Шетландских островах. Или еще дальше — в стране гиперборейцев.

Нет. Туда ты не сможешь добраться.

Добраться смогу. Вот чего не смогу — так это вернуться. Если бы я добрался туда, то сейчас бы не разговаривал с тобой. Но я остался здесь. Смиренный мыслитель — оракул, с которым

явилась посоветоваться решительная принцесса. Мой дом — это последний кордон, где можно отдохнуть перед тем, как пересечь неверное море, чтобы вступить на незнакомую землю. Но давай представим себе: что, если бы все было наоборот, если бы мой дом действительно был последним пределом земли, если бы он был тем самым спиральным замком, откуда не возвращаются? А может, это конец твоего путешествия, и ты разговариваешь со мной у врат замка. В этом случае, дорогая моя, тебе надлежит вернуться на свое место штатного преподавателя, и повседневная жизнь снова завладеет тобой, и ты будешь счастлива до конца своих дней.

Ну и фантазия же у тебя.

Или нет: ты станешь профессором, получишь кафедру — я уверен в этом. Ты всегда и во всем будешь достигать максимума своих возможностей.

Ты пытаешься обидеть меня?

Я пытаюсь сказать вам, благородная принцесса, чтобы вы остались по эту сторону моря.

Какой ужас, ты похож на какого-то провинциального Мерлина.

В таком случае, я вновь перевоплощусь в более достойный образ — педагога-пенсионера.

И напомнишь мне о том, что ты сам был про-

фессором, потому это тебе и кажется такой мелочью.

Мне кажется, что это подходящее место для тебя, а еще мне кажется вполне уместным твое честолюбие. Получить кафедру — высшая точка карьеры. Чего же ты еще хочешь?

Скажи мне одну вещь: чего еще, по-твоему, я могу хотеть?

Я знаю только, чего тебе следует хотеть, и предсказываю, что ты добьешься этого: кафедры. Более того, я уверен, что ты уже прилагаешь усилия в этом направлении. Ты всегда была очень, очень честолюбива. Напротив, твой интерес к работе у Армстронга, или как его там, выглядит скорее капризом. Если ты поддашься ему, то можешь погубить все.

А тебе не кажется, что этот каприз, как ты его называешь, станет самым важным пунктом моей научной биографии?

Гм.

Ты разочаровываешь меня.

Ты хорошо знаешь университет, и тебе прекрасно известно, что подобное бегство под крылышко светила будет расценено всего лишь как проявление снобизма или провокация. Единственная карьера, которую ценят в университете, — карье-

ра государственного служащего от педагогики. С каких это пор государственные служащие думают, принимают решения или обучаются на стороне? В сто раз предпочтительнее держаться какого-нибудь местного профессора, чем пытаться научиться чему-то у светила международного масштаба. Учась чему-то, прокладывая себе дорогу к мудрости, ты становишься врагом системы. Неужели ты не понимаешь?

Понимаю. Конечно, понимаю.

Тогда зачем же ты приехала?

Чтобы услышать, что ты скажешь.

Ну, так ты уже это услышала. Давай не будем больше говорить об этом.

Да, но… Ты говорил, я слушала и все больше понимала, что ты все говоришь верно. Этот образ, который ты использовал, — замок… Для тебя это место и есть спиральный замок.

Нет, это не он, но настоящий замок недалеко отсюда, я могу показать его тебе. Он находится в круглой долине среди гор, куда можно добраться через ущелье. Там стоит мосарабский[12] храм, которому по меньшей мере тысяча лет. Однажды приподняли алтарный камень и обнаружили за

---

[12] Примечания: 12

Мосарабский *(от исп.* mozárabe) — относящийся к эпохе арабского владычества в Испании (755–1492 гг.).

ним кельтскую стелу — спиральный замок. То есть это место было культовым уже гораздо раньше. Я воспринял это как знак и с тех пор всегда думал: когда наступит момент, я уеду сюда. И этот момент наступил.

Значит, я приезжаю, мы разговариваем у ворот замка, и я уезжаю. И так до тех пор, пока в один прекрасный день я не приеду, а ты не выйдешь к воротам, потому что будешь уже внутри замка.

Наверное, так и будет… И это неплохо. Неплохой образ. Он мне нравится.

А вот это уже кокетство.

В моем возрасте это роскошь.

Значит, по-твоему, я должна остаться?

По-моему, у тебя есть миллион плюсов, миллион доводов в пользу того, чтобы остаться, и не воспользоваться ими — безумие. До сих пор твои дела шли отлично, и у тебя еще есть время для того, чтобы они пошли еще лучше. Зачем искушать судьбу?

Тебя это не возбуждает?

Меня?

Я хочу сказать, тебе все это не кажется безумно волнующим?

Волнующим — нет. А безумием — да. Безумие возбуждает, оно само — возбуждение, но к чему

оно приводит? К верной потере самого себя.

Или к встрече, к настоящей встрече. Что мы знаем о безумии?

Что мы знаем? Мы знаем, как оно воздействует на нас, к какой жизни ведет, знаем, что даже если оно приводит нас к вратам рая, здесь, на земле, это ад.

И это говоришь ты, добровольный затворник?

Да, я затворник. Видишь, какая ты хитрая и как быстро соображаешь? Но я не узник: меня никто не сажал под замок — ни я сам, ни кто другой. Разница решающая, потому что ключ от ситуации, которую я сам выбрал, — в моих руках.

Но ты не сможешь вернуться.

Я сам это выбрал.

Не могу поверить, что ты с твоей головой не попытаешься войти в храм с бичом в руках, если только представится случай.

Как раз моя голова и говорит мне, что такого случая не представится никогда. Я сделал выбор потому, что я когерентен; иначе я оказался бы побежденным.

Значит, мне следует сделать вывод, что я просто мечтательница.

Боюсь, что да — что ты еще не избавилась от этого.

Ты собираешься продолжать сбивать меня с толку?

Ясности нет — есть только смятение и неопределенность. Не пытайся искать ясность. Стихотворение Китса — ложь, выдумка. Красота и истина есть понятия, свойственные юности, возрасту Китса. А мы с тобой уже давно оставили позади эти замечательные и глупые моменты ликования. Думай о себе.

Я задаю себе вопрос: зачем я хочу быть профессором?

Это же очевидно: чтобы достичь целей, которые ты поставила перед собой.

Да, но я не задавалась целью стать профессором.

Ах, нет?

Нет. Все это были шаги, которые приходится делать. Ты вступаешь на некий путь — на путь педагога, и предполагается, что уже по одной этой причине ты должен идти по нему до конца. Как будто это предрешено заранее. И тогда кажется вполне очевидным, что ты должен от скромного рядового преподавателя дойти до кафедры и профессорского звания. Это решаешь не ты: это решается — не знаю, как это назвать — всем ходом твоего существования. Знаешь, я

абсолютно не уверена, что хочу стать профессором, не уверена даже, что мне вообще когда-либо этого хотелось — ну, может быть, лишь когда я находилась на низшей ступени служебной лестницы; я воспринимала это как некий логический или неизбежный путь, но не как личное решение — ну, знаешь, когда ставишь на карту все.

Никто не воспринимает это так.

Воспринимает. Есть люди, воспринимающие это так. Ты слышал о такой вещи, как призвание?

Призвание священника?

Да, и это тоже. Это лучший пример призвания. Ну, ладно, перестань говорить глупости. Священник, врачующий души, а не рвущийся в курию[13], то есть к власти, — это человек, который посвящает свою жизнь другим, а таким образом — и самому себе. Я могла бы сказать то же самое и о враче — о враче, который стремится лечить людей, а не заниматься исследованиями или богатеть, создав собственную клинику. Или о школьном учителе — хотя у них действительно собачья жизнь, — о школьном учителе, который

[13] Примечания: 13

Курия — система правительственных учреждений, возглавляемая Папой Римским и управляющая католической церковью и государством Ватикан.

посвящает всю свою жизнь воспитанию, потому что для него это важно. Да, я знаю, большинству из них хоть раз в жизни приходится обращаться к психиатру, можешь не рассказывать мне. Но ты знаешь, что я имею в виду. У меня нет призвания к тому, чтобы стать профессором, — вот что я хотела тебе сказать. И, возможно, поэтому я никогда не стану профессором: я не рвусь к этому, не рвусь к власти. У меня нет таких амбиций.

То есть твоя амбиция — жертвенность.

Если ты говоришь об этом таким тоном, то нет.

Но послушай, разве ты не говоришь о том, чтобы посвящать жизнь другим? Что это такое? Это идеи из катехизиса, дорогая, избавь меня от них.

Я не говорила этого. Я даже не говорила, что собираюсь посвятить свою жизнь другим. Я говорила только о призвании — о единственном порыве, способном привести человека туда, куда его не приведет даже стремление к власти, о порыве, мощном, как буря, как гроза, и чистом, как воздух после грозы. Так я это ощущаю.

А-а, и ради этого ты стремишься к Армстронгу?

Оставь в покое Армстронга! Я стремлюсь к самой себе.

Прощай, теперь мы входим в область трансцендентности.

Подожди, подожди. Разве ты сам не давил на меня, чтобы я тебе сказала о своем убеждении? Ну так вот, я сказала. Или ты спрашивал, чтобы поинтересничать? Ты хотел ответа, а теперь он тебе не нравится. Но ведь именно это удерживает меня от того, чтобы изменить свою жизнь, ставит меня перед дилеммой — выбором между моей семьей и моим призванием. Поэтому я и приехала сюда — потому, что мне нужна твоя помощь, а не твои саркастические высказывания. Ты уже по ту сторону, да? Очень хорошо, это твой выбор; но если ты не можешь помочь мне, то по крайней мере не строй из себя мудреца и не говори со мной этим мерзким тоном превосходства. Для меня это проблема чрезвычайной важности, и это единственное, что должно иметь для тебя значение. Хотя, с твоей точки зрения, все это, наверное, уже пройденный этап. Но мне-то, да и кому угодно, что толку, что для тебя он уже пройден? Да и тебе самому, если ты торчишь здесь, в отрыве от мира. Если угодно, можешь смотреть на меня с сожалением, но помоги мне. И тогда для меня по крайней мере будет иметь какой-то смысл то, что ты уже вне пределов досягаемости для бед этого мира.

Очень хорошо. Тогда скажи мне, каково твое

призвание.

Я уже сказала тебе, когда мы швырялись друг в друга посудой: я хочу достичь самого лучшего, что есть во мне.

И в чем же оно заключается?

А вот на этот вопрос придется ответить тебе, потому что это один из существенных вопросов этики, сеньор профессор.

Ладно, хватит этих дуэлей разума. Мне очень хорошо известно, что такое призвание. Более того, я верил в него, но теперь больше не верю — думаю, ты поняла. Причины, по которым я больше в него не верю, сейчас не важны, потому что мы говорим о твоем призвании, и я не утверждаю, что их нет, они существуют, и доказательство этому — ты. Скажу только, что они — ошибка или, точнее, мираж. Поэтому, независимо от того, что я думаю или чего не думаю, давай будем говорить о тебе. Ты хочешь быть лучше. Ты хочешь этого до такой степени, что готова поставить на карту весьма серьезные вещи. Так вот, первый вопрос: твое желание стать лучше связано с твоей учебой в этом пресловутом колледже, у Армстронга?

Конечно.

Почему? Объясни.

Что тебе объяснить?

Каким образом вписывается в эту английскую авантюру твое желание стать лучше. Я этого не понимаю. Поэтому я употребляю слово «авантюра», и на сей раз без всякого сарказма.

Я хочу стать лучшей в своем деле, достичь максимального уровня.

Прежде это называли «реализовать себя» — понятие, сделавшее несчастными бесконечное множество людей, исполненных самых лучших намерений по отношению и к самим себе, и к миру. Погоди: я говорю с тобой ясным и жестким языком, так что в моих словах нет никакого сарказма, хотя тебе и может показаться, что есть. Я считаю вполне достойной амбицией желание достичь как можно большего, а ты, насколько я вижу, хочешь стать в лучшем смысле слова авторитетом в области английского романтизма. Более того: возможно, ты претендуешь на то, чтобы стать таким авторитетом не здесь, в Испании, на уровне отделений английской филологии испанского университета, а в собственной языковой колыбели твоей специальности — в Англии. Я не усматриваю в этом ничего плохого. Но что это: желание стать лучше или амбиция — скажем так — сатанинского свойства?

Может, и то и другое вместе.

Нет. Прости, если я противоречу тебе, но, выражаясь твоими словами, либо то, либо другое. Я не могу согласиться с тем, что ты презираешь возможность получения кафедры в Испании и рассчитываешь победить в Англии. Потому что дело не в том, что тебе недостаточно получить кафедру: ты смотришь на эту возможность с презрением. В плане амбиций все заключается в разнице между одной и другой ступенькой. Быть же лучше — это нечто другое.

Ну, не знаю. Я хочу стать лучшей.

Стать *лучшей* или *стать* лучше?

Не знаю, ты опять сбиваешь меня с толку, я не пойму, к чему ты клонишь.

Сейчас, дорогая, пришло время решить, будем мы или не будем говорить об этике.

Сейчас я вся — одна сплошная проблема. Но я снова возвращаюсь мыслью к тому дню на морском берегу, когда читала Китса. Там у меня не было никаких амбиций — только удовольствие, особое, головокружительное удовольствие, заставившее меня понять, что это стихотворение бездонно, что я могу перечитывать его до конца жизни, и оно всегда будет новым. И еще: что чтение его освобождает то лучшее, что есть во мне, и оно как бы наполняет меня.

Наполняет.

Конечно, да — наполняет. Разве это плохо?

Это… эгоцентрично. Я имею в виду, что, если раньше мы говорили о призвании как о том, что обращается на других, теперь ты говоришь о призвании как о том, что доставляет тебе счастье, но рождается и умирает в тебе. Ты говоришь о том, чтобы *быть* лучше единственно и исключительно для себя самой.

Гм. Но знаешь что? Оно не только наполняет, но и переполняет. Быть лучше — и я правда так думаю, — быть лучше — нечто такое, что не остается внутри, а выходит наружу.

Каким образом? В виде некоего послания добра?

Нет. Это движение души — благородное, великодушное, щедрое. Когда становишься лучше, все это исходит от тебя во внешний мир и обретает жизнь вне тебя. Это я и хотела сказать. Так что нет: в этом нет ни единой капли сатанинской амбициозности, которую ты пытался мне приписать. Я не хочу быть *самой* лучшей — я хочу *быть* лучше, и теперь я уверена в этом. Но для того, чтобы стать лучше, нужно дойти до предела своих возможностей, своих способностей. А моя страсть — английские поэты-романтики, ты ведь

знаешь, так что мне придется попытаться найти самоуважение именно на этом пути. Быть лучше — это больше, чем быть самой лучшей, это всё. Я не стремлюсь стать самой значительной, не стремлюсь получить больше всех наград и лавровых венков; если я буду вкладывать все силы в то, что мне нравится, может, я начну нравиться и самой себе.

В любом случае — и судя по твоей карьере — ты обладаешь многими замечательными качествами.

Пусть так. Но зачем они мне, если я не сумею использовать их как следует?

Такой вопрос задавал себе Блаженный Августин[14].

Да? И что же он ответил себе?

Он отдал себя в руки Господа.

Ну, на меня пусть не рассчитывает.

Ладно, не обращай внимания, я пошутил. Но он действительно искал себя, обрел себя в христианской вере, полностью отдался делу и написал книгу, которая и по сей день остается образцом. Однако оставим это. Из твоих слов я должен понять, что ты ищешь себя, но здесь, на земле, среди

---

[14] Примечания: 14

Блаженный Августин (Аврелий, 354–430) — христианский теолог и церковный деятель, родоначальник христианской философии.

английских романтиков. Если ты хочешь бежать из университета с его бюрократией и всем тому подобным, я тебя понимаю. Проведешь некоторое время в другом месте, сменишь обстановку, да и в перспективе это может оказаться весьма полезным, так что все в порядке, я не вижу никакого конфликта. Осталось выяснить только одно: до какой степени это может повлиять на твои семейные отношения.

Нет. Нет. По-моему, ты все еще не понял. Если бы мне просто понадобилось сменить обстановку, я взяла бы академический отпуск на год и стала бы заниматься самостоятельно, ездила бы по разным крупным библиотекам, встречалась с людьми, а может, уединилась бы на каком-нибудь из Карибских островов. Но речь идет не о простой смене обстановки — речь идет о необратимом шаге. Я почти наверняка вернусь в университет, но весьма вероятно, что пройдет столько лет, что единственным смыслом этого возвращения, если еще останется такая возможность, будет найти местечко для своего бренного тела и продолжать заниматься тем, что меня действительно интересует. Тогда, если мне удастся найти способных учеников, я сделаю нечто большее, чем просто учить их: я буду работать с ними; в противном

же случае я ограничусь исполнением своих обязанностей и буду вести минимальное количество часов у студентов, которым наплевать на английскую культуру, да и вообще на весь мир. Потому что действительно иметь смысл будет только то, что я успею до этого внести в познание английского романтизма, являющего собой один из вкладов в познание мира. Так что я не пытаюсь сменить обстановку: я пытаюсь стать другим, лучшим человеком, который, будучи лучше, принесет плод. Вот чего я хочу.

Очень хорошо, после стольких колебаний высказывание оказалось безупречным. Я беру назад то, что касалось смены обстановки. Я съеживаюсь и сгораю от стыда. Вижу, ты уже готова уехать. И что после этого я могу тебе сказать? Поезжай и бросайся в объятия Армстронга. А кстати, ты уверена, что этот Армстронг готов дать тебе все то, чего ты ожидаешь от него?

Между прочим, я ожидаю кое-чего и от себя самой.

О, безусловно, это я считал само собой разумеющимся. А Армстронг, раз уж мы заговорили о нем, — что он увидел в тебе?

Мы познакомились на одном международном форуме, а потом я ездила к нему, в его колледж:

мне нужно было, чтобы он направил меня в одной работе, которой я занималась самостоятельно, то есть она не имела никакого отношения к планам факультета. Тогда я провела там неделю, много общалась с Армстронгом и рассказала ему, что за этой работой на самом деле скрывается куда более обширный, более важный проект — чтобы объяснить тебе в двух словах: заново перечитать романтиков в свете современных концепций. Не буду рассказывать подробно: это ни к чему, да и момент, думаю, неподходящий. Вкратце: ты знаешь те строки Йейтса[15], которыми открывается книга Абрамса о романтической теории и критической традиции? Погоди, сейчас вспомню: *that soul must become its own betrayer… its own… deliverer, the one activity: the mirror turns lamp* [16]. Зеркало обращается в лампу. Ну так вот, я пытаюсь перечитать английских поэтов-романтиков в свете неуверенности, неопределенности, столь характерных для современности. Понимаешь?

Да, конечно. И Армстронг был ошеломлен…

---

[15] Примечания: 15

Уильям Батлер Йейтс (1865–1939) — ирландский поэт и драматург, представитель символизма.

[16] Примечания: 16

Душа должна предать самое себя, помочь себе родиться и стать единственным своим деянием: зеркало обращается в лампу *(англ.).*

Пожалуйста, без дерзостей. Разумеется, он не был ошеломлен, но сказал, что если я хочу работать над этим серьезно, он сумеет найти способ взять меня в свой колледж. А это значит, что я могу рассчитывать на все его знания, на все, чем он располагает; иначе говоря, речь идет о возможности обосноваться на небе, чтобы написать работу об ангелах.

И все это за одну-единственную неделю. А ты еще говоришь, что не ослепила его. Ладно, скажем так: ты соблазнила его. Или сама поддалась его непреодолимому шарму.

Не надо мерить всех по себе.

Ладно, дорогая, не злись. Так, значит, ты ослепила его всего за неделю?

Всего за неделю? Я же рассказываю тебе о событиях двухлетней давности. С тех пор я не раз бывала там, и даже как-то летом, во время отпуска, мы некоторое время жили там, в коттедже, куда более симпатичном, чем этот твой паршивый дом. А кстати, я не говорила тебе, что у тебя отвратительный вкус, а еще — что ты старый и лысый?.

Рюмочку бренди?

Что это такое?

То, что ты назвала бы коньяком.

Я не понимаю тебя.

И не нужно. Так ты хочешь?

Если тебе все равно, я предпочитаю виски.

Виски у меня абсолютно вульгарное, зато бренди — кстати, оно произведено в Ламанче — столетней выдержки.

В вопросах, касающихся напитков, я тоже достаточно вульгарна, так что давай свое виски. Оно, случайно, не из Сеговии?

Нет, довольно-таки шотландское.

Как раз то, что требуется.

Скажи мне одну вещь. На что ты живешь?

Я могу узнать о причине этого вопроса?

Никаких причин. Очень простой вопрос. Мне интересно, хватает ли тебе денег, чтобы жить так, как тебе хочется.

Уж не собираешься ли ты уклониться от темы нашего разговора?

Ни в коем случае. Просто я вижу тебя в этом доме, в окружении этих вещей… вот мне и пришло в голову спросить.

Ты хочешь сказать, что моя скромность граничит с нищетой.

Скромность? По-моему, этот дом весьма неплохо обустроен. Это тот же дом, где вы жили?

Да, его купила Сара. Я сам не смог бы.

Должна сказать, что дом вполне хорош, и, если не считать беспорядка, свойственного тебе как представителю мужского пола, и еще кое-какой дряни, скромностью в нем и не пахнет. Скорее наоборот.

Тогда зачем ты спросила, хватает ли мне денег?

Я тебя спросила об этом?

Ну, ты ведь примерно это имела в виду.

Ты хоть отдаешь себе отчет, до какой степени ты подозрителен? Я могу задать этот вопрос любому знакомому, и он мне преспокойно ответит. А у тебя просто какой-то извращенный ум.

Возможно, я чересчур старомоден, но я никогда не задал бы человеку вот так, в упор, подобного вопроса.

Прости, но мне ты задавал и куда худшие вопросы. Видишь ли, я для тебя по-прежнему — студентка, ученица, а не друг и, следовательно, не имею права задавать такие вопросы профессору.

Ладно, ладно, извини. Полагаю, я просто не умею избегать этого антипатичного тона, я не привык, я не знаю, как это сделать без насилия над собой, так, чтобы не звучать фальшиво. И притворяться не буду, мне это было бы трудно, и вообще я терпеть этого не могу. А кроме того,

ты ведь хорошо меня знаешь, отчего же ты так удивляешься?

Действительно, я и сама не понимаю, почему до сих пор удивляюсь. Хотя, с другой стороны, в любом случае неприятно, когда с тобой разговаривают подобным тоном.

Ну ладно, давай оставим. Я постараюсь, чтобы хорошее отношение перевесило привычку, посмотрим, насколько естественно это у меня получится.

Как говорил Чарли Браун[17]: мне в голову приходят сотни слов, исполненных сарказма.

Стоп! Цитируй себе на здоровье Йейтса, Китса и все это сборище английских поэтов, но Чарли Браун — мой.

Что, начнем все сначала?

О, о… Мы остановились на том, что Армстронга приятно впечатлило направление твоих исследований. Так вот, раз уж мы возвращаемся к этой теме, могу сказать тебе, что мне отнюдь не кажется драматическим тот факт, что ты, возможно, решишься принять его предложение. Только пойми меня правильно: я употребил слово «драматический» безо всякого злого умысла.

---

[17] Примечания: 17

Чарли Браун — персонаж серии комиксов «Орешки» американского художника Чарлза Шульца (1922–2000).

По-моему, эта разлука окажется не прелюдией разрыва, ломки твоей жизни, а просто одной из тех трудностей, которым иногда приходится противостоять, но которые в итоге всегда приводят к счастливому финалу.

Да, но тогда почему мне страшно?

Всякий риск порождает страх.

Это не тот страх. Я живу как в бреду. У меня началась бессонница, я часто просыпаюсь среди ночи, так что приходится уходить в гостиную и хвататься за книгу. Почему? Что меня так тревожит?

Я не знаю, да и не могу этого знать. Есть что-то еще?

Есть решение, которое терзает меня так, словно от него зависит вся моя жизнь, и я не понимаю, отчего. Вполне логично, что я обеспокоена, потому что принимать решения всегда бывает нелегко, однако нелогично, что я живу вот так, в этом нет никакого смысла.

Скажи мне одну вещь: ты правда счастлива со своей семьей?

Правда.

И ты не боишься, например, потерять ее.

Нет. Когда я вернусь, все они будут — в этом у меня нет ни малейшего сомнения. И потом,

разумеется, я буду приезжать.

Тогда, возможно, дело просто в чувствительности, в сильном перевозбуждении. Поверь мне: нет повода искать в этом нечто большее. Опираясь на свой педагогический опыт, могу сказать, что тебе не стоит ждать слишком многого от своего пребывания в Англии. С другой стороны, раз уж все это так беспокоит тебя, лучше всего тебе съездить и посмотреть, что к чему. Если получится, возьми академический отпуск, и пусть все идет своим чередом.

Но это не то, что… Впрочем, все равно. Мы проговорили целый день и, думаю, оба выдохлись. На самом деле в такой час лучше всего лечь спать. Ты хоть понимаешь, что мы весь день только и делаем, что разговариваем и бродим туда-сюда?

И это было неплохо. В любом случае, если ты заинтересована в продолжении разговора, я вполне в форме.

Знаешь, думаю, что нет. Думаю, что сейчас предпочла бы сесть перед телевизором и расслабиться. Там есть что-нибудь интересное?

Полагаю, очередной фильм со взрывами и языками пламени. С некоторых пор я переношу только конкурсы, и чем они глупее, тем лучше.

Что ты говоришь? Мне просто не верится.

Да, они весьма интересны. Ты видишь людей, которые приходят на них? Я имею в виду не только конкурсантов, но и зрителей. Это люди, которых я никогда не узнаю; мой собственный вкус, мои естественные наклонности, мои эмоции… всё, абсолютно всё отдаляет меня от них. Это мажоритарная масса, которая копошится по всей стране, обзаводится детьми, ездит летом в отпуск… да мало ли еще что! У них имеются надежды и чаяния! Они — люди! И они ужасающи, просто ужасающи. Так что единственная для меня возможность узнать их, убедиться, что они существуют, — это телевидение. Оно позволяет мне приблизиться к ним, не будучи при этом вынужденным вступать в контакт, понимаешь? Телевидение — великое изобретение, дорогая. Представь себе: оно освобождает меня от необходимости общаться с этими кошмарными созданиями, но в то же время я констатирую их существование, они не чужды мне. Это любопытно. Это играет решающую роль.

Действительно, ты просто сноб.

Да и ты, думаю, не очень-то общаешься с ними, дорогая моя.

Зависит от обстоятельств. Интересные люди есть везде.

Гм, гм, гм. Любопытно наблюдать в тебе подобную реакцию, свойственную просвещенным прогрессистам. Ведь ты днюешь и ночуешь на своем факультете и видела, какой скот приходит в аудитории. Притом это лишь самый избранный скот — те, кто прошел сквозь сито, так что давай не будем пытаться представить себе, каковы те, кто оканчивает школу. Так вот, они происходят из своих домов, своих семей, от своих родителей, а их родители в большинстве своем — публика с телеконкурсов. Нет, дорогая, этого я не ем. Мне очень хорошо здесь, в моем доме, где я с помощью пульта могу заставить их появиться или исчезнуть.

Ладно, давай, найди какой-нибудь фильм со взрывами или с убийцей-психопатом, может, мне повезет, и я рухну.

К моим ногам?

Слушай, так тебе хватает твоей пенсии?

Что, опять ты за свое? Что за навязчивая идея. Хватает. Да. Более или менее.

Гм. Я не имею в виду — хватает ли тебе на пропитание и все такое прочее. Например: ты ведь, в общем-то, меломан, верно? Ты можешь покупать диски, которые тебе нравятся? Или приехать прогуляться в Мадрид? Или махнуть на выходные

в Лондон?

Я почти нигде не бываю. Точнее, совсем нигде. Но, полагаю, дело не столько в деньгах, сколько в лени. Я ужасный лентяй. У меня тысячи книг, сотни дисков. Я больше не выискиваю их, как прежде, не вынюхиваю. У меня много всего.

Послушай, я ведь не пытаюсь сунуть нос в то, как ты организуешь свою жизнь, — ничего подобного. Я просто спрашиваю. На самом деле, похоже, дела у тебя идут неплохо. Я беспокоюсь о тебе.

Не надо беспокоиться. Деньги приходят ко мне из разных мест — немножко оттуда, немножко отсюда, как раз хватает, чтобы не впадать в отчаяние. И, если это вызывает у тебя беспокойство, я могу покупать диски. Я их покупаю.

Книги, одежда, разные капризы… всё есть?

Всё есть.

То есть я могу спокойно идти спать.

Если это зависит от моего экономического положения, ты можешь идти и спать как сурок.

Да, ты и правда странная личность.

С чего вдруг?

Вот так, добровольно забиться в угол и жить на пенсию, которая, как ни крути, все-таки всего лишь пенсия, пусть даже тебе и не нужны деньги, хотя наверняка они тебе нужны, как и всем

людям. Ведь ты мог бы жить в Мадриде, жить полной жизнью, пользоваться своей заслуженностью, печататься. Сейчас ты можешь располагать своим временем. А ты засел здесь и живешь на гроши, повернувшись спиной ко всему миру. Ну, допустим, не на гроши, судя по тому, что ты сказал. Кроме того, у Сары же были деньги, да? Ведь это она купила этот дом.

Прости, тебя до такой степени интересует мое экономическое положение?

Нет… Нет. Это ты прости меня. Я сожалею, что была так груба. Правда. Честное слово, я сожалею.

Ничего, неважно.

3

Этот дождь… он такой уютный.

Интересно, что ты скажешь о нем через пару часов. Когда я встала, день уже был таким. Это просто кошмар.

Когда небо так затянуто, значит — надолго.

Вчера туман, сегодня дождь. Чем тебе так нравится это место?

Вот этим самым. Солнце очень вредно для отшельников. Люди воображают, что одиночество идеально там, где жарко, и сильно ошибаются. Одиночество, скажем, где-нибудь на берегу Карибского моря, должно быть, ужасно. Когда я понял, что собираюсь жить в одиночестве, я сказал себе: поедем туда, где холодно и мрачно.

Жесткий человек, суровый дух.

Так лучше. Одиночеству нельзя сулить райские кущи. Одиночество требует не обнаженности, а одежд; не солнца, а холода.

Что за глупость! Тепло — как раз убежище для одиночества.

Окружающее тебя тепло подчеркивает отсутствие, дорогая, думаю, ты поймешь. Но, как бы

то ни было, сейчас я думаю только о том, чтобы позавтракать, а ты отвлекаешь меня. Ты уже перекусила?

Выпила кофе, но могу составить тебе компанию.

Отлично. А потом я тебе кое-что скажу.

Да, реальность — это то, что человек воспринимает как реальность. Кроме этого, не существует ничего. А внутри нее мы дрейфуем по морю сомнений, зная, что такова наша судьба от рождения до смерти, потому что нет способа встроить наши действия в совокупность жизни и, таким образом, полностью осознать их смысл. Никаких ориентиров нет, мы плывем вслепую. Что может вести нас в подобном состоянии? Всякая надежда столь же тщетна, сколь и иллюзии, которые мы питаем, грезя об иной жизни, хотя все это лишь помогает нам выживать, потому что жить — это совсем другое. Значит, необходимо решить, что делать: продолжать питать эти иллюзии, превращая нашу жизнь в процесс постепенного изнашивания, патетически движущегося к полному износу подобно космическому кораблю, который, сбившись с курса, блуждает по межзвездному пространству, или же наметить себе маршрут, исходя из того единственного, что мы

способны ощущать, ставя себе целью просто оставаться в живых. Есть ли в этом решении какая-либо уверенность, прочность, твердость? Никакой. Но по крайней мере мы будем испытывать уважение к себе все то время, что длится путешествие. И при существующем положении вещей это лучший выбор из всех возможных. На большее рассчитывать не приходится. Хотя кто знает? Случай — вещь могучая и капризная, это он — подлинный хозяин жизни и вселенной. Как и жизнь, он равнодушен к нам, однако именно поэтому он дает нам возможность существовать. И уж коль скоро нас к тому вынуждают, самое лучшее — это сделать достоинство формой своей жизни. Она будет единственной, которую мы с полным правом сможем считать своей в этом бескрайнем чуждом пространстве — совокупном пространстве существования. И, произнося слово «совокупность», я знаю, что говорю о чем-то, чего не могу ни охватить, ни, следовательно, определить, но что, однако, неким таинственным образом могу понять. Или нет? Или это еще один обман надежды, этой крысы, которая живет с нами, в нас и воспроизводит себя — неизвестно каким чудом, беспрерывно, постоянно, и нет никакой возможности истребить ее?

Теперь я понимаю твое презрительное отношение к Китсу. Такое видение мира и жизни совершенно противоположно духу «Оды к греческой вазе».

Если мне не изменяет память, отношение Китса было недалеко от того, что я сказал. Эта Красота, о которой он говорит, бесстрастна, а люди проходят рядом с ней, влача на плечах бремя своих невзгод. Эта вечная ваза, так же как и бессмертная птица, как раз и воплощают равнодушие.

Подобное толкование неверно. А по-моему, все как раз наоборот. Ваза, соловей… от них вовсе не исходит равнодушие к человечеству, бредущему мимо с бременем собственной жизни на плечах: достоинство их обоих — этика, именно этика. Смертные останавливаются, чтобы увидеть, чтобы услышать; ваза и соловей дают проходящим перед ними смертным некую моральную ценность, норму, помогающую им противостоять тайне, которую мир являет собою для людей. Изменяющаяся жизнь идет и проходит, ваза же остается, и ее созерцает поколение за поколением. Позволь напомнить тебе вот эти строки:

Bold lover, never, never canst thou kiss,
Though winning near the goal — yet, do not

grieve;

She cannot fade, though thou hast not thy bliss,

Forever wilt thou love, and she be fair![18]

Тут нет никакого равнодушия. Есть нечто недостижимое, да, но нет равнодушия в этом общении красоты и смертных.

Ты так считаешь? Что ж, возможно, так оно и есть. Поэзия не слишком близка мне; в моей памяти прочно запечатлелась только идея равнодушия к пути людей — пути их жизни и смерти. Но мне ясно, что эти стихи твоя память хранит целиком.

Смертные разговаривают с фигурами на вазе; смертные слушают соловья. Ты же видишь только равнодушие — такое, что люди, для того чтобы жить, вынуждены чуть ли не абстрагироваться от самой жизни. Однако, несмотря на это, у меня есть ощущение, что ты притворяешься.

Я не говорил, что они должны абстрагироваться; я сказал, что они ошибаются, приписывая жизни то, что они сами, и только они сами, пози-

---

[18] Примечания: 18

О не тужи, любовник молодой, / Что замер ты у счастья на пороге, / Тебе ее вовек не целовать, / Но ей не скрыться прочь с твоей дороги, / Она не разлучится с красотой, / И вечно будешь ты ее желать *(англ., перевод И. Лихачева).*

ционируют как ценности. Но, может, я и правда притворяюсь. Разве мои мысли не убеждают тебя? Впрочем, это не имеет значения. Вопрос по-прежнему заключается в обособленности жизни. Если жизнь такова, как она есть, если она проходит, исполненная этого величественного равнодушия к нам, не имеет никакого значения, притворяюсь я или говорю то, что действительно думаю. Это всего лишь гимнастика ума, помогающая нам скоротать остаток жизни. Иллюзия, которая развлекает нас. Она благороднее, чем одержимость футболом, или мерзостью жизни политической, или оглушительной суетой жизни информационной. Прислушавшись, я повсюду слышу голоса, которые именуют себя истинными на основании только того факта, что они говорят, которые опираются исключительно на утверждения, прогнали прочь от себя сомнение, путают свободу с наглостью, а личную независимость — со способностью взахлеб осуждать всех остальных; и потому эти голоса считают, что цель оправдывает средства, а первая цель, которую они стремятся оправдать, — их собственная безнаказанность. Вот что я слышу, если прислушаюсь. И это еще одна из причин моего уединения здесь. Однако не смотри на

меня так. Вспомни последнюю фразу романа, который ты читала в дни твоей университетской юности: «Что ж, если мы не можем изменить мир, давайте сменим хотя бы тему разговора». Тогда она тебя просто очаровывала, помнишь? Ты столько раз повторяла ее мне! Разве теперь ты не оцениваешь в должной мере ее иронию, ее остроумие, ее бессильную точность? Я мог бы притворяться, да, и это было бы неважно. Но во мне еще бурлят остатки возмущения, от которых мне пока не удалось избавиться. Это благодаря им я говорю с тобой так и интересуюсь твоей проблемой — проблемой, к которой я отнесся бы с презрением, если бы притворялся. Однако я намереваюсь искоренить эти остатки возмущения, так что пользуйся случаем; возможно, скоро мне это удастся, и тогда я буду слушать тебя с таким же равнодушием, с каким жизнь заставляет нас смеяться или плакать.

И меня тоже? Значит, в твоем отношении ко мне не будет ни капли чувств? Не будь их у тебя, ты не стал бы разговаривать со мной.

О, разумеется, они у меня есть. Наша природа в очередной раз противоречит самой себе. Один остряк когда-то определил человека как «невротическую обезьяну». Остряк и невежда, ибо это

определение настолько же заманчивое, насколько не выдерживает критики с научной точки зрения. Но тем не менее есть нечто ужасное в этом образе человека как животного, которое вдруг обретает способность видеть самого себя существующим. Естественно, животное не может сделать такого: установить эту дистанцию, эту перспективу, раздвоиться, чтобы увидеть себя *сущего.* С этой дистанции начинается, как тебе известно, единственное достижение, действительно отделяющее нас от животных: язык. И все же насилие, которое человек должен совершить над собой, чтобы отделиться от своего животного естества, настолько брутально, настолько противоестественно, это *такое* отрицание его состояния, что, думаю, мы так и не оправились от него и не оправимся никогда. Это ужасно; это все равно что оказаться вынужденным перестать быть ради того, чтобы продолжать жить, и, кроме всего прочего, потому, что отступать уже поздно. Мы ушли от животного состояния, и это необратимо. Эволюция навсегда вышвырнула нас из него. Может быть, именно это породило атавистическую идею о рае, потерянном для всех людей, для всех религий. А насилие, творимое с тех пор человеком над своей первобытной приро-

дой, превратило нас в отбросы, которые, силясь понять реальность, соглашаются жить так, как им выпадает. С этой точки зрения даже богатство представляет собой жалкую, смиренную попытку выжить любой ценой, средство, к которому прибегает тот, кто не находит средства лучше. Я сам искал чего-то лучшего, триумфа души, и вот видишь, где я оказался и что я тебе говорю. А теперь давай вернемся к твоему вопросу, и я отвечу тебе: я говорю с тобой, и очевидно, что в этом принимают участие чувства. Для меня равнодушие — это образец: не необходимость, а образец. Но даже если мне удастся вплотную приблизиться к этому образцу, всегда будет появляться тот, кому будет удаваться заставлять меня идти на уступки. Надеюсь только, что это будет не слишком часто. Разве это не разумно, как по-твоему?

Откровенно говоря, по-моему, это ужасно. Думаю, тебе удается воплощать то, что ты сейчас сказал, только на уровне идей. Даже не на уровне желаний, потому что в желании присутствуют эмоции, страсть, а это элементы, нарушающие покой. Конечно, все это звучит прекрасно, но я не верю ни одному твоему слову. По-моему, тебе нужно одно — какая-нибудь хорошая вылазка. Почему бы тебе время от времени не приезжать

в Мадрид?

Вот видишь? Все, что я тебе сказал, ты сводишь к простой домашней проблеме. Ты напоминаешь мне мою мать, которая при любом моем недомогании всякий раз говорила одно и то же: «Сынок, у тебя просто слабость». И пичкала меня всевозможной едой.

И тебе становилось лучше, да?

Полагаю, да, но я вел речь не об этом. Для моей матери просто не существовало Канта, Шопенгауэра или Фрейда. Все проблемы существовали только в своем непосредственном, соматическом проявлении. Болит голова — аспирин, сильно устал — луковая похлебка. Для нее все сводилось к тому, что нужно быть сытым и здоровым. Это не значит, что какие-то другие дела она обходила своим вниманием или не придавала им значения: просто для нее все проблемы имели одну и ту же причину, а универсальной терапией был бутерброд из хлеба с шоколадом. Если начинаешь мудрствовать, создавать себе проблемы, значит, у тебя пусто в желудке. Я задаюсь вопросом: довелось ли ей испытать хоть раз за всю свою жизнь хотя бы один-единственный миг колебания?

Да. Наверняка. Тебе даже будет трудно представить себе, сколько.

И что же она делала тогда?

Ну, тебе это известно лучше, чем мне. Мне действует на нервы то, как ты пытаешься выглядеть одновременно наивным и снисходительным. Ты собираешься заканчивать этот фарс или это еще не всё?

То, что я тебе говорю, — всего лишь то, что есть. Даже если бы я притворялся, все равно это так: даже самый бессердечный из людей может быть прав в своем мнении относительно какой-то конкретной вещи. Факт его бессердечия не аннулирует его способности мыслить, и притом мыслить здраво. Забудем о моей матери — кстати, не подумай, что я только и делаю, что вспоминаю о ней. Я возвращаюсь к тому, что говорил тебе: не старайся требовать от жизни того, чего она не может тебе дать, — ценностей. Ценности являются продуктом нашей иллюзии жизни, нашей иллюзии реальности, самой жизни они ни к чему, и мы не можем ничего требовать от нее в этом плане. Я говорю о тебе, о твоих тревогах. Жизнь — поток, который игнорирует тебя; это ты не можешь игнорировать ее, даже зная, что не получишь от нее ничего — даже презрительного взгляда. Но ты права, лучший выход — покинуть мир идей и перейти к действию. Ты приехала сюда, чтобы я

помог тебе разобраться с проблемой, верно? Тогда позволь рассказать тебе одну историю.

Еще чашечку кофе?

Да, спасибо. На самом деле это история об одном моем друге, и я не стану говорить тебе, как его зовут, потому что ты его не знаешь. История не совсем обычная. Мой друг был женат на женщине очень красивой, однако с весьма традиционными привычками и убеждениями. Я бы даже сказал, чересчур традиционными — во всяком случае, на мой взгляд, и я много раз высказывал ему свое мнение, но ему нравилось, что она такая. Если хорошенько подумать, пожалуй, это соединение консерватизма и физической привлекательности имело для него некое особое, почти нездоровое очарование.

Сара ведь тоже была такой, верно?

О… нет, но Сара… в общем, она обладала другими качествами.

А эта женщина?

Ты позволишь мне продолжать?

Ладно, ладно. Молчу.

Хорошо. Мы остановились на том, что у этой пары все шло очень хорошо, без каких бы то ни было серьезных проблем. Детей у них не было, и я никогда не спрашивал, почему, да и кто я, соб-

ственно, такой, чтобы спрашивать об этом? Они всегда и везде бывали вместе, отлично понимали и уважали друг друга.

То есть ты хочешь сказать, что они не наставляли друг другу рога?

Я хочу сказать, что они относились друг к другу с уважением. По-моему, этот вопрос — вопрос уважения — крайне важен. Речь тут не о верности, а о лояльности, но, впрочем, даже и не о ней — я имею в виду, в рамках сексуальных отношений. Уважение к другому человеку в равной мере относится к его полу, личному достоинству и практике — и практике, это я подчеркиваю особенно, тех ценностей, которые являются таковыми и для тебя. Если все складывается в единое целое, это и есть уважение. Как ты, вероятно, уже поняла, речь идет не о том уважении, которое испытывают, как говорится, снизу вверх, а об уважении между равными. Я считаю, что без него пара вряд ли окажется стабильной, а при наличии его, вне зависимости от различия в характерах, стабильность будет наверняка.

Не знаю, полностью ли я согласна с последним выводом, но продолжай, продолжай, я не перебиваю тебя.

Большое спасибо. Итак, они уважали друг дру-

га, и в общем и целом так было всегда. Однако в жизни людей случаются разного рода незначительные события, которым в тот момент едва ли придаешь значение — именно в силу их незначительности, — но они обладают разрушительной способностью, я бы сказал, не меньшей, чем у раковых клеток.

Смотри-ка ты. Сразу же начинают появляться дырки, да? Вот что плохо в разного рода убедительных теориях.

Но как ты можешь считать так, если даже еще не знаешь, о чем я собираюсь тебе рассказать?

Молчу. Прости, прости, молчу.

Вот и молчи. Просто молчи. Мне этого вполне достаточно.

Молчу.

Итак, пошли дальше. Я говорил о незначительных событиях. Вот одно из таких событий и произошло однажды. Мой друг встретил женщину, и они стали любовниками…

Ничего себе незначительное событие!

Давай договоримся: я сосчитаю до двадцати, а потом поднимусь к себе и буду ждать, пока ты, дорогая моя, не будешь в состоянии меня слушать, потому что это просто безобразие.

Да нет, нет, просто ты рассказываешь так, что…

но клянусь, я дам тебе возможность закончить свой рассказ. Матерью клянусь.

Прежде чем продолжать, я, если позволишь, хочу задать тебе вопрос: а насколько ты привязана к своей матери?

В истории, случившейся с этим человеком, тоже нет ничего необычного. Это была просто временная связь, то есть он знал, что она будет временной, потому что в его отношениях с женой все шло хорошо, и пользуюсь случаем, чтобы уточнить: эти отношения к тому моменту не то чтобы ослабли, но находились как бы на плоскогорье. Зачастую эта обширная ровная поверхность, до которой, ведомый надеждой, добираешься ценой немалых и самоотверженных усилий, порождает ощущение застоя. Путешественник располагается на этом плоде своих трудов и расслабляется, теряет темп, силу и энергию, которые привели его туда. Он вновь обретет их, когда ему понадобится снова двинуться в путь, но пока он бездействует, медлит, испытывая некое чувство вины за это, которое, однако, забавляет его или, во всяком случае, ничего от него не требует. И вот, когда он уже начал ворочаться с боку на бок на этом плоскогорье, как в собственной удобной постели, вдруг возникает тоска по тому порыву,

что привел его туда, а самое главное — ощущение застоя. Он еще не сформулировал его для себя как желание сорваться с места, опять пуститься в путь, и это беспокоит его. И вот для того, чтобы заглушить первые признаки этой потребности, он ударяется в приключение, ограничивающееся пределами его болота. Мой друг любил свою жену, но не ощущал в этой любви никакого прогресса — только определенную рутину, рутину плоскогорья, рутину, происходящую оттого, что воспоминания об усилиях, которые потребовались, чтобы взобраться туда, уже ушли далеко, и тело все забыло. Он понимает, что начинающееся приключение — средство стряхнуть с себя инерцию, и это освобождает его от чувства вины. Ну, может быть, не совсем, но, во всяком случае, от значительной части. Одним словом, он не испытывает особых угрызений совести, сожительствуя с обеими женщинами. Разумеется, его супруга не знает о существовании той, другой; другая же, напротив, знает о существовании жены и принимает эту ситуацию вместе с ее возможными последствиями. Возможно, потому, что она моложе, принадлежит к иному поколению, у нее иные взгляды на то, как пользоваться различными свободами. Ты следишь за ходом

моей мысли?

Без единого вопроса.

Очень хорошо. В общем, все идет своим чередом, и вот однажды, придя домой, мой друг узнает, что его жена в больнице. Она приняла целый флакон снотворного, и только благодаря тому, что обмолвилась парой слов одной из подруг, та сообразила, что к чему, и подоспела вовремя, чтобы предотвратить роковую развязку. Мой друг потрясен — более всего потому, что он не ожидал такого поворота событий. Разумеется, он не рассказывал жене о своем приключении, однако он настолько убежден в прочности их отношений, что такое категоричное, жестокое решение оказывается для него совершенно неожиданным. Он может понять всё: упреки, ссоры, даже угрозы… всё, кроме такого все обрывающего и исключающего способа действия, как самоубийство. Нет, спасибо, налей себе. И тут начинается новая ситуация: он чувствует, что между ними что-то порвалось. И это тоже достаточно неожиданно. Он думал, что, как бы и что бы ни произошло между ними, их отношения всегда превозмогут конфликт. Это не исключало проблем, но исключало разрыв, потому что, для того чтобы разрыв произошел, нужна достаточно веская причина

— например, ослабление отношений, но ему никогда и в голову не приходило, что этот разрыв может произойти из-за какого-то непредвиденного случая, пусть даже болезненного.

Маленькое пояснение: непредвиденный случай… это может касаться как одного, так и другого.

Да, разумеется.

Я хочу сказать — и потом сразу замолчу, — что он в равной мере принимает и обратную ситуацию: то, что «непредвиденный случай» может быть у нее с другим мужчиной.

Дорогая, я не думал, что тебе нужно это пояснение, но, раз уж ты просишь о нем, я подтверждаю. Да.

Продолжай, продолжай.

Я продолжаю, но имей терпение и, прежде чем судить, подожди финала. Итак, он сталкивается с тем, что ее ответ на «непредвиденный случай» тотален и абсолютен: она не ставит вопрос о разрыве, а решает уйти, умереть, исчезнуть в самом полном смысле этого слова, молча, не думая о том, что будет с ним. Естественно, это разрывает их негласное соглашение, а именно: сколь бы сильные ветра ни раскачивали лодку, решения будут приниматься только совместно.

Это основа их отношений. Это доверие, о котором они условились. Однако следует уточнить: это доверие его к ней, поскольку она, поступив так, доказала, что не доверяет ему. Я понимаю, что с феминистской точки зрения все это звучит как анафема, но ты увидишь, к чему я веду. В общем, она в одностороннем порядке разорвала их негласный договор. Тогда мой друг, естественно, пытается понять, каким образом все дошло до подобной ситуации, и разговаривает с ней. Первое, что она подтверждает, следующее: действительно, она пыталась покончить с собой, считая, что ее предали. Он старается доказать ей, что отношение между фактом и результатом непропорционально, что глупо отвечать на адюльтер самоубийством, и особенно, что оно является полным и жестоким отрицанием того, что даже при худших обстоятельствах должно быть главнейшим и существенным в общении двух людей: диалога, объяснения, даже требовательности. Главнейшим и существенным, сказал он, даже если речь идет о том, чтобы расстаться. И тут эта женщина признается, что ей невыносимо видеть его влюбленным в другую. Напрасно мой друг протестует, напрасно уверяет, что это всего лишь приключение — а именно так оно и было

на самом деле, — не имеющее для него никакого значения, и что значение для него имеют только их отношения и только она. Он обнаруживает, что все его слова бесполезны перед лицом свершившегося факта. Адюльтер есть, и она в приступе отчаяния рушит все, что они построили вместе. В приступе отчаяния, подозрительно похожем на обычную беспричинную вспышку гнева. И тут для моего друга начинаются проблемы: это событие показало ему жену в новом свете, и, как говорил Юнгер[19], *правда, как и свет, не всегда попадает на что-то приятное.* С этого момента дыхание их совместной жизни, хоть он и расстался со своей любовницей, перестает быть ровным: теперь это двое людей, которые терпят друг друга, живя под одной крышей. Он знает, что это начало конца, а она? Как бы ни старались они вернуться к своей прежней жизни, она знает наверняка: что-то изменилось навсегда и появилась брешь, которая может расшириться. Но знает ли она? Я думаю, что да, знает, но не желает этого признавать, поскольку в этом случае ей придется сделать такие выводы, даже мысли о которых она не желает допускать. Ты знаешь, как

---

[19] Примечания: 19
Эрнст Юнгер (1895–1998) — немецкий писатель и философ.

бывает, когда на лицо безжалостно падает яркий свет: лицу так трудно удержать в себе красоту, что, дабы не утратить привлекательности, ему приходится вводить в игру еще что-то — свою жизнь. И тогда все то, что имело смысл до сей минуты, будет действовать в его пользу, а все пустое и случайное будет предавать его. Под ярким светом лицо жены моего друга, как и ее тело, изменилось, исказилось и осталось таким. Горячие прежде отношения превратились в хрупкое существование на краю адской бездны, падения в которую можно было ожидать в любую минуту. Смесь красоты и традиционного мировоззрения, придававшая его жене некое нездоровое очарование, вскоре превратилась в нерешительность человека, потерявшего почву под ногами. И он понял, что эта женщина неумна.

И что же произошло тогда?

Уфф. Это рассказывать труднее всего. Они продолжали жить вместе. Она — исполненная подозрений по отношению как к прошлому, так и к настоящему. Он — понимая, что прежнее поле любви мертво.

У них не было детей?

Нет.

Это могло бы помочь им.

Помочь оставаться вместе? Не знаю. Он считал, что лучше так: когда все проблемы затрагивают только их двоих и, кроме них двоих, никому не причиняется вреда. Или, по крайней мере, так он сказал мне, но, думаю, он искренне считал так. Зрелище этого безграничного опустошения и сознание невозможности какого бы то ни было возврата к счастью в той его форме, которую они познали, иссушили его сердце.

Это всё?

Нет. Потом случилось еще кое-что и еще более омрачило ситуацию.

Знаешь, эта твоя история и этот бесконечный серый дождь… кончится тем, что мы насквозь пропитаемся сыростью и тоской.

Если нужно, мы выйдем прогуляться под дождем, у меня есть для этого все, что надо. Я часто гуляю так.

Согласна. Я утешусь еще одной чашечкой кофе. А ты хочешь?

Спасибо. Так вот, я сказал, что случилось еще кое-что. Отношения между моим другом и его женой стали похожи на пустыню. В такой ситуации можно было бы ожидать, что через некоторое время что-то сдвинется с места, потому что жизнь в такой пустыне — бесплодной, безводной — не

приносит душе покоя. Он решил с головой уйти в работу и по крайней мере некоторое время избегать того, что стало причиной его беды. Она же, напротив, решила воссоздать их отношения. Подобная разница в подходах и действиях со временем породила в нем некоторую раздражительность, только подчеркнувшую его сухость и отстраненность, о которые раз за разом упрямо разбивалась она. Все это означает, что они оба, никоим образом не стремясь к новому конфликту, фактически подготавливали его. Упорство женщины в конце концов откликнулось раздражительностью в ней самой. Нетрудно представить, какая душная атмосфера царила в их доме, сгущаясь все больше и больше. И вот однажды, в припадке гнева, она пустила в ход тяжелую артиллерию и допустила серьезную ошибку — пригрозила, что снова убьет себя. Казалось, угроза возымела действие, он стал вести себя осторожнее и менее отстранение, но ей и в голову не могло прийти, что на самом деле творится в душе мужа. Он, как в мгновенном ярком свете вспышки молнии, увидел то, чего не видел прежде: что подругу, спасшую жизнь его жене, косвенно предупредила она сама; что самоубийство не было таковым, а единственный

риск состоял в том, что подруга не истолкует так, как нужно, адресованную ей подсказку. Теперь речь шла не о порыве слепого отчаяния, а об очевидном эмоциональном шантаже. Помимо более или менее сильного взрыва эмоций, она пережила моральный конфликт, решив воспользоваться этим средством впервые, но в дальнейшем уже могла пользоваться им не раздумывая: оно стало испытанным оружием.

Ты уверен в этом?

Так мне сказал он.

Понятно, но ведь тебе известно только его мнение.

Ну, ее я тоже знал довольно хорошо. И не только: я знал обоих именно как супружескую пару, мог очень близко наблюдать их жизнь. Поэтому могу сказать: я знаю, что все было именно так.

Ну, не знаю, не знаю. Ладно, продолжай.

Не думаю, что стоит продолжать, если ты не следишь за ходом моей мысли.

Не говори глупостей. Ты рассказывай, а там посмотрим. Если считать все истории, за правдивость которых ручается рассказчик, достоверными, то историям конец.

Я все пытаюсь добраться до того момента этой истории, который представляет для нас интерес,

момента, так сказать, назидательного, а для этого необходимо, чтобы она убедила тебя, иначе я не смогу показать назидательность данного случая.

Слушай, хватит пышных слов. Достоверна твоя история или нет, в ней, по твоим словам, присутствуют назидательные элементы, не так ли? Вот и давай, продолжай.

Хорошо, скоро мы увидим, что случится в конце. Если не ошибаюсь, мы остановились на шантаже. Поразмыслив здраво, мой друг решил, что те, кто угрожает убить себя, обычно не слишком горят желанием выполнять свою угрозу, ха-ха-ха. И понял, что прежде не видел реальности создавшегося положения потому, что то первое, ложное самоубийство произошло, так сказать, без всякого предупреждения, потому и оказалось столь убедительным. Теперь проблема была в том, что нынешние плохие отношения между супругами могли претерпеть некий качественный скачок. Одно дело — жить вместе без любви, но совсем другое — жить вместе из-за постоянной угрозы внезапных агрессивных действий: в данном случае я имею в виду агрессию не непосредственную, будь то физическую или словесную, а косвенную — такую, как, например, симуляция самоубийства. Насколько бы ты ни

владел ситуацией, сколь хорошо ни знал бы, что угроза — не более чем шантаж, когда угрозы или неудачные попытки самоубийства неоднократно повторяются, это приводит к страшной эмоциональной и умственной амортизации. Так что этот человек оказался перед такой дилеммой, какой я не пожелал бы никому: или он отдаляется от нее — со всеми вытекающими из этого последствиями, или остается с ней — тоже со всеми вытекающими из этого последствиями.

И что же он решил?

Договориться. Это самое логичное. Когда шантаж раскрыт и об этом доведено до сведения шантажиста, логичнее всего попытаться заключить пакт о ненападении. Речь уже шла не о том, чтобы продолжать оставаться вместе, а о том, чтобы прийти к соглашению о совместной жизни под одной крышей без принуждения друг друга к чему бы то ни было, в рамках простого сосуществования двух хорошо воспитанных людей. Каждый выставил свои условия, причем главным и почти единственным ее условием было отсутствие у обоих внебрачных отношений. Ты скажешь: что же это за условие, если первое соглашение между ними подразумевало, что супружеского долга нет, а есть просто совместное

проживание; но все было именно так. Это даст тебе представление о том, как у нее работала голова. Мой друг под влиянием минутной снисходительной слабости принял это условие. Могу предположить, что он считал его невыполнимым; я не собираюсь сочувствовать ему, но факт есть факт — он заключил соглашение, а это как минимум предполагало отказ от сближения с какой бы то ни было другой женщиной. Тяжелый удар. Поначалу, наверное, он решил отделаться хотя бы от одной проблемы, а чтобы не дать себе пасть духом, решил, что, в конце концов, приключения контролю не поддаются; во всяком случае, он мог думать о приключениях. В любом случае отказ от сторонних отношений — чересчур высокая цена, и, по-моему, он не догадывался, каких высот она достигнет с течением времени.

Как работала голова у нее… и у него.

Прости, что?

Да ничего особенного. Просто ты не слишком лестно отзываешься о ней, а по-моему, его линия поведения тоже вряд ли заслуживает бурных восторгов. Совершенно очевидно, что он человек слабый и трусит.

Ты так считаешь?

Да, я так считаю.

Знаешь, чего я боюсь? Если ты не сумеешь понять его позицию, абстрагируясь от его роли во всех этих драматических событиях, то не сможешь прийти к той позиции, с которой я рассказываю тебе об этом.

Ну-ка, ну-ка, давай разберемся: ты хочешь, чтобы я прочувствовала его драму, игнорируя при этом ее драму? Ведь так?

Нет, нет, никоим образом. Я хочу, чтобы ты проследила за эволюцией этого случая, сосредоточив свое внимание на муже. Скажем так: в том, что я хочу рассказать тебе, интересной фигурой является муж, а жена действует только как катализатор. Ты понимаешь? Я не хочу сказать, что она не переживает драмы — разумеется, да, так же, как и он. Но я хочу привести тебя к тому, что обрисует нам ситуацию, в которую он входит один.

Ладно, пусть будет так — пока. Я не вполне понимаю это твое отделение одного от другого, но пусть будет так. Посмотрим, к чему мы придем.

Отлично.

Ты не можешь отрицать, что я оказываю тебе содействие.

Хорошо. Вот только что ты сказала, что он трусит. Я… предпочел бы, чтобы ты считала, что он скорее заблуждается. Даже будучи исполнен та-

ких благих намерений, что, пожалуй, их и правда можно спутать со слабостью, но все же заблуждается. Судя по тому, как он вел себя до сих пор, он не трус, и могу тебя уверить, что и не слабый человек. Обнаружив, что заблуждался, он начнет действовать, а это не свойственно ни слабакам, ни трусам. Но видишь — ты вынуждаешь меня опережать события.

Я молчу.

Жизнь продолжалась для обоих в рамках их договора. Он занимался своей работой, она — своим рукоделием. Время идет, но ничего особенного не происходит. Для нее, похоже, это не имеет значения, но его это гложет. Полагаю, нужно иметь очень большую выдержку, чтобы терпеть подобную ситуацию. Или, может быть, нужно обладать не выдержкой, а чем-то вроде инерции, сходной с существованием в космическом вакууме, где колышешься туда-сюда, не имея другой цели, кроме самого этого колыхания. Она находилась в этом положении, он — в первом, и, естественно, следы коррозии начали понемногу проступать. И хотя они исключили из своего сосуществования исполнение супружеского долга, такие попытки, что вполне естественно, стали происходить и оказались гораздо более неловкими для него, чем

для нее: не потому, что ему приходилось прилагать усилия, чтобы пробудить желание, а оттого, что, направляя свое желание на эту женщину, он испытывал непреодолимое личное отвращение, которое ему с трудом удавалось отделить от физической стороны дела. В такие моменты, словно чувствуя это, сказал мне он, она отходила от некоторой отчужденности, главенствовавшей в ее повседневном поведении, и, несмотря на их негласный договор, отвечала на его сдержанные ласки возбуждением, которое в конце концов передавалось и ему. И захватывало его до безумия, хотя потом некий холодный осадок сковывал желание.

Опять что-то нездоровое.

Именно так.

Но знаешь, что я тебе скажу, если ты не слишком обидишься? Это нездоровье очень… как бы это выразить поточнее… очень мужское. Очень характерное для мужского подхода к вопросу.

Может быть. Я только рассказываю тебе то, что было.

А ты сам, случайно, не возбудился?..

Исключительно остроумное замечание.

Послушай, позволь мне сделать кое-что, позволь немного рассеять эту удушливую атмосферу,

которую ты создаешь своим рассказом. Свинцово-серый день, дождь с ветром и эта зубодробительная история… мне просто необходимо открыть окно и немного подышать.

Значит, мы распахнем окно. И даже приготовим себе апельсиновый сок, наполненный здоровьем и силой.

В общем, их отношения стали для него настоящей пыткой. Он чувствовал, что они могут превратиться в нечто извращенное, и снова начались приключения — обыкновенные, непритязательные приключения: это было просто средство разрядить сгустившуюся, душную атмосферу. Думаю, иначе и быть не могло. Более всего его угнетала возможность, отнюдь не воображаемая, оказаться в конце концов раздавленным собственными противоречиями. Однако он продолжал сексуальные отношения с ней, своей женой. Испытывать отвращение и в то же время желать его объект — усилие, превращающее желание в рабство, потому что приходится подчиняться тому, кто тебе отвратителен. Одна часть тебя борется с другой. Никто не может выйти из такой ситуации невредимым. Это странная смесь вины, презрения и потребности, и кто может расставить все эти компоненты по своим местам? В

подобных обстоятельствах просить спокойствия, мира или даже просто эмоциональной стабильности — дело, заведомо обреченное на провал, и даже хуже того: в конце концов это превращается в епитимью, которую человек сам накладывает на себя. Он начал бояться, что это завладеет им и в итоге станет ловушкой, из которой ему не убежать. Поэтому приключения умножились. Они уводили его из той напряженной атмосферы, в которой существовали его отношения с женой. И, разумеется, случилось то, что должно было случиться. Среди прочих объектов приключений оказалась и его бывшая любовница — та, из-за которой его жена пыталась покончить с собой. В принципе жена могла узнать о любом из приключений, но судьба уже сказала свое слово: ей стало известно именно об этом. Каким образом, не знаю, не спрашивай, я не имею ни малейшего представления; знаю только, что злой рок проник в эти события, как пуля в барабан револьвера, и, естественно, курок сработал. Муж не подозревал, что жена все знает, до тех пор, пока не нашел ее дома мертвой. Чтобы украсить сцену, могу сказать, что он как раз вернулся домой после окончательного прощания со своей подругой, сознавая, что именно об этой женщине и об этой

истории не следует знать его жене, ибо внезапно понял, что эта их новая встреча, сколь бы тайной или маловажной она ни была, способна вызвать из ада всех его демонов. Странно, до чего пророческой бывает интуиция, когда пророчество касается разрушения. Я в конце концов уверовал, что интуиция подсказывает тебе только то, что ты уже знаешь, но еще не можешь сформулировать. Он опасался, что, узнай жена о его новой связи с бывшей любовницей, их совместная жизнь обернется для него новым кошмаром, однако интуиция не подсказала ему, что она убьет себя, только на сей раз не предупредив никого. Нарочно ли она постаралась обставить все так, чтобы ему стало как можно больнее, или просто решила уйти со сцены? Этот вопрос он задавал себе и много раз задавал мне, потому что от ответа на него зависело, как отнестись в личном плане к последствиям происшедшего. Каждому человеку нужно, чтобы в его истории все стояло на своем месте и все детали были пригнаны одна к другой, даже если в общем картина получается не слишком в его пользу. Когда же детали не стыкуются или распадаются, это еще больше обостряет боль. В конце концов, именно этим мы и занимаемся всю жизнь — стараемся подогнать

все детали и только потом задумываемся, хорошо ли и насколько хорошо у нас это получилось. Он не понимал, почему его жена решила уйти вот так, вдруг, после той почти извращенной, но достаточно долгой совместной жизни, о которой я тебе рассказывал; своим поступком она как будто признавала, что устала, однако никаких признаков этой усталости заметно не было, да и в любом случае, тогда как раз наступил подходящий момент для разговора о разводе. Что же касается второго варианта — что она хотела сделать ему больно, — он казался более похожим на правду, но предполагал полную и абсолютную сдачу, акт отчаяния. Так можно причинить боль, находясь в полном разуме и мысля совершенно ясно, холодно признав и приняв, что уже стоишь на пути туда, откуда нет возврата, и своим шагом ты освобождаешь себя от этой боли, взваливая все, что было, и все, что будет, на совесть и жизнь другого человека. Однако была одна маленькая проблема: эта женщина не отличалась умом — он обнаружил это уже давно, и это сильно изменило их отношения. Она ограничивалась тем, что была рядом; то, что казалось изяществом стиля, пониманием и сознательным поведением, на самом деле оказалось не более чем способом

подать себя. В ней не было места сомнению, а значит, и возможности создания личности. Она — вспомним твою любимую тему — под красотой скрывала свою истину: бессодержательность. Результат же таков: будь она бессодержательной, будь она умной, ее решение лишить себя жизни не имело смысла. Так что же это было? Порыв, припадок ярости? Особая ранимость, сделавшая для нее приключение мужа невыносимым унижением? Мой друг почувствовал себя свободным, но одиноким; смерть жены преследовала его, как наваждение. А вместе с этим наваждением к нему приходили воспоминания о счастье и нежности былых времен, словно ее рассчитанная месть несла в себе послание любви. В общем, долгое время он пытался найти какое-то объяснение, которое позволило бы ему выстроить свою собственную, личную историю, собрать себя воедино. Думаю, ему это не удалось. Я говорю «думаю» потому, что перестал с ним видеться: конечно, теперь, когда я живу здесь, вряд ли кому-то захочется тащиться в эту глушь, чтобы повидаться со мной, — разве только проездом. Да и потом, сознаюсь, я уже устал от него — устал, как устает собака от кости, которую грызет.

Ничего себе образ. Ничего себе заключитель-

ный аккорд.

Да, пожалуй, этот рассказ начал утомлять даже меня.

Великолепно. А что же теперь?

В каком смысле?

Я имею в виду — к чему ты рассказал мне все это.

Эта история кажется мне интересной. Из нее можно многое извлечь.

Ты хочешь сказать, что она имеет какое-то отношение ко мне?

Да, полагаю, да, в некотором роде.

Тогда начинай объяснять, потому что я не понимаю ровным счетом ничего.

Она тебе ни о чем не говорит?

Нет.

Ну, тогда не знаю, стоит ли продолжать ее.

Послушай. Ты полдня продержал меня здесь, рассказывая историю о каком-то типе — прямотаки идеальном во всех отношениях, потому что он идеален даже в своих проступках, — о типе, которому приходится пережить самоубийство жены, и ты еще хочешь, чтобы я извлекала из нее уроки, а сам берешь на себя роль подсказчика. Ты действительно хочешь, чтобы я заинтересовалась тем, что ты мне рассказал? Тогда расскажи

что-нибудь еще о жене, потому что — не знаю, почувствовал ты сам это или нет, — на фоне того изысканного анализа, которому ты подверг поведение своего друга, она выглядит просто грубым наброском, тенью, пугалом. Такое равновесие невозможно. Эта история просто вынуждает тебя, точнее, меня принимать сторону мужа — об этом ты, в общем-то, и просил меня, верно? — и фактически игнорировать вторую половину этой пары. Такого не позволил бы себе даже начинающий романист.

Что с тобой? Ты разозлилась?

Нет. Мне стало скучно.

Неправда. Но просто удивительна та степень дикости, до которой мы дошли с помощью этой новой моды распределения по квотам присутствия меньшинств в обществе.

Что?

То, что слышала. Теперь, что бы ни делалось, каждый раз начинают с распределения квот: столько-то процентов негров, столько-то маргиналов такой-то, такой-то и такой-то группы, столько-то голубых, столько-то прочих… Я в своем рассказе пренебрег квотой женского пола и тем испортил его. Ради бога, не терзай меня подобной чепухой. Кто угодно, только не ты.

Дело тут не в квотах. Это ты разочаровал меня. Что ты думаешь — что я принадлежу к воинствующим феминисткам? Если да, ты очень ошибаешься. Но я и не невежда и — не как мыслящий человек, а просто как преподаватель литературы, знающий свое дело, — скажу тебе: нельзя рассказывать историю о двух людях, скрывая, каков один из них. Это весьма примитивный прием. Потому я и сказала, что эта история гроша ломаного не стоит, если ты не расскажешь и вторую часть.

Мне стыдно, что я учил тебя, — говорю это вполне серьезно. Мне стыдно, что ты не способна понять историю, которую я тебе рассказал, так, как я ее рассказал.

Историю этого идиота, которому не хватает смелости справиться с ситуацией и который, кроме того, принимает дуру за Афину Палладу?

Господи, как ты можешь быть такой смешной?

Ах, смешной? Это ты не смеши меня.

И ты еще приехала ко мне? Зачем? Для чего?

Вот и я думаю: зачем?

Я не потерплю, чтобы ты издевалась над тем, что я тебе рассказал. Если ты не способна сама разглядеть этот персонаж, молчи; хотя бы молчи. А когда тебя спросят, отвечай: ты приехала ко

мне потому, что я тебе нужен. А в таком случае будь любезна не пропускать мимо ушей то, что я тебе говорю, и не бросаться в истерику из-за того, что я не соблюл в этой истории женскую квоту. И, кстати, имей в виду, что рассказчик начинает свое повествование с того места, с которого его устраивает, и не обязан рассказывать больше того, что хочет рассказать. Он не обязан рассказывать о целом мире: только о той его части, которая попала в сферу его внимания. Это ужасная история, а ты превратила ее в задачку на пропорции. Истинно говорю тебе: мне стыдно, что я тебя учил.

Если кто-то должен начать первым, начну я: я сожалею. Я потерял голову и оскорбил тебя. Это непростительно.

Нет. Это не непростительно. Только когда некоторые вещи сказаны, они сказаны, и прости, что я так говорю.

Их всегда можно забыть.

Это ты так думаешь. Есть вещи, которые не забываются просто так. Это никак не связано с твоими желаниями — просто бывают вещи необратимые.

Ну-ну, не преувеличивай. Факты сами по себе могут быть необратимыми, но наше отношение

к ним вовсе не необратимо.

Знаешь, что случилось на самом деле? Кое-что из сказанного тобой было сказано потому, что ты действительно так считаешь; возможно, до сих пор ты скрывал это или притворялся, откуда мне знать, но результат таков: ты сказал то, что думаешь обо мне. И что с этим поделаешь? Ничего: это именно то, что ты думаешь обо мне.

Ничего подобного. Ты восприняла это как желание обидеть тебя в ответ на то, что ты вывела меня из себя. Ты ошиблась.

Я была бы рада ошибиться, честное слово. Но ты сказал то, что думаешь. Не знаю. Я не ожидала этого от тебя.

Ты все еще сердита.

Да, очень.

Я просто не знаю, как выйти из этой ситуации. Посмотри на меня. Мне порядком за шестьдесят, и я прожил, можно сказать, лучшее десятилетие своей жизни одиноким и потерянным. Последние четыре года я провел здесь, в четырех стенах. Наверное, со мной стало очень трудно общаться.

Это уж точно.

Послушай. Мне больно видеть тебя такой. После стольких лет снова встретиться с тобой лицом к лицу — мне это было в радость. Твои письма

воодушевляли меня все эти годы. Мы — ни ты, ни я — не заслужили того, чтобы оказаться в такой ситуации.

Ну, ты постарался на совесть, чтобы она оказалась именно такой. Я-то уж точно ее не заслужила.

Должен же быть какой-нибудь способ все поправить. Давай попробуем. Мы слишком хорошо знаем друг друга для того, чтобы его не было.

Не знаю, правда, я не знаю, чего ты хочешь.

Я хочу, чтобы мы вернулись к тому, на чем остановились. Мы говорили о тебе, о твоих проблемах, и я, начав рассказывать тебе о другом, совершил жуткую глупость, готов признать это. Жуткую глупость. Но ты ведь знаешь, что с самыми лучшими намерениями: я хотел тебе кое-что объяснить, и вот видишь, что вышло.

Дело не в этой прелестной истории.

Я знаю, я знаю.

Дождь идет с самого рассвета, и конца ему не видно. Это ужасно.

Да, не повезло — ведь ты приехала всего на два дня.

Вчера был неплохой.

И на том спасибо.

Не знаю, как ты решился поселиться здесь. У

всех местных жителей, наверное, даже кости покрылись мхом.

Больше всего я жалею, что не могу поднять тебе настроение. Но не похоже, что погода улучшится. Может, попозже.

Не имеет значения.

Но должны же мы что-нибудь сделать.

Мне не хочется ни выходить, ни сидеть тут, взаперти. Не знаю, что мы можем сделать.

Ну, может, взять машину и поехать куда-нибудь?

Разве здесь есть место, где бы не шел дождь?

Не думаю, но по крайней мере мы немного встряхнемся. По крайней мере у нас не будет ощущения, что мы сидим, как в ловушке, глядя на дождь за окном. В такие дни я обычно так и поступаю.

Все дело в сером цвете.

Что?

Это он так утомляет. Не дождь, а серый цвет. Он такой тоскливый, что просто забирает все силы.

Пожалуй, пора перекусить. Ну, давай, встряхнись.

Я не знаю, хочется ли мне есть.

Как трудно, правда? Как трудно снова начать говорить о моих делах.

Да, верно. Нужно просто сделать усилие. Я не говорю: забудь о нашей ссоре дома; я только прошу отодвинуть ее подальше, и ты увидишь, с какой легкостью мы снова заговорим о них. Так обычно и бывает с умными людьми.

Не придавай такое значение уму.

Не могу.

Была бы я умной, так относилась бы ко всем этим проблемам по-другому.

Ты умна. Очень. Только не путай ум с практической сметкой; иногда человеку дается и то и другое вместе, но спутать их невозможно. И потом, прикинь как следует: если бы ты сейчас не мучилась сомнениями, ехать или не ехать тебе работать с Армстронгом, то наверняка думала бы о том, как получить кафедру здесь, в Испании. А если так, то скажи-ка мне: разве у тебя не было бы той же проблемы? Я имею в виду, что, может, ты получишь ее в Мадриде, а может, и далеко от него, как я в свое время на Канарах.

Это не одно и то же. Ты же отлично знаешь, всегда можно постараться распределить свои часы так, чтобы часть недели проводить с семьей. Ведь я чуть не оказалась в подобной ситуации… ну, я тебе говорила. Пришлось бы много ездить туда-сюда, но все равно это не то же самое. Меня вот

что наводит на размышления: хочешь верь, хочешь не верь, но я, в общем-то, совсем забросила идею насчет кафедры, а вот возможность поработать с Армстронгом манила меня с тех самых пор, как я впервые задумалась о ней, еще задолго до того, как получила официальное приглашение.

Это называется желанием.

Да, но желанием чего?

Тебе лучше знать, ведь это твое желание.

Желание знаний? Желание славы? Желание мести?

Я больше не осмеливаюсь высказывать свое мнение — не дай бог, снова ляпну что-нибудь неподходящее. По крайней мере, до обеда не буду.

Что за глупости!

Нет, правда. Но в любом случае у тебя должен быть ответ — наверняка он затаился где-то внутри. Просто задай сама себе этот вопрос. Желание не возникает из ничего, и оно — не падающая звезда. Желание всегда коренится в нас самих, особенно желание такого масштаба. Может, ты задаешь себе этот вопрос не так, как надо, ищешь не в том месте, где гнездится твое желание.

Ой, не утомляй меня, пожалуйста. Я ехала сюда с единственным намерением: чтобы ты помог

мне разобраться, помог искать, найти, увидеть. Разумеется, я задаю себе вопрос не так, как надо.

Странно, что ты, такая умница, не умеешь искать. А тебе не приходило в голову, что, возможно, в глубине души ты сама не хочешь найти ответ?

Я не хочу найти ответ?

Иногда из-за своего ума мы оказываемся в ситуациях, которых не можем не видеть именно благодаря ему. Но бывает и так, что мы не желаем их видеть, поскольку они ведут нас к конфликтам, которые нам не по душе. Тогда что-то срабатывает внутри нас, и мы бессознательно — бессознательность является защитной мерой — отключаем какую-то зону механизма действия ума. Таким образом доступ в опасную зону блокируется. Результат просто великолепный: мы не добираемся до нее — а это защищает нас, — но в то же время продолжаем действовать с иллюзией того, что не отказались от собственного ума.

Потрясающе.

Да, правда?

Ты лучше смотри на дорогу.

Я смотрю, не беспокойся.

Ты хочешь сказать, что я, возможно, скрываю от самой себя истинную причину, по которой мне хочется поехать работать с Армстронгом?

Может быть. Или, может, скрываешь от самой себя истинную причину, по которой тебе не хочется ехать работать с Армстронгом. Или истинную причину, по которой тебе не хочется уезжать из Испании. Или истинную…

Ты не мог бы повнимательнее следить за дорогой?

…причину того, что тебе хочется уехать из Испании.

Я думала, что приехала сюда, чтобы разобраться кое в чем, а не чтобы еще больше запутаться.

Для того чтобы найти себя, нужно сначала себя потерять. «Ибо лишь тот, кто теряет себя, обретет меня» — помнишь Евангелие?

Хуже, чем ты.

Ты можешь называть меня стариком, протестовать не буду. Я в долгу перед тобой. Однако постарайся не выходить за рамки, я тоже человек легкоранимый.

Ты человек хитрый, которому всегда удается вывернуться. Вот какой ты человек. О господи, быть бы мне просто серенькой домохозяйкой, не желать бы ничего, кроме хорошо обустроенного дома и мужа, который решал бы мне все проблемы.

О, о. Эта фраза… где же я ее слышал раньше?

Ну, уж точно не от меня.

Тогда не говори глупостей.

А ты не смотри на меня и веди машину как следует. Кажется, мне захотелось есть. Еще долго?

До ресторана?

Нет. До моего дня рождения. Тебе не надоело?

Даже не верится, что нам здесь готовят сухой мартини. Здесь, в этой глуши.

Ну, я ведь знал, куда тебя привезти, — я уже успел освоить все здешние места, достойные внимания. Этот очаровательный отельчик держит такая же пара, как ты и твой муж; они бросили город и перебрались сюда. Ресторан тут совсем маленький, но просто великолепный, потому что в первые два-три года их компаньоном был высококлассный повар. Так что, видишь, никаких тайн — такова современная жизнь.

Разумеется, я тебе очень благодарна, но все-таки, если хочешь, чтобы я честно сказала то, что думаю, такая жизнь не по мне. Вот так вот взять и удалиться от мирской суеты… не знаю, стоит ли. Создается впечатление, что ты просто сбежал. Что скажешь?

Все зависит от того, с какой стороны взглянуть, от того, чего ты хочешь от своей жизни, зависит от твоих амбиций…

Вот-вот: никаких амбиций, никаких желаний.

Верно. Но человек имеет право на выбор. Проблема заключается в том, чтобы сделать этот выбор. Человек имеет право на то, чтобы мирская суета казалась ему невыносимой и непреоборимой. А в таком случае разве не лучше отойти от этого мира и поискать какое-то иное жизненное пространство? Я защищаю не свою нынешнюю жизнь как таковую — насколько я понимаю, мы сейчас говорим именно о ней, — я защищаю ее как плод моего выбора, и это выбор вполне сознательный, сделанный в здравом уме, в результате анализа, а не просто поворот спиной к тому, что мне не нравится.

Может быть. Наверное, я другой человек, потому что меня такой выбор совершенно не соблазняет. Она несколько буколического свойства, эта идея о простой и непритязательной жизни в деревне, тебе не кажется? Что бы ты ни говорил, деревня огрубляет, и жизнь в ней тяжела. Возможно, такой старикашка, как ты, ощущает это в меньшей степени, но для молодой пары… Не знаю. Человек должен жить в том мире, который ему достался. Это тоже не так уж плохо. Представь себе, что мы — вьетнамцы, живущие в самый разгар войны с Соединенными Штатами.

Им досталось жить там и тогда. И они победили.

Хороша победа — выиграть войну и жить так, как прикажет всемогущая Партия. Не знаю, что было хуже для них: мир или война.

Ой, не будь таким занудой.

А ты не будь такой легкомысленной.

Что? Нет-нет, с водкой — это для сеньора, а мне — с джином. Спасибо.

Боже мой, нам придется выпить вместе, а мы все никак не помиримся.

Я же сказала, что не собираюсь тебя прощать, но, поскольку ты мне все еще нужен, я выпью с тобой. За что или за кого?

За твое счастье.

Ничего себе. Как ты любезен.

Я перерождаюсь. Твое здоровье.

Как ты думаешь, у меня есть талант?

Что это ты вдруг?

Я просто задаю себе вопрос: хватит ли у меня мозгов на то, во что я собираюсь впутаться?

Ты боишься?

Не знаю, страх ли это. Наверное, скорее неуверенность. А что, если вдруг в конце концов мне не хватит способностей, чтобы заниматься тем, чем мне хотелось бы заниматься?

Но ты ведь знаешь, чем тебе хочется зани-

маться?

Знать-то знаю, но не могу определить это. Я собираюсь работать в таком месте, где требования предъявляются по максимуму: а вдруг я окажусь не на должной высоте?

То есть речь идет о том, что ты не знаешь, сможешь ли соответствовать максимальным требованиям?

Да, что-то в этом роде.

Но это значит — все или ничего. Давай разберемся: ты надеешься стать самым крупным авторитетом в области английского романтизма…

Нет, не так. Я надеюсь, трудясь в этой области, выработать собственную концепцию, которая продвинула бы вперед познание английского романтизма. У меня есть солидная основа, и у меня есть — скажем так — целый ряд интуитивных ощущений, которые постепенно обрастают плотью. Однако нужно обосновать эти интуитивные ощущения, перевести их в слова, найти формулировки. Но есть и белые пятна, пустоты, которые я должна заполнить для того, чтобы знать — пусть даже в конце концов окажется, что я ошибалась, — что ступаю по твердой почве. А насколько она тверда, мне необходимо проверить.

И специалист, которого я считаю крупнейшим авторитетом в этой области, а также единственным из всех исследователей, способным пойти на риск, может помочь мне в этом.

Ты хочешь, чтобы Армстронг прикрывал тебя сзади.

Нет, нет; я хочу, чтобы он учил меня, а не подстраховывал. Мне необходимо… не знаю, как объяснить… мне необходимо преодолевать препятствия, мне необходимо возбуждение, необходим тот, кто будет бросать мне вызов… да, именно так, понимаешь? Тот, кто будет бросать мне вызов.

Тебе необходимо помериться силами с лучшим.

Да. В общем, да. Я имею в виду, что здесь у меня отсутствует стимул. Я могу работать, как самая прилежная из библиотечных крыс, могу вести столько занятий, сколько мне заблагорассудится, но у меня отсутствует стимул. Ничто не заставляет меня идти дальше исполнения своих обязанностей и получения некоторого удовлетворения оттого, что я поднялась на очередную ступень служебной лестницы. Если я соглашусь на это, мне нечего будет преодолевать. Самое интересное, что может быть для меня здесь, — это

получить кафедру и, в лучшем случае, писать труды, пережевывая уже известное нам — по крайней мере, тем, кто читает больше других. И что это будет? Куда это меня приведет? Это все равно что быть провинциальным эрудитом, который накапливает массу знаний, но никогда ничего не открывает сам. А если так, почему бы не поехать туда, к тем, кто поставляет нам, провинциалам, материал для наших лекций и работ?

Ну, ладно, ладно, не горячись так. Так, значит, тебе хочется стать источником, ориентиром.

Абсолютно верно. Именно этого я и хочу.

Ясно. Однако… не похоже ли все то, что ты сейчас наговорила, на воздушный замок? По-моему, все это делается иначе. Я понял бы, если бы ты уехала из Испании сразу же по окончании университета, продолжила бы учебу где-то в других краях, погрузилась бы в мир своей специальности, и это привело бы тебя к решению не возвращаться, потому что ты уже принадлежала бы к тому миру мудрости, а не к нашему, здешнему. Тогда ты достигла бы своей цели естественным путем. Но ты училась в Испании — в провинции, как ты говоришь, и вот теперь тобою движет стремление стать тем, чем ты не

была… мне это кажется странным и не слишком уместным.

Ты хочешь сказать, что я упустила свой шанс, а сейчас просто предаюсь мечтаниям.

Ну, что-то в этом роде, если ты не обидишься.

Да нет, не обижусь.

Доказательством является то, что ты хочешь поехать, но тобою движет не конкретный вывод относительно твоей области знания, к которому ты пришла и который происходит из твоего знания, из твоих исследований: ты говоришь об интуиции, об ощущениях… да что могут значить эти ощущения сейчас, когда все зашло так далеко? Похоже, ты стремишься скорее к определенному состоянию, как люди, которые влюблены в любовь.

Черт возьми, как сурово.

Только, пожалуйста, не сердись, я сказал это безо всякого злого умысла. Более того, я нарочно преувеличиваю, так что не воспринимай все буквально.

А если на самом деле я хочу поехать, чтобы посмотреть, что из этого получится?

Что я должен тебе ответить? Разочарование не исключено. На самом деле все не смертельно, но ты не задумывалась о том, как будешь себя

чувствовать, когда вернешься?

Разумеется. Вот потому у меня и проблема.

Думаю, у тебя их даже две.

Две?

С одной стороны, твои, как ты выразилась, мечтания, а с другой — твоя проблема с семьей.

Вчера моя проблема с семьей вовсе не казалась тебе проблемой.

Теперь я думаю иначе.

О господи, не усложняй мне жизнь еще больше — она и без того достаточно сложна.

Нет, правда, давай уж разберемся с твоей семьей, согласна?

У меня ощущение, что ты снова меня запутываешь.

Снова?

Знаешь, иногда все это напоминает мне о прежних временах, когда ты забалтывал меня, чтобы затащить в постель.

Гм, упрек из глубины времен.

Просто ассоциация идей.

Нет, ты только посмотри, какая же ты вредная — по-женски вредная. Нет-нет, погоди! Не прикрывайся своим полом! Эта манера уводить разговор в сторону, чтобы пустить отравленную стрелу, несвойственна честному бою лицом к

лицу.

Ах, так, значит, это бой? Теперь мне все понятно.

Сколько бы ты ни уводила разговор в сторону, ты не выведешь меня из себя. Разве ты не из тех, кто якобы предпочитает правду, даже если эта правда причиняет боль? Дорогая, подумай о последствиях и держись, призови на помощь свой характер, который, судя по всему, у тебя есть, если ты собираешься ринуться в эту английскую авантюру. Сознайся, тебе пришлось не по вкусу то, что я сказал, но не нужно защищаться с помощью отвлекающих маневров. Если ты собираешься защищаться, предупреждаю тебя: я не нападаю, у меня нет ни малейшего желания или намерения нападать на тебя, и я хочу, чтобы ты это хорошо поняла. А не нападаю я *именно* потому, что это не бой. Прими какое-нибудь решение, и исходя из него мы или продолжим наш разговор, или сменим тему.

Вот видишь? Видишь, как ты забалтываешь меня? Теперь выходит, что это я должна просить у тебя прощения, и плюс к тому я еще больше разнервничалась.

А вот этого не надо. Наш разговор снова возвращается в русло дружеской беседы. Послушай,

постарайся хоть немного доверять мне, ведь ты приехала именно поэтому. Мы не можем позволить, чтобы эта встреча потеряла смысл — и ради нас с тобой, и ради того, что тебя привело сюда. На самом деле ведь это именно твоей проблеме я обязан удовольствием видеть тебя, и потому, если как следует подумать, пожалуй, мне следует подходить к ней менее сурово. Правда, взглядов своих я не изменю, но вот отношение к тебе — да. Видишь, я убедил себя и обещаю тебя любить.

Эх, мне бы твою легкость, твою убежденность в собственной правоте! Но, увы, у меня их нет, о чем я горько сожалею.

Ладно, давай подумаем, как раздобыть тебе стипендию для развития твоего таланта.

А он есть у меня? Я уже задавала тебе этот вопрос.

Да, есть. Не знаю, к тому ли делу, в котором ты хочешь его использовать, но есть.

А здесь, скажи, для чего он мне здесь?

Здесь? Не надо говорить о «здесь», об этой стране, так, словно это дикая пустыня. Не надо так категорично.

Если бы я не видела, что это говоришь ты, ни за что бы не поверила. Или ты меняешься, когда говоришь об этой проблеме со мной. Ты всегда был

яростным — куда яростнее меня — обличителем университета этой страны, и это ты, а не я, покинул его на следующий же день после окончания определенного законом срока, и только ради того, чтобы уехать сюда, в северную деревушку, и запереться в четырех стенах, потому что ты больше ни во что не веришь. А теперь ты говоришь мне: не надо так категорично… Я только не понимаю, с чего это ты так взъелся на Армстронга и на весь мой план. Ты что, ревнуешь?

Кто — я? Что за чушь. Я не имею никакого права ревновать тебя, а потому и не могу делать этого. Для того чтобы возникла ревность, нужна ситуация, способная заставить человека ее испытывать. Подскажи, каким образом все это может касаться меня, который уже много лет общается с тобой только посредством писем.

Вот я и говорю — не понимаю.

Но чего именно ты не понимаешь?

Я не понимаю, почему ты выпускаешь когти каждый раз, как мы заговариваем о моем плане уехать в Англию.

На самом деле, не знай я тебя, я сказал бы, что у тебя извращенное мышление. Мне плевать на твою Англию, на твоего Армстронга и вообще на все. Оно интересует меня лишь в той степени, в

какой меня интересуешь ты, и я думаю о том, что лучше всего для тебя. А о том, что лучше всего для тебя, я думаю потому, что ты сама попросила меня об этом. Это понятно? Мы уже можем вернуться к твоему таланту? Мы разберемся с ним и спокойно продолжим наш разговор.

Хорошо, согласна. Согласна. Давай вернемся к моему таланту.

Так почему ты сомневаешься в нем?

Потому что… Да потому, черт побери, что у меня нет ни времени, ни средств использовать его!

Значит, нужно найти деньги. Деньги есть и в университете, и вне его. Сейчас в обществе больше уважения к культуре, чем в прежние времена.

Не думаю, сеньор Умник, что кто-нибудь здесь даст хоть одну монетку для того, чтобы я углубила свои познания в английской литературе. Похоже, расстояние размягчило тебе мозг.

Все дело в том, что ты не хитрая.

Нет. Все дело в том, что никто не будет платить за то, чтобы человек развивал свой талант. Если тебе повезло или если ты умеешь искать, тебе могут заплатить почти за все, что угодно. Но никогда, никогда ты не найдешь человека, который стал бы платить за то, что ты будешь развивать

свой талант. Никогда. Такого человека приходится искать где-нибудь на стороне. Именно так, на стороне, я и нашла свой шанс, и я знаю, что если сейчас упущу его, другого уже не будет.

Ну, если так, поезжай. Собирайся и поезжай. Но перестань колебаться. Ты похожа на скорпиона, который крутится вокруг себя.

Знаешь, мне этот образ не очень-то нравится.

На самом деле от тебя я скоро просто сойду с ума. Чего же ты хочешь тогда?

Откуда мне знать, чего я хочу!

Погоди. Успокойся. Давай закажем обед и будем продолжать.

Я вот сейчас подумала: ведь скорпионы крутятся вокруг себя и вонзают в себя свое жало, лишь когда оказываются в безвыходном положении. Я видела это в одном фильме: они там оказались в огненном кольце. Достаточно тяжелая сцена. А дети смотрели чуть ли не с восторгом.

Ну, к тебе эта сцена никак не относится, это же ясно.

Иногда мне приходит в голову: а может, и я тоже веду себя, как они? На самом деле я и правда словно потерянная. Как будто заблудилась.

Это уж точно, похоже, мы оба заблудились. Мне кажется, это потому, что мы уже не знаем

толком, о чем говорим. Ты сама не уверена в том, что собираешься сделать, не знаешь, что это тебе даст. Знаешь, у меня вдруг возникло ощущение, что тебе нравится просто сама эта идея рвануться куда-то, а потом ты расширила ситуацию, ища точку опоры: Армстронг существует, он обратился к тебе, и это помогает тебе уверовать в свою иллюзию, мечту, план — уж не знаю, как это теперь назвать. Однако напрашивается вопрос: не стоит ли за всем этим что-то еще? Нет ли такого, что вредит тебе или причиняет боль, а ты не можешь ничего поделать? И поэтому возникла эта идея — изменить жизнь, уехать, как способ дать выход чему-то, чего ты не понимаешь, не знаешь или не можешь назвать, но на самом деле именно оно лишает тебя покоя и вынуждает действовать? Это классическая проблема: ты не признаёшь угрозы, но знаешь, что она подстерегает тебя.

Да нет никакой угрозы; есть желание — очень ясное желание.

Да, тебе кажется, что это желание, но ты не можешь мне сформулировать его. В итоге то, что ты ищешь, столь же таинственно, сколь и твоя собственная потребность сделать что-то. Подумай: сделать что-то, сделать что-то. Ты нуждаешься в действии, потому что не можешь пребывать в

покое, ты не умеешь пребывать в покое. Так же бывает, когда мы говорим, что наше тело требует того-то и того-то. Тело почти никогда ничего у нас не требует: это мы сами заселяем собственное тело разными потребностями, которые на самом деле представляют собой что-то вроде эмоциональной разрядки. Это разрядка, высвобождение энергии, которую мы в меру своих возможностей направляем в то или иное русло. На похоронах она выливается в душераздирающие рыдания, но в какой-либо жизненной ситуации, в которой сходятся концы многих нитей, много энергетических терминалов, впадающих в единый поток, всё, что похоже на проект, план, открытое пространство, превращается в резервуар, вбирающий всю эту бесконтрольную энергию. Тогда мы становимся способны дойти до любых высот самоотвержения или героизма, но при этом, как обычно и происходит с героями, почти всегда совершаем необдуманные поступки. Герои — это безумцы, которым повезло. У них тоже были ясное желание и подходящая цель, но тем не менее именно затемнение сознания и слепая сила порождали решение, которое вело их к славе — столь же пустой и суетной, сколь восхваляемо было их героическое деяние. В наши дни, когда

от богов осталось только воспоминание, бродящее среди теней памяти, люди изгоняют страх иррациональными действиями, ближайшими эмоциями. Это один из способов не думать. Потому что думать страшно.

Но это не обо мне.

В чем-то — нет, а в чем-то — да. Полагаю, ты много раздумывала над своей ситуацией, но как бы по кругу: у тебя круговое мышление. Ты завязла. Никакого прогресса не наблюдается, потому ты и не знаешь, что делать. И твой ум не понимает.

Герои еще и подавали пример.

Древние — да.

Мне кажется, что я сама — древность…

Но весьма саркастичная за обедом, как я погляжу. Но, в общем, это было неплохо, и в ответ мне хочется сделать тебе одну уступку. Вот сейчас, когда я говорил о том, что тебе поздновато пришло в голову пуститься в путь к этой своего рода тотальной авантюре, я вдруг вспомнил о Канте. Я вспомнил об одном вопросе, который много раз задавал себе. Стоп! Не обольщайся, я не собираюсь сравнивать тебя с Кантом[20].

---

[20] Примечания: 20

Иммануил Кант (1724–1804) — немецкий философ и ученый, родоначальник немецкой классической философии.

Да я не стала бы ждать этого, даже если бы заслуживала.

Это хорошо. В общем, как я уже сказал, я вспомнил о вопросе, который всегда со мной, потому что мне не удается найти ответа, который убедил бы меня. Подумай о Канте: кенигсбергский профессор, такой домосед, что никогда не выезжал из своего города, представитель чистейшего рационализма, приверженец традиций, прусский профессор-консерватор, которому вроде бы следовало повторять своим ученикам раз и навсегда заученное… И вдруг — что, черт побери, приходит в голову этому человеку? Что производит в нем такое внутреннее потрясение, что в пятьдесят шесть лет — в пятьдесят шесть лет! — он садится и пишет «Критику чистого разума»? И не останавливается на этом: далее следуют девять блистательных лет, в которые написаны «Критика практического разума» и «Критика способности суждения». Вся философия изменилась начиная с него; Гегель и Конт[21] немыслимы без него, почти всё, чему мы научились с тех пор, невозможно без него, без этого профессора

[21] Примечания: 21

Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770–1831) — немецкий философ. Огюст Конт (1798–1857) — французский философ, один из основоположников позитивизма.

— казалось бы, солидного рутинера. Для меня величайшую тайну философии составляет то, что произошло в этой голове. Разумеется, я не принимаю в расчет разные труды, объясняющие его переориентацию чьим-то влиянием: Беркли, Хьюма, Руссо[22]... всё это неважно, сотни профессоров испытали то же самое влияние и даже глазом не моргнули или же осудили его. Эта голова, голова почти старика, эта голова, которая в таком возрасте поднимается и испытывает нечто такое, что разрывает познание пополам — вот чем я одержим, вот что неотступно преследует меня. Эта голова — у меня такой нет. В общем, вся эта тирада произнесена ради того, чтобы сказать что-то хорошее о тебе. Кто знает — может, и твоя голова поднимется так же гордо, кто знает — может, ты стоишь на пороге того, что должна совершить? Так преобразить человека может только желание. Но желание чего, чего?

Пожалуй, ты еще никогда не был так галантен со мной.

Это потому, что я разгорячился. История Канта всегда выводит меня из равновесия.

---

[22] Примечания: 22

Джордж Беркли (1685–1753) — ирландский епископ и философ. Дэвид Хьюм (1711–1776) — английский философ и историк. Жан-Жак Руссо (1712–1778) — французский писатель и философ.

Нет уж, прошу тебя, побудь таким еще немножко, дай мне понаслаждаться этим хотя бы еще несколько минут.

Я только хотел сказать, что, может быть, я не тот человек, с которым тебе следовало бы поговорить. Но это ничего не значит. Главное — что ты, педагог традиционного толка, не желаешь оставаться только им — и это хорошо, даже если пока это всего лишь намерение, — и что ты подвизаешься в университете, который может оценить только твою посредственность, но никак не твой талант.

А посмотрел бы ты на моих нынешних студентов!

Гм, думаю, они мало чем отличаются от моих. Несколько талантливых ребят, а все остальное — безликая и бесцветная масса. Может, чем больше народу, тем больше талантов, но и только-то. Сами корни нашего образования прогнили. Эта страна перешла от довоенной неграмотности к послевоенной интеллектуальной нищете. Она отдала не только образование, но и само понятие нации в руки церкви. А за это приходится платить.

Представь, как-то раз недавно, во время занятий, я обнаружила, что один из студентов не

знает, что такое теократия. Я обнаружила это в тот момент, когда что-то ему говорила, — по его реакции на то, что я говорила, а не потому, что он задал мне вопрос, то есть испытал сомнение или любопытство. Я уверена, что сам он никогда не задал бы его без такого повода: в лучшем случае засунул бы это слово в какой-нибудь из уголков памяти, а скорее всего и даже наверняка — забыл бы его, едва оказавшись за порогом аудитории. Какой вывод ты можешь сделать из этого? Лично я в тот момент сделала такой: по логике вещей, он наверняка не знает и значения слова «иерархия». А теперь скажи мне, до какого уровня мне нужно отступить назад, чтобы начать учить этого парня? Начать учить его всему тому, что необходимо, чтобы приблизиться к понятиям и представлениям, которые в университете являются основными… то есть заново начать со школьного курса. Интересно, что делал это парень в школе? Чему его учили? А один мой коллега, преподаватель истории искусств, обнаружил, что читает курс по испанской живописи студентам, которые толком не знают, кто такой Иисус Христос. Курс по испанской живописи! Как тебе это нравится? По живописи, насквозь пропитанной религиозностью… Пожалуй, этому

бедняге следовало бы начать с элементарной христианской иконографии. Вот в каких условиях — и ты сам прекрасно это знаешь — приходится работать преподавателю в этой стране. Я говорю только о наших профессиональных интересах потому, что мало знакома с проблемами медицины и научно-исследовательской работы. Думаю, тебе не слишком трудно понять, что мои надежды на то, что я буду получать удовлетворение от своей работы в университете, почти равны нулю. Ты по крайней мере еще находил таких людей, как я, которые интересовались всем, что попадало в поле их зрения, и старались это понять. А ко мне приходят только люди едва образованные, едва воспитанные и не интересующиеся ничем. Поэтому возможность заниматься тем, что тебя интересует, стала в наше время единственным способом не погибнуть. Поэтому я и хочу уехать отсюда. Это нетрудно понять, правда?

Но ведь ты привязана: ты испросишь академический отпуск, но будешь и дальше поддерживать связи со столь ненавидимым тобою испанским университетом.

Конечно! А ты против? Разве ты сам не живешь на свою пенсию? Не знаю, какой подвох скрыт в твоем замечании. Надеюсь, ты не станешь

спрашивать меня, почему я, вся такая храбрая и решительная, не рву все связи.

Именно этот вопрос я и собирался тебе задать.

Потому же, почему и ты. Потому, что сейчас тяжелые времена для таких людей, как мы с тобой, потому, что снаружи холодно, а внутри, в доме, еще можно кое-как выдержать. И что же? Мое нынешнее место я заработала сама, своим трудом, и не собираюсь от него отказываться не только ради себя самой — в конце концов, для меня оно не так уж и важно, — но и ради своей семьи. Бывают связи, которые нельзя разорвать, если ты не безумец или не эгоист. Порвать с университетом — это зависит не только от меня, это зависит и от моих дочерей, и от моего мужа.

Ну, так не уезжай — и конец проблеме.

Ты прав. Это неправда. Это неправда.

Кроме того, твой муж сам неплохо зарабатывает.

Пожалуйста, не надо сарказма. Скажи честно: тебе интересно то, что я рассказываю, или ты просто ждешь случая подколоть меня побольнее?

Нет, нет. Мне очень интересно. Просто в ходе разговора у меня вдруг возникают сомнения, и я их высказываю, но у меня и в мыслях нет подкалывать тебя. Это… это что-то вроде профес-

сиональной деформации мышления.

Мне сейчас не до деформаций — мне необходимо как раз нечто формирующее.

Короче, твоя жизнь в университете лишена смысла.

Лишена стимулов.

Признаю, что приглашение Армстронга как нельзя более кстати. С этой точки зрения действительно единственная проблема, которая остается нерешенной, — твоя семья, что делать с твоей семьей. Все остальное решено — правда решено.

Что-то я не поняла.

Мы свели число проблем к минимуму. По-моему, это шаг вперед.

Какой же ты…

Я? Какой?

Я начинаю думать, что ты не способен мне помочь. Что в тебе так сильно желание командовать и быть правым, что ты даже сейчас предпочитаешь вести себя как светило, как профессор, а не как друг. Ты… ты меня не уважаешь, это так, и в этом все дело. Это тяжко признавать, но это правда. Вот великий учитель, который так заботится о своих ученицах, защищает их и напитывает духом мудрости. По-моему, до тебя так и не дошло, что мы уже выросли и что это должно было

бы превратить тебя в настоящего учителя, а не в того Дон Жуана, каким ты был прежде, и не в того сварливого старика, каким ты стал сейчас.

В тебя я вложил немало мудрости.

Я начинаю думать, что это я выцарапала ее у тебя, пока ты обхаживал меня так же, как и других.

Я ничего не стану отрицать, мне все равно, я соглашусь с чем угодно, потому что все это смертельно скучно. Но не надо передергивать: я всегда высоко ценил и до сих пор ценю твои умственные способности. И тебе это отлично известно.

А какое мне сейчас до этого дело?

Слушай, ты будешь взбрыкивать каждый раз, как я вкладываю перст в твою рану? По-моему, это и есть самое главное. По-моему, это и есть ключ к твоим проблемам: твои интеллектуальные способности.

Что с тобой? Ты больше ничего не хочешь?

Я не голодна.

Это соматическая реакция.

Да что бы это ни было. Мне не хочется есть, и всё.

Дождь перестал.

Вижу.

Это все не так просто. Такой день, как сегодня,

и вдруг погода начинает разгуливаться… это бодрит и придает сил. Обычно такого не бывает. Такой серый, мрачный, упрямый день обычно не дарит погожего вечера.

Об этом пока и речи нет — просто дождь перестал.

Это лишь начало. Скоро мало-помалу начнет проступать светлое пятно, и это затянутое тучами небо начнет обретать прозрачность. И внезапно — раз! — луч света пробьет слой туч, и они всего за несколько минут разбегутся в стороны и растают. Вот увидишь, это великолепное зрелище.

Отлично. Я хотела бы выпить кофе.

Сейчас.

А может, бросим все это?

Да что ты говоришь! Ты хочешь снова отступить?

Я начинаю думать, что так будет лучше. Зря я решила приехать к тебе.

Какое ужасное утверждение.

Я ехала не к тебе… я ехала, чтобы рассказать тебе эту историю… или что бы это ни было.

Да ни за что на свете! Как раз когда мы вступили на самый верный путь, начали хоть что-то различать…

Различать? Что мы начали различать? Все

вокруг темно и слепо, нигде не пройти… единственное, к чему я пришла с твоей бесценной помощью, — это к самой черной темноте. Что мы можем различить? Что все стало еще чернее?

Ай, ай, ай. Не нужно быть такой импульсивной, и не нужно давить на меня. Свет родится из тьмы, разве ты не читала Библию?

Нет, никогда.

Что ж, тогда доверься мне, я ее читал. Библия — Книга книг, это говорит тебе твой бывший педагог, твой исповедник, твой соучастник. Как же ты можешь колебаться сейчас?

Слушай, я в полном отчаянии, а самое главное — я очень устала, мой мозг устал. Давай бросим все это.

Нет и еще раз нет.

Как бы ты ни старался, тебе не удастся… для того чтобы продолжать, нужно участие обоих.

В таком случае, ты меня принуждаешь к жесткой игре.

А разве ты когда-нибудь играл иначе?

Много раз, дорогая. У меня вдруг возникло ощущение, что это не ты, а совсем другой человек, который отдаляется от меня — так, как собираешься сделать ты. Но если жизнь идет как ей заблагорассудится, то у нас, людей, все по-дру-

гому. Раз совершенные действия не пропадают втуне. Ты здесь, и тебе не удастся убежать, пока я не приведу тебя туда, куда тебе самой хочется прийти. И можешь не сомневаться — так оно и будет.

Да что это с тобой? Ты мне угрожаешь?

В некотором смысле — да.

А вот я считаю, что приехала не к тому человеку. Ты действительно учил меня многому, и я действительно многому научилась у тебя. Однако теперь это все в прошлом. Честно говоря, по-моему, все мнения, которые ты высказываешь, принадлежат прошлому — они заблудились в нем. Тебе нечего сказать мне о том, что я тебе рассказала, и ты стараешься замаскировать это при помощи словоблудия, а в результате все становится еще более темным и смутным. Что мне стало ясно? Ничего, ровным счетом ничего. Ты не понимаешь, в чем моя проблема, и не знаешь, как к ней подойти. Все это — просто трюк, чтобы выиграть время. А главное — ты уже давно не учитель мне. Разумеется, я поняла это только сейчас, а не тогда, когда собиралась сюда ехать. Думаю, ошибка заключается вот в чем: ты принял мой приезд за паломничество к святыне, а я ехала просто повидаться с другом, с человеком,

которого я уважаю — вот и всё.

А я, напротив, вижу только человека, бесконечно повторяющегося, да еще и уклоняющегося от цели, потому что он не пожелал услышать тех слов, которые заранее предполагал услышать.

Ты считаешь, что я способна приехать сюда ради этого?

Я считаю, что ты не подумала об этом и потому сейчас столкнулась с тем, с чем столкнулась, и тебе это не нравится. Но я рискую говорить то, что вижу, а вижу я ясно — гораздо яснее, чем ты можешь предположить. Ты осмелишься выслушать все до конца? Потому что, вопреки тому, что ты думаешь, у меня есть ясные представления на этот счет. И они совершенно не в пользу той позиции, которую ты выстроила для себя.

Я ничего не строила, не обдумывала заранее никакой позиции, неужели ты этого не понимаешь?

А тогда почему ты избегаешь говорить о настоящей проблеме?

О настоящей проблеме? И какова, по-твоему, эта настоящая проблема?

Твой брак и твои интеллектуальные способности.

Что? Да ты с ума сошел.

Это они, твои интеллектуальные способности, твой ум, включившись, высветили твое желание найти для себя наилучшее применение, но вместе с тем, к сожалению, и то, насколько ничтожны твой брак и твой муж.

Послушай, неужели… да нет, не может быть, чтобы ты говорил это всерьез.

Но кто может поверить, что все эти хитросплетения, вся твоя английская авантюра имеют какое-то отношение к призванию? Что тобою движет любовь к профессии? Да ни за что на свете! Это просто бегство вперед, затеянное, чтобы не вникать в суть дела. Ты мне сказала, что счастлива, а я не поверил. Почему? Очень просто: потому, что не ощутил в твоих словах никакого счастья. Счастье всегда видно, дорогая, видно невооруженным глазом, потому что это простое чувство — дорогое и редкое, но простое. А тебя счастье как будто подавляет, ты не наслаждаешься им. Что же это тогда за счастье, можно узнать?

Оно такое, какое есть.

Хорошая фраза. Возможно, это счастье убьет тебя.

Я скажу тебе нечто очень важное для меня: я хочу быть счастливой, но не хочу быть рабой своего счастья.

Ты уже уступила мне почти во всем, хотя не знаю, понимаешь ли ты это.

Я сказала тебе правду, которой тебе тоже не понять.

Пожалуйста, не надо указывать мне направление. Я знаю, к чему ты клонишь.

Нет. Ты не знаешь — и не узнаешь никогда, потому что… До меня только что дошло: ты приехал в эти места умирать, и ты умираешь.

Может быть, но тебе не повезло: ты нашла меня еще живым.

Лучше бы я нашла тебя мертвым.

Это вполне здоровая обида. Она понадобится тебе, чтобы залечить свои раны.

Так, значит, тебе хочется, чтобы я умер.

Почему ты перебрался сюда?

Я тебе уже говорил, разве нет? А вот скажи-ка, почему это я умираю?

Хотелось бы мне знать, почему ты приехал сюда.

Не старайся.

Просто иногда я чувствую, что ты остался далеко позади, как будто замкнулся в своих пороках. Что случилось? Что произошло?

Пороки — в моем возрасте?

Пороки мышления. У меня ощущение, будто

все, что ты говоришь, принадлежит прошлому, другой эпохе. Зачем ты мне это рассказываешь?

Полагаю, я и сейчас мыслю ничуть не хуже, чем прежде. Только, может, теперь я не ищу нарочно, чем бы осложнить себе жизнь. То, что приходит само, приходит само. Мне больше не нужно оправдываться, не нужно притворяться. С чего ты взяла, что я отстал, остался позади? Честное слово, мне хотелось бы знать это.

Ты приехал в эту деревушку, где нет ничего, кроме коров, и в конце концов сам начал думать, как корова.

Не опускайся до такого примитива, прошу тебя, говорить такие вещи недостойно тебя.

Ты умираешь, я говорю тебе это вполне серьезно.

Если ты не обоснуешь это…

Ты не понимаешь, что я это знаю, ведь правда, не понимаешь? Ты не понимаешь, что я могу это видеть и что мне это доказывать не нужно, правда?

Я не верю, что подобные вещи можно ощущать.

А стоило бы верить.

Я верю, но только в применении к таким областям, где это реально.

Да что ты знаешь об ощущениях!

Ну, ладно, допустим, но откуда ты взяла, что я умираю? Мне хотелось бы это знать.

Слушай, не знаю, я очень устала. Думаю, я вздремну после обеда.

Неплохая идея. Я тоже вымотался.

Тогда желаю хорошо отдохнуть.

И тебе тоже. Надеюсь, после отдыха дело у нас пойдет лучше.

Наверняка.

Я тоже этого хочу.

Ты здесь?

Ты же пошла спать.

Я не могу уснуть. А ты почему не пошел спать?

Допивал рюмку.

Врешь! Ты налил себе еще.

Да. И что же?

Ты прав.

Что?

Ты прав. Дело в моем браке.

Конечно. Ты знала это еще до приезда сюда.

Ради бога, не будь таким совершенством, дай мне хоть какую-нибудь возможность выбора.

Я вовсе не совершенство. Прости, я лишь использую то, что заметил с самого начала.

А это правда было так заметно?

В какой-то момент я сказал себе: все дело в том, что она умнее его, и вот наконец это привело к кризису. Она только что поняла это, но еще не вполне, еще не смирилась с этим. Я увидел это так ясно, что сначала не осмеливался поверить, но это так. Это решающий фактор в жизни любой пары. Уже никогда не будет так, как было, с этим приходится столкнуться и принять новое положение вещей. На это уходит весь остаток жизни. Один из наиболее героических моментов в жизни простого смертного. Вот это и мучает тебя. Это основная причина. И, что хуже всего, ты сама отчетливо видишь, что это значит.

Но это так тяжело…

Знаю. Но больше ничего не могу тебе сказать. Мне хотелось бы сказать что-нибудь такое, от чего тебе полегчало бы, но не могу, мне ничего не приходит в голову.

И вся история сводится к этому?

Пожалуйста, не спрашивай.

Но я должна спросить у кого-то. Я умираю от горя и боли.

Я не могу помочь тебе. Не могу.

И что же мне теперь делать?

Не знаю. Не знаю.

Но ведь все рушится! Я прошу тебя!

Я никогда не годился для таких вещей. Мне очень жаль.

Не надо сожалеть! Помоги мне!

Я не могу ничего сделать для тебя. Прости.

Не можешь или не смеешь? Хотя это уже не имеет значения. И, слушай, на самом деле ты прав. Это мое дело. Свои дела — это свои дела, даже если они раздавят тебя в лепешку. Не знаю, почему я так низко пала, что стала просить тебя о чем-то. Я так и не повзрослела. Ты опять прав.

Не плачь. Пожалуйста.

Я плачу, потому что мне хочется плакать. Плачу о себе, о своей глупости, потому, что жизнь такая, как она есть, потому, что по-другому быть не может, понимаешь? Потому, что по-другому быть не может.

4

Просто поразительно. Я имею в виду твою способность спать.

Мою способность?.. Ах да, кажется, я заснул, прости.

Да если бы весь мир летел в тартарары, ты и то устроил бы себе сиесту.

Да ладно, ладно. Не извиняйся, это и правда было время сиесты.

Время сиесты? Боже мой! Но ведь уже ночь!

Успокойся, до ночи еще далеко. Сейчас шесть часов. Просто свет ушел из места, где ты поселился. Ты что, ничего не помнишь?

Когда сплю, я не помню ничего.

Ладно, просыпайся, приходи в себя. Я пойду приготовлю чай.

Шесть часов вечера?

Да, шесть. Разве прежде с тобой такого никогда не случалось?

Мне хочется этого чаю.

Тогда постарайся опять не уснуть, пока я его принесу.

Послушай…

Что?

Ты в порядке?

Нет. Мне очень плохо. Спасибо.

Знаешь, ты сделал мне больно.

Я знаю.

Ты сделал мне очень больно.

Я причинил тебе только ту боль, которой хотела ты сама. Не больше.

Нет. Ты ошибаешься. Я не имела в виду ту боль, которой хотела сама. Не беспокойся, я вполне держу себя в руках. Я даже благодарна тебе за откровенность. Но я много думала и пришла к выводу, что ты причинял мне эту боль нарочно.

Да я ни за что на свете…

Ты отомстил мне за себя. И это грызет меня больше всего.

Послушай…

Ты меня глубоко разочаровал.

Но… что ты говоришь?

С самого моего приезда ты знал, что происходит, и предпочел подождать, пока я сама не додумаюсь до этого.

Да. Потому что ты должна была прийти к этому сама. Ты сама.

Да, но ты делал мне больно. Ты не ожидал, что я додумаюсь. Ты делал мне больно. Ты хотел, чтобы

я заплатила за свои ошибки; ты заставил меня заплатить за них. Причем заставил, пользуясь тем, что я верила тебе. Ты с самого начала направлял наш разговор. Ты снова попытался быть со мной Богом, как всегда, как ты делал всегда. На дружбу тебе плевать. Ты должен быть превыше всех, ты должен быть учителем. В тебе не было искренности: было высокомерие. Высокомерие, которое, надеюсь, когда-нибудь причинит тебе такую же боль, какую ты причинил мне, — даже несмотря на то, что ты укрылся здесь, в этом богом забытом местечке.

Я не думал, что перегибаю палку.

Ой, не говори чепухи. Теперь выходит, что учитель не сознавал, что держит в руках розги, так, что ли? Ты просто извращенец, честное слово.

А при чем здесь учитель?

При том, что ты мне больше не нужен — вот при чем.

Я больше не нужен даже самому себе, дорогая.

А вот это меня уже не касается. Я говорю только, что ожидала от тебя другого — другого отношения и другой помощи.

Я помог тебе, хотя тебе это и не по вкусу: никому не нравится оказаться голым королем. А что касается отношения… в данных обстоятельствах,

пойми, я мог проявлять к тебе только уважение. Любая другая попытка сближения была бы неуместна. Отношение! Гм…

Послушай, не будь смешным. Я говорю тебе правду: ты все больше заблуждаешься и отстаешь от жизни. Ты, наверное, думаешь, что я до сих пор только и мечтаю о том, как бы провести ночь с тобой.

Ну, ты могла хотя бы намекнуть мне вчера… Я был бы просто счастлив.

Как же вы, мужчины, умеете валить в одну кучу самые разные вещи… честное слово, не знаю, откуда это у вас, но оно прямо-таки впечатано в каждого каленым железом, будто клеймо.

Послушай, давай-ка забудем обо всем этом деле. Время у нас есть: хорошая прогулка, хороший ужин, целая ночь впереди. Ты даже можешь остаться еще на денек, ты же наверняка можешь. Ведь твой благоверный в любом случае подумает что-нибудь плохое.

Мой благоверный не знает, что я здесь, с тобой: он знает только, что я уехала, чтобы на свободе поразмыслить и принять решение. Так что уж сделай одолжение, не вмешивай его в это.

То есть для него ты уехала к подруге…

Нет. Я уехала одна. И всё. И это действительно

правда.

Очень хорошо, договорились. Вижу, ты вполне независима. И мне это нравится.

Мы с тобой ни о чем не договаривались, не бери на себя слишком много.

Хорошо, хорошо. Я не собираюсь спорить с тобой. А что касается твоего дела, так оно уже закрыто, и не будем больше о нем говорить, согласна?

А зачем нам еще о нем говорить? Разве ты уже не сделал свое дело?

Ты ужасно зла.

Да нет. В первый момент — да, я разозлилась, но теперь я знаю, что это не злость. Это нечто совсем другое, о чем, думаю, тебе знать ни к чему.

Великолепно. Вот это называется — сила духа. Пошли?

Согласна. Пошли.

Я испытываю приятное ощущение, что окончательно отделалась от тебя как от учителя и наставника — помнишь, так говорили прежде.

Надеюсь, это еще не окончательное решение. Сейчас ты свободнее, чем несколько часов назад. Реальность для тебя выглядит более безоблачной или, во всяком случае, более ясной. А ясность воодушевляет всегда, даже в худших, чем у тебя,

обстоятельствах. Или ты чувствуешь себя настолько сильной, что решила впредь обходиться без моего знания человеческой природы? Тогда это еще более позитивно, поскольку еще более усиливает твое «я».

А ты, как я погляжу, оживился.

А ты — нет?

С одной стороны — да, с другой — нет.

Давай будем говорить о «да»: думаю, это в большей степени относится ко мне.

Давай будем говорить о «нет» — ведь теперь ты мне больше не нужен.

Хорошо. Я формально ухожу в отставку с поста учителя. В сущности, если подумать, когда-то это должно было кончиться. Оно и лучше. Теперь мы — просто двое людей, которые уважают и ценят друг друга.

Что я буду делать, когда вернусь в Мадрид?

Мне пришло в голову вот какое решение: не возвращайся, пока не будешь этого знать. Здесь хорошее место. Послушай, милая, дай времени возможность поработать, не пришпоривай себя: вечно эта спешка, вечно это рвение. В этом ты не изменилась ни в лучшую, ни в худшую сторону.

А в чем-нибудь, по-твоему, я изменилась в лучшую сторону?

Конечно, да, и ты даже не знаешь, до какой степени.

Да, понятно. А в чем еще?

Ну, полагаю, что и во многом другом тоже. И ты все так же умна.

Да, очень, ты уже в этом убедился.

Могу сказать, что далеко не каждый способен видеть свои проблемы так, как видишь ты.

Наверное, я мазохистка. Ты был прав, когда сказал, что я умнее своего мужа. И я правда умнее. Не думай, что это меня радует, или что мне это приятно, или что из-за этого я чувствую себя выше. Напротив, я чувствую себя так, что хуже некуда, потому что в наши дни и в нашем мире хорошего решения у этого дела быть не может.

Нужно врачевать, нанося раны, ты же знаешь.

Да не будь же ты таким тупицей! Ты думаешь, я мучилась бы, если бы все сводилось только к разводу? Временами кажется, что ты вообще ничего не понимаешь, что у тебя в голове вдруг погасли все лампочки. Я сказала, что я счастлива со своей семьей, со всей своей семьей, и это чистая правда. Вот именно это и делает положение таким ужасным, ты, дубовая башка! Я его люблю — по-своему, но очень люблю, и все же эта любовь — моя, а не его, — в которой присутствует еще и огромная

доля благодарности, мало-помалу превращается во что-то такое, что меня душит. Я не перестала любить его, и у меня нет ни малейшего желания разлучаться с моими девочками или разлучать с ними его. Ты что, не понимаешь? Как поступают в таких случаях? Что делать, когда любить человека, от которого, кроме всего прочего, у тебя две любимые дочери, означает принимать жизнь, которая подавляет тебя как личность? Чет, не говори ничего, я не хочу знать твое мнение. Я просто думаю вслух. Вот и всё.

Я действительно вел себя как тупица.

Послушай, не говори глупостей — ты же знаешь, я просто несдержанна на язык.

Похоже, мы попали из огня да в полымя.

Издевайся, издевайся.

Никаких издевок. Я просто имел в виду, что мы наконец дошли до сути, а там уж посмотрим, к чему все это приведет. Не буду делать замечаний, которые, знаю, могут причинить тебе боль, но, думаю, я с самого начала ждал чего-то подобного. Все шло к тому. Проблемы в итоге всегда оказываются на дне того тайного колодца, в который мы на протяжении всей жизни сбрасываем свой балласт, думая, что швыряем его за борт.

Теперь ты говоришь только об одной проблеме.

Я поняла: ты думаешь, что моя заинтересованность в этой поездке и работе с Армстронгом — это последствие… или, хуже того, ширма.

А разве это не так?

Какое-то время назад я согласилась бы с этим. Но теперь — нет.

В этом есть своя логика.

Да. Это первое, что пришло бы в голову кому угодно. Вот потому я и думаю, что это не так.

Гм. Какое значение имеет это теперь?

Как это — какое значение?

Видишь ли, по-моему, в данный момент это отступает на второй план.

Нет. Нет. Это самое главное. Если ты этого не понимаешь, всему нашему разговору грош цена.

Если ты предпочитаешь, чтобы это было так, пусть будет так; но в таком случае я мало что могу добавить — разве только то, что ты ошибаешься. Твой брак — ты объяснила это очень хорошо — сейчас в состоянии кризиса, и единственным решением является прекращение совместной жизни. Необходимость подталкивает тебя, а привычная любовь привязывает. И тут появление Армстронга оказывается таким же своевременным, как сигнал о помощи в момент какого-нибудь несчастья. Ни больше ни меньше.

Это ставит предложение Армстронга на должное место. Оно подоспело весьма кстати, чтобы помочь тебе принять чрезвычайно тяжелое решение. Более того, рассматривая все с такой точки зрения, хотя и вопреки своему общему мнению, я почти готов сказать тебе: поезжай. Но только если ты не обманываешь себя и не придаешь предложению Армстронга больше значения, чем оно имеет. Это просто золотой шанс для того, чтобы сделать первый шаг к принятию весьма болезненного решения. Просто знак судьбы, разве нет?

Ты не понимаешь меня, не понимаешь.

Я прекрасно тебя понимаю.

В этой игре на карту поставлен не мой брак, а моя жизнь. Она движется вперед, как бы толкая перед собой мои личные отношения, и это целиком и полностью отражается на мне. Но главное в этой связке — моя жизнь. Не будь так, я не поняла бы, что мои отношения с Маркосом проваливаются под тяжестью собственного веса, потому что моя жизнь сильнее этих отношений, потому что он больше не может — или не хочет — тянуться за мной, да и я больше не могу требовать от него этого, какие бы ни были у него на то причины. Вот я сказала тебе это, а ты не хочешь

понять, тогда как мне все так ясно, так очевидно… именно благодаря своему желанию продолжать, идти дальше я понимаю, что я… не знаю, не знаю, как тебе объяснить.

Ты уже сказала: ты умнее его. И твой талант мешает тебе продолжать жить с ним.

Не будь таким жестоким, прошу тебя, не будь таким дикарем. То, как ты это выразил, настолько ужасно, что я не могу этого вынести. Не могу вынести. Честное слово, мне даже стало страшно.

И почему же это тебя так пугает?

Мне страшно, конечно, страшно.

Уверен, ты знаешь, почему.

Знаю? Что я знаю?

Я это понимаю, как понял бы любой умный человек на моем месте. Это трудно принять, но не понять; спроси себя, почему ты не желаешь это понять.

Я же не такая, как ты. Ты даже не представляешь себе, насколько трудно бывает с тобой иногда. Не доводи меня до сумасшествия. Неужели в тебе нет ни капли сострадания?

К кому? К нему? К тебе, разумеется, нет. Сильные духом не нуждаются в сострадании. Сострадание — мелкое чувство. А меня интересуют только чувства великие: любовь, ненависть, месть, желание

власти или знания… Вот в них жизнь действительно достигает своих предельных высот и бьет через край. Там, где царят великие страсти, нет места для мелких чувств — таких, как сострадание или милосердие.

А моя жизнь — разве она не дошла до своего последнего предела?

Вот именно! Вот сейчас ты действительно приближаешься к величию. Так не своди все к вопросу о продолжении учебы. Живи!

Жаль, что ты больше не мой учитель.

Тогда давай покончим с нашими отношениями. Сейчас как раз настал подходящий момент.

С нашими отношениями — вот сейчас мне это стало ясно — покончено уже давно. Чего я не понимаю — так это твоей довольной улыбки. Ты — как астронавт, который вышел из космического корабля, чтобы что-то исправить, от этого исправления зависит дальнейшая судьба корабля, и вот, когда ему удалось сделать все как следует, трос, связывающий его с кораблем, рвется; он плывет в бесконечной пустоте и, удаляясь в вечность, улыбается и машет руками застывшему от ужаса экипажу. Ты удаляешься с каждой минутой — и радуешься этому, но я не понимаю, почему.

В этой сцене, если мне не изменяет память, он сам отцепляется от троса, и неизвестно, что это: акт великодушия, потому что кислорода не хватит на всех, или что-то вроде опьянения космосом, похожее на то, что овладевает ныряльщиками, когда они опускаются ниже определенной глубины.

Значит, тебе же хуже.

Уже почти ночь. Пора домой.

Мне не хочется запираться в четырех стенах. Не могу. Давай вернемся, я захвачу куртку и пойду прогуляться.

Тогда я с тобой.

Послушай. Я думаю, что этот разговор слишком глубоко вонзился в мою жизнь для того, чтобы мы могли продолжать, не причиняя боли себе и друг другу, а у меня нет никакого желания делать это. Не думаю, что ты можешь помочь мне, а это единственное, что мне нужно. Мне нужна даже не помощь — скорее, наверное, сочувствие, утешение… что-то в этом роде; а ты для этого не годишься, потому что ты будешь продолжать вкладывать перст в рану, ты не можешь без этого, страсть превозмогает в тебе здравый ум. Страсть, разумеется, извращенная. В общем, ты уже помог мне, чем мог: взял в клеши и выдавил из меня

всю правду, уж это ты умеешь как никто. Точно так же действует и клизма; ты и есть клизма, а когда желаемый эффект достигнут, о ней забывают. Так что до следующего раза, сеньор Клизма, ты истерзал мне желудок, но это было полезно. Теперь я буду понемножку приходить в себя, а когда смогу что-нибудь проглотить, я поем. Одна, это уж точно. Одна.

Как жаль. Именно сейчас, когда мы только начинаем узнавать друг друга…

Ты никогда не снимешь свою маску?

Никогда.

Ты это сделаешь. Ты, наверное, уже делал это, но, разумеется, я не понимала. В общем, не знаю. Что будет со мной? Я предпочитаю не думать об этом. Сейчас мне действительно хотелось бы, чтобы ночь не кончалась и чтобы подольше не наступал тот час, когда мне придется вернуться, влача на плечах тяжкий груз истины. Вот видишь, к чему приводит желание понять? Эх, быть бы мне дурой — полной, абсолютной дурой! Я была бы счастлива.

Не говори таких вещей.

Тупая и счастливая — представь себе картинку.

Прибереги для кого-нибудь другого тот номер,

который ты собралась показать. Я — не твоя публика.

Я и правда иногда думаю об этом: отказаться бы от своего ума…

Нужно быть совсем уж глупым, чтобы спутать счастье с глупостью.

Это ты хорошо сказал. Но послушай, неужели ты не дашь мне передохнуть? У всех в жизни иногда бывает безумная ночь.

О-о, если ты готова на безумную ночь, я в твоем полном распоряжении.

Опять?! Боюсь, у тебя целый день бродили в голове эти шальные мысли. Уж я-то тебя знаю, и ты совсем не изменился.

У всех нас есть свои слабости, чего же ты хочешь?

Но ведь это ужасно, правда?

Что именно?

Когда счастье путают с чем-то еще. Это мне напомнило об одном бродяге, которого я вижу время от времени возле своего дома. Тебе тоже наверняка приходилось видеть таких, они обычно сидят прямо на тротуаре: почерневшие от грязи, с омерзительными босыми, исцарапанными ногами, на голове — какой-то ужас, похожий на клочья звериной шерсти. Я вижу, как он сидит, вытянув

ноги поперек тротуара и поставив между ними пакет с вином: голова свешена на грудь, руки мотаются в воздухе, как у агонизирующего танцора… и мне становится так грустно и так жалко его, что просто жить не хочется. Но если подойти к нему поближе, слышно, как он напевает себе под нос. Я как-то раз подошла, чтобы бросить ему несколько монет: в конце концов, пусть у него будет хотя бы на вино. Так вот, он напевал, и, услышав это, я поняла, что он счастлив — пусть он в каком-то другом, своем мире, но он счастлив. Почти каждый день он бывает счастливее меня — он, который наливается вином, сидя на тротуаре, а мне плохо. Скажи откровенно: разве это не жестоко?

Я что-то не уловлю твою мысль. Моя не понимать.

Ты все понимаешь, ты прекрасно все понимаешь, просто то, что я говорю, кажется тебе глупостью, и, вероятно, ты прав. Но в жизни тоже сколько угодно глупого, а многим может показаться глупым то, что ты сидишь здесь, теряя время, заброшенный всеми, и тем не менее ты доволен и счастлив. Прямо как тот вечно пьяный бродяга. Ему я даю на вино — тебе бы, конечно, не дала, — а к тебе вот приехала… из эгоизма,

потому что необходимо, мне было необходимо выговориться, а в Мадриде, представь себе, поговорить было не с кем. Ну, в общем, конечно, всегда есть кто-то, но я знала, что мне хочется приехать к тебе. Я что-то совсем запуталась, да? Но бродяга сидит там. Хотя сегодня, наверное, нет. Это и правда любопытно: в выходные его почему-то не видно возле моего дома. Точно, я только сейчас поняла: он бывает только по рабочим дням. Слушай, а может, он еще счастливее, чем мы думаем?

Ты ведь не оставишь меня в покое, правда?

Сегодня ночью — нет.

И что это значит? Что завтра оставишь?

Ты прекрасно знаешь, что это значит.

Почему некоторые вещи всегда повторяются совершенно одинаково?

Потому, что мы их одинаково желаем.

А когда нет?

Простые и естественные вещи всегда происходят так. Ну, все, помолчи.

Ладно, ладно. Сдаюсь.

Вот так, с такой улыбкой?

Я не умею улыбаться по-другому.

В этом твоя слабость.

Она всегда была в этом.

Ты меня не слышишь, ведь правда, Фаусто? Да, ты уже меня не слышишь. Это ночь — безмолвие тела. А душа в это время странствует и отдыхает. Что же делаешь ты, моя душа, в этот час, чего ждешь, пока проходит ночь? Я знаю, ты не отдыхаешь в этом бодрствующем теле. Но я не хочу спать, нет, не хочу. Кто может спать, когда на карту поставлена его жизнь? Вся моя жизнь в этой ночи, и я неспокойна, это несчастливая встреча. Однако это несчастье, эта беда, питающая мою тревогу, пришло вместе с ночью, и оно так же приятно мне, как сама ночь. А правда, какое странное ощущение. Одновременно и боль, и целительный бальзам. Поэтому я говорю с тобой, моя душа, так спокойно и умиротворенно, ибо нахожу изысканное удовольствие в этой беседе с тобой посреди ночи. Словно боль не оставляет на нас отметин — никакая боль, даже та, что не дает нам уснуть этой ночью. Все это напоминает мне детские сказки, где мир существует сам по себе, все происходит в пространстве, которое распахивается и сворачивается в нашем воображении, оно принадлежит нам, и мы счастливы этим, но в него неизбежно вторгается действительность, как ночь без сна, как двенадцать ударов часов в сказке о Золушке. Скажи, что будет со мной, когда

рассветет? Сейчас я окутана миром и покоем, странным, драгоценным, но срок ему отмерен. Потом меня ждет беда, и я не хочу ее, мне хочется сделать что-то, чтобы отдалить ее, но я не знаю, что. Я не боюсь ее, но если я не придумаю, как с ней быть, она пожрет меня, она будет глодать меня, пока не останутся только голые кости, пока не останешься ты, моя душа, обнаженная, беззащитная. Что будет со мной, как ты думаешь? Но сейчас отчаяние кажется мне также проявлением спокойствия, возможно, оттого, что одиночество, в которое мы погружены, окутывает нас, подобно покрову, вместо того чтобы взорвать нас, как хорошо, что я с тобой, милая душа моя, как хорошо, что ты со мной в этой печали и тоске. Потому что я ищу только цели, и эта цель — не распылить, не растерять себя. Да, именно этого я хочу. Этого я хочу среди своего смятения. Жизнь надо заслужить, и это единственное, о чем я не могу забыть посреди всей этой неразберихи, потому что забыть об этом значило бы забыть о себе самой и о тебе, а, в конце концов, ты — единственное, что у меня есть. Потеряв тебя, я потеряю и себя, а если я потеряю себя, зачем, чего ради жить? Я помню, как ты покинула меня, оставив меня в моем теле, и я подумала, что умерла, как мой бедный мальчик,

но твое возвращение, душа моя, стало лучшей встречей на свете, и, может быть, именно тогда я поняла, что жить возможно только с тобой и что это самое главное в моем существовании. Поэтому я знаю, что это моя жизнь, а не мой брак, поставлена сейчас на карту, и все-таки я боялась за него, за мой рухнувший брак, пока не поняла, что рушится не он, а моя жизнь; поэтому я знаю, как необходимы мне, для того чтобы идти вперед, китсовские истина и красота. А ты знаешь, что мой бывший учитель не верит в меня? И он не понимает, как мне больно принимать решение, которое я вынуждена принять. Для него констатация закрывает дело. Твой муж, говорит он, не так умен, как ты, и это нарушает равновесие внутри вашей пары. Я так этого боялась, я только сейчас понимаю, как я этого боялась… так что, быть может, для меня явилось облегчением, что я могу произнести это вслух, бросить свет на эту неясную тень, — облегчением, хотя именно из-за этого я и не сплю. И потом, мы с тобой уже столько времени не разговаривали вот так, наедине! Но сознание того, что идти вперед на самом деле означает порвать с тем, кто тоже дает мне счастье, открыло мне одну истину, которую можно познать, только если ты живешь: что всякое сча-

стье рождается из боли, как ребенок рождается из боли матери, и что оно всегда помечено болью. Кто знает, может, счастье вообще невозможно без страдания, а? Я не хочу растерять себя, душа моя, и я чувствую, что ты рада слышать это. Сейчас я должна решить, настолько ли сильна моя любовь к истине и красоте, как я это чувствую, или же это просто обман, за которым я пытаюсь скрыть собственную хрупкость. Я снова объята сомнениями. Не безумная ли это затея? А может, это просто иллюзия того, что я есть, само желание быть ослепляет меня, отрывает от моей семьи, а потом, заведя меня в какое-нибудь чужое, враждебное место, покинет меня, окажется ничем, пустой мечтой, голым, лишенным какой бы то ни было плоти желанием, скелетом, громко хохочущим при виде моего разочарования и моей немощи? Этот страх леденит меня, но мне уже больше не у кого просить совета. А тем временем ночь проходит, скоро придет свет и озарит мир и мою трепещущую надежду. У меня больше нет выбора, потому что определенность, подобно свету, прогнала тени из моей жизни, и теперь я знаю; как бы я ни поступила, я знаю; и то, что я увидела, простирается, как земля в дневном свете: оно огромно и необъятно, сама его огромность пуга-

ет, но нужно либо жить в ней, либо похоронить себя. Рассеяв обман, я выступила на свет и теперь уже не могу избежать знания. Подобно Кортесу, я сожгла свои корабли. Желала ли я сделать это? Сделала ли бы я это, если бы сознавала, что этим обрекаю себя? Может быть, и нет, но в этом и заключается жизнь. Знай я это уже, как я могла бы стать лучше? Это великий вопрос, ибо заслужить самое себя означает углубиться в неизвестное. Мой бывший учитель не сумел бы открыть мне этой истины, душа моя, но я сама сказала себе это, и, возможно, это мой следующий шаг по пути красоты и истины.

5

Прекрасный день, чистый, прозрачный. Надеюсь, тебе по душе эта перемена погоды. Ты уже позавтракала? Ты хорошо спала?

Честно говоря, я не очень-то отдохнула, спасибо.

А я, напротив, спал, как малое дитя, но когда проснулся, мне стало грустно без тебя. Ты ушла спать сюда, в гостиную? Жаль, что не вернулась. Так приятно просыпаться вместе…

Я предпочла перебраться в эту каморку, которую ты называешь спальней для гостей: не хотелось будить тебя. Ты спал, как младенец, сладко и со спокойной совестью, так что я решила не нарушать твой покой.

А что могло обеспокоить мою совесть? Или ты имела в виду свою? Только не говори, что тебе плохо. А-а, вижу, вижу — твоя совесть неспокойна, *ma belle*[23].

Нет, мне не плохо. А что касается твоего замечания, позволь сказать тебе, что, откровенно говоря, оно не отличается ни тактом, ни тонко-

---

[23] Примечания: 23
Моя красавица *(фр.)*.

стью чувств.

Тактичность, чувство меры, воспитание — зачем говорить об этой сейчас?

Затем, что это приятные вещи. Уважение к чувствам, забота, внимание… эти вещи делают жизнь приятной, разве ты этого не знал?

Если тебе не понравилось такое начало, я могу выйти, снова войти и начать разговор по-другому. Ну что, сделать это?

Пожалуйста.

Bonjour tout le monde![24]

А-а, дорогая, ты здесь? Прекрасный день, не правда ли? Прекрасные дни следуют за прекрасными ночами. Ты уже завтракала?

Да ты просто хулиган.

Ну, я не буду больше переигрывать эту сцену, потому что голоден, а чтобы проснуться окончательно, мне требуется запах тостов.

Думаю, пока ты завтракаешь, я пойду прогуляюсь поблизости.

Ты оставишь меня в одиночестве? Сегодня?

Ты дашь мне возможность делать то, чего хочу я?

Самое лучшее, что ты можешь надумать, — это

---

[24] Примечания: 24
Добрый день всем! *(фр.).*

остаться еще на денек, потому, что ты можешь это сделать, а еще потому, что после стольких дискуссий и стольких проблем тебе будет как нельзя более кстати день полного расслабления. Все это время ты была очень напряжена — не знаю, насколько ты сама это ощущала, — из-за того, что тебе так не хотелось вытаскивать на свет божий суть твоей проблемы. Но сейчас все прояснилось. Нет, я имею в виду не решения, а ситуацию. А что касается решений… теперь это всего лишь решения, а не сомнения и не туман. Останься. Это пойдет на пользу твоему духу.

И твоему телу, верно?

Не надо разграничений, прошу тебя. Все смешалось воедино, и что же? В этом есть смысл.

Прости, я не хотела уязвлять тебя. Просто я думаю о других вещах. Нынче ночью, пока ты спал, я размышляла. Мне забавно слышать, что все решено. Ах, учитель, как же далеко ты ушел.

Я не трогался с места.

Ты прав. Это я ушла, а не ты.

Я говорю вполне серьезно: я просто не могу поверить, что ты снова начинаешь пережевывать то же самое.

Это не то, что ты думаешь. Это… просто не верится, что ты можешь настолько не понимать.

Решения принимают или очертя голову, или на основе определенных выводов. Во втором случае это тяжелее, потому что приходится принимать решение на ясную голову, а не впопыхах, когда тебя подталкивает настоятельная необходимость; а ясность мысли — это говорил ты сам, и, похоже, об этом забыл — это рана, которая не заживает никогда. Я умею переносить боль, но она страшит меня, она не нравится мне, да и никому. Даже Господь Бог в горькую ночь ожидания, перед тем как его схватили и распяли, взмолился: «Отче, если возможно, пронеси чашу сию мимо меня».

Кощунство.

Я не богиня, я всего лишь женщина; я не пытаюсь равняться с ним — я только констатирую, что мне тяжелее. Разве это кощунство? Мы, люди, не имеем того, что есть у богов, и потому принимаем сочувствие и сострадание. Но твоего сочувствия у меня нет, потому что сегодня ночью ты ослеп и больше не видишь меня.

Похоже, все рушится.

Для тебя.

Скажи мне, что ты собираешься делать?

Если бы я знала…

Мой совет: поезжай.

Забавно. Вчера я почти готова была поклясться,

что ты ревнуешь к Армстронгу.

Даже если и так.

Это что — великодушие?

Это логика.

Логика убивает тебя.

Нет, не меня; мне, дорогая, эта территория хорошо знакома. Она убивает тебя, потому что ты не умеешь ценить ее. Логика холодна, да, но императивна. Проблема заключается в том, что, когда она начинает говорить, одновременно она и принимает решение. И если тебе не хочется входить, ты пропала.

Но логика — только часть философии.

Не увиливай. Ты отлично знаешь, что ты имела в виду, сказав, что логика убивает меня. Логика как способ упорядочения жизни, логика как образ жизни, верно? Ты имела в виду мою жизнь, а не философию. Так вот, эта логика вошла и в твою жизнь. Теперь ты знаешь, что в любом случае твоя супружеская жизнь обречена. *В любом случае* — вот что говорит логика. И это тебя выводит из себя, потому что возможностей выбора только две: или ты принимаешь это, или обманываешь себя. Принять означает разорвать связь — по крайней мере, совместное существование; не принять означает предать себя обману, а по

этой дорожке ты будешь скользить все дальше и дальше. А теперь скажи мне, разве эта ситуация не убедительна, разве она не приводит тебя к необходимости сделать определенные Выводы? Сомнениям больше нет места. Дальше — только действие.

Ты сам тоже всегда решал свои проблемы таким путем?

А разве есть другой?

Я задала тебе вопрос.

Я всегда старался.

Видишь, как ты уклоняешься от ответа?

Я сказал, что всегда старался. Но в результатах — если ты сама этого не знаешь, скажу — всегда присутствует доля случайности.

Какой же ты умный. Я спрашиваю только, всегда ли ты принимал решения на основе того, что подсказывает логика.

Я старался.

Так принимал или нет, черт возьми?

Принимал.

Ты лжешь. В твоем поведении есть какая-то черная дыра, я чувствую это, я настолько уверена, что могла бы поспорить на что угодно. Впрочем, это не имеет значения. В любом случае решение — чисто волевой акт, а самое важное,

самое ужасное, самое отчаянное — принятие боли. Я спрашиваю себя, было ли хоть раз так, что, принимая решение, ты вместе с ним выбрал и принял боль. Ты чуть ли не требуешь, чтобы я спутала очевидность с забвением. «Если твой союз с мужем уже дал тебе все, что мог, и ты больше ничего не можешь от него получить, оставь его, забудь его». Однако годы нашей совместной жизни тоже чего-то стоят, имеют свой вес, не говоря уж о том, что от этого союза родились мои дочери. Похоже, для тебя все сводится только к тому, чтобы сбросить балласт… Я мало знаю о твоих отношениях с Сарой, но от вашего союза не родилось детей, а от моего они родились. Дети, желанные и любимые обоими, воспитанные за нашу совместную жизнь. Это годы тепла и взаимной привязанности, и их не сотрешь. Не сотрешь. Да, свет дает тебе возможность видеть, он даже может ослепить тебя, но он не спасает от страдания, не спасает от боли, которую предполагает ломка своей личной истории — даже не ломка, а разрушение, потому что иначе это зверство не назовешь. А ведь именно этого ты от меня чуть ли не требуешь — вот так, с места в карьер, как будто хочешь, чтобы я решила и забыла как можно скорее. До тебя не доходит, что

это рушится моя любовь и моя жизнь. Как я могу отказаться от всего этого? Оно здесь, во мне, а ты словно хочешь, чтобы я осталась наедине с собой. Разве это логично? Это зверски жестоко. И меня просто бесит, как холодно ты об этом думаешь и говоришь: просто бесит, и я ничего не могу с этим поделать. Откуда ты взялся? Где твои чувства, скажи мне? Может, ты просто не умеешь жить с ними?

Мне стыдно.

Ради бога, забудь хоть раз о себе. Для меня это сейчас не имеет значения. Какое мне дело до того, стыдишься ты или бредишь? Ты просто рвешь мои нервы в клочья.

Лучше я покину тебя. Пойду прогуляюсь.

Нет. Я не хочу, чтобы ты отнесся к этому так. Давай, пошли вместе.

Лучше побудь одна, приготовь себе чаю, посмотри в окно, уткнись лицом в колени… делай все то, что делаешь, когда тебе хорошо и уютно. Разве ты не видишь? Сейчас тебе не хочется даже смотреть на меня.

Хватит, хватит этого обволакивающего потока слов. Я просто сказала первое, что пришло в голову.

Потому что ты беспокоишься за меня — а вдруг я

где-нибудь по пути впаду в детство и заблужусь?

Ты меня насмешил.

Вот и отлично. Тогда я пошел, а ты тут посмейся вдоволь, расслабься, отдохни, а потом мы встретимся.

Но ведь я…

Послушайся моего совета. Послушайся, пожалуйста. Видишь, я сказал «пожалуйста». Договорились? Тс-с-с, не говори ничего. Я ухожу. Через час, на дороге к маяку. До свиданья. Не говори ничего. До свиданья.

Ну вот, теперь у тебя совсем другое лицо!

Ты так думаешь?

Ближе к полудню ты всегда бываешь красивее, чем с утра.

Да тебе-то откуда знать!

Разумеется, я говорю только об этих днях, что мы провели вместе. Тебе лучше?

Я же сказала — я в порядке. Но… да, нервы угомонились.

Спите, нервы, сладким сном и не просыпайтесь.

Ну и дубина же ты.

Послушай, я уже не в том возрасте, чтобы сносить подобные комментарии — разве только твердо зная, что это в шутку.

Думай что хочешь, дубина.

Ладно, я это заслужил.

Поднимемся на маяк?

Согласен.

Я решила уехать до обеда.

Прошу тебя, не говори мне таких вещей. И потом, пускаться в путь, не пообедав?

Я остановлюсь где-нибудь перекусить. Я не люблю водить машину на сытый желудок — меня начинает клонить в сон.

Но это же полный абсурд. Будет много машин. В воскресенье на дорогах всегда творится настоящий ужас. Разумнее тебе сегодня остаться, а уж завтра, то есть в понедельник, прямо с утра и уедешь, если захочешь.

Это ведь мне, а не тебе, придется ехать среди воскресного ужаса. А кроме того, в это время года обычно ездят гораздо меньше.

Как раз по воскресеньям бывает много поездок из провинции в провинцию — классические семейные визиты к родственникам. Так что тебе придется несладко, а уж особенно — при въезде в Мадрид.

Лучше мне вернуться сегодня.

Ладно. Все, что я сказал, правда, и для того, кому не нужно работать в понедельник, это вполне

логично, но сознаюсь: дело не в этом. Просто я хочу, чтобы ты осталась. Видишь, я честен: я очень этого хочу.

Я знаю.

Тогда подумай как следует. Подумай, пока мы не дошли до маяка. Большего я не прошу, и я не стану тебя удерживать. Вернее, нет: если ты все-таки будешь настаивать на отъезде, я постараюсь разубедить тебя, но идеальным способом — так, чтобы ты не ощущала, что тебя принуждают, и в то же время не смогла бы отказаться.

Это было бы прекрасно, но я хочу уехать.

До маяка. Туда и обратно. Если нет, мы простимся здесь.

Здесь? Но моя машина и все мои вещи у тебя. Ты же не заставишь меня идти за ними одной…

Это будет твоей карой. Я расстанусь с тобой здесь, на дороге к маяку, после того, как мы в последний раз пойдем и вернемся вместе. Я попрощаюсь с тобой с улыбкой в глазах и скорбно сжатым ртом.

Моя кара — это ты.

Видишь, маяк при дневном свете выглядит очень просто: это всего лишь механизм, как автомобиль, подъемный кран или какой-нибудь блок. Ночью же он становится таинственным

— он превращается в послание, в биение сердца, в предостережение.

Островок одиночества.

Это поэтическое видение: одинокий, нелюдимый смотритель, в штормовые дни оторванный от всего мира, странное, романтическое существо, выбравшее жизнь отшельника… он предупреждает об опасности, которой грозит берег, он ведет во тьме корабли, этот человек, существующий на границе между сушей и морем, и принято считать, что он владеет мудростью, порождаемой размышлениями в одиночестве. Это замечательный образ для разных стихов и поэм, однако в наши дни он стал просто механиком, а вскоре будет управлять — если уже не управляет — всем своим хозяйством, сидя за компьютером в своем комфортабельном, уютном доме, вдали от порывов ветра и ударов волн. Наше время не оставило места ни приключениям, ни поэзии: оно глубоко прозаично. Приключения отступают, воображение — всего лишь предохранитель, который время от времени перегорает, чтобы защитить от любой аварии нашу тупейшую реальность.

Ты похож на тех, кто мародерствует на развалинах.

Да что ты. Я не извлекаю из развалин никакой

добычи. Я смотрю, вижу и говорю себе: слава богу, что я никого не привел в этот мир и что он не оказался вынужден жить в нем — такого я не пожелал бы и своему злейшему врагу.

А я, напротив, привела в этот мир два существа — так же, как в свое время привели меня.

Тебя, как и меня, привели сюда просто по инерции.

А я своих дочерей — нет.

Потому, дорогая, что вы, женщины, способны зачинать жизнь. Мифология ассоциирует вас с землей.

Ты столько учился лишь для того, чтобы прийти к этому выводу?

Нет. Это очевидный факт. Заключение же означает приход к решению, что ты не хочешь производить на свет себе подобных, брать на себя ответственность за приход новых человеческих существ в этот бесчеловечный мир.

Это уже говорил Жан-Поль Сартр[25].

Который был довольно несимпатичным типом, но моей породы.

Твоей породы? Ну и шутник же ты.

Знаешь, давай оставим эту тему: я считаю

---

[25] Примечания: 25

Жан-Поль Сартр (1905–1980) — французский писатель, философ-экзистенциалист и публицист.

некорректным рассуждать об этом с человеком, у которого есть дети. Так вот, я рассказывал тебе о маяке: в наше время маяк днем — просто машина, но зато ночью по-прежнему превращается в тайну.

Да, но на этом мысу мы открыты морю… как бы это сказать… открыты всем своим существом — всем своим обнаженным существом. Море — тайна и днем, и ночью, и мы присели здесь, чтобы всмотреться в него. Как сказал Китс:

«Краса — где правда, правда — где краса!» —

Вот знанье всё и всё, что надо знать.

Видишь? Это единственное, что я чувствую, находясь здесь, и это прекрасно. Несмотря на все то, что сейчас давит на меня, несмотря на тревогу и тоску, пронизывающие меня всю, это кажется мне прекрасным и единственным. И с каждым моим вздохом оно снова и снова кажется мне единственным и прекрасным.

Это говорит твоя романтическая душа.

Нет. Поверь мне. В оде Китса есть такое, что, выходя из романтизма, сливается с современностью. Разве ты не видишь, что, в конце концов, он говорит нам о мимолетности, о скоротеч-

ности? Однако это не гениальная констатация Бодлера[26], когда он, ошеломленный и, пожалуй, даже зачарованный собственной дерзостью, интуитивно обнаруживает, что идея вечности для современного человека есть идея мгновенности: *O toi que j'eusse aimée, ô toi que le savais!*[27]

Позволь мне объяснить. Китс говорит о том, что красота и истина так же скоротечны, как и мы сами, но что нечто главное, существенное обновляется через эту скоротечность и что эта сущность тем не менее имеет смысл только для людей — мужчин и женщин, проходящих перед ними вечной чередой пусть даже мгновенно вспыхивающих жизней. Тебе этого не понять, потому что ты выпил стакан черного яда, но мои дочери поймут и подхватят это. Это делает нас такими же бессмертными, как те, кто проходит перед греческой вазой Китса.

Пустые слова!

Я задела тебя, да? В красоте творения Китса есть истинный путь. Он есть и у других великих поэтов, но для меня — прежде всего у Китса. Ты

---

[26] Примечания: 26

Шарль Бодлер (1821–1867) — французский поэт, предшественник французского символизма.

[27] Примечания: 27

О ты, кого я мог бы любить! О ты, которая это знала! *(фр.).*

не знаешь, сколько я размышляла, когда начала переводить его оды: не ради того, чтобы достичь совершенства перевода, ибо поэзия на самом деле непереводима, а оттого, что каждый новый вариант, который я предлагала сама себе, приносил с собой целый мир размышлений. Неисчерпаемый мир.

Боюсь, ты его исчерпаешь.

Нет. Так же, как я не могла бы вычерпать море, стоя на этом мысу. Море не только гипнотизирует, как и огонь: если впустить его в себя, оно может помочь освободить в твоей душе те же потоки, что правят им, ту же луну, что руководит его приливами и отливами. Это колыхание совершается так же неуклонно и неопределенно, как сама жизнь. Оно представляет саму жизнь, и оно способно распахнуть настежь твое тело и мозг. Только раскрыть их, не решая более ничего. Такова жизнь, друг мой. Такова жизнь.

И все же это огромное море наводит на меня еще и тоску.

Наверное, так же, как и вечность. Этот бескрайний простор некоторым образом дает нам слабое представление о вечности. Вечность — нечто такое, что мне крайне трудно себе представить. Думаю, это единственное понятие, наводящее на

меня тоску.

Гм… мне вроде бы послышалось что-то наподобие признания, продиктованного чувствами?

У всех нас есть чувства, дорогая моя.

Да, но скрывать свои чувства — это мужская формула храбрости.

Ах, так? А тогда какова же женская формула храбрости?

Женская формула — просто способность переносить боль.

Я не верю своим ушам.

Эта формула начинается с менструации и кончается родами. И там, и там — боль вполне реальная и одновременно символическая. Женщина, становясь женщиной, месяц за месяцем учится жить вместе с болью, и то, что она дает жизнь, также связано с болью.

Так было раньше. Теперь медицина всячески заботится о вас. В наши дни повседневность покончила со всеми подобными вещами. Она разрушила трагедию, разрушила эпику, разрушает драму и намеревается возвести на трон простоту. В один прекрасный день детей начнут производить на свет клонированием, и тогда мы скажем «прощай» и твоему мифическому образу

mater dolorosa[28].

До такого будущего я не доживу: доживут мои дочери, и они будут знать, что им делать, или просто им это подскажет время. Я говорю о том, что знаю.

Смотреть вдаль — составная часть интеллектуального честолюбия. Ты говоришь, что хочешь быть кем-то — кажется, так; в таком случае тебе бы следовало устремить взор твоих прекрасных глаз в будущее. А если нет, на что ты рассчитываешь?

Я не рассчитываю войти в историю — по-моему, я уже говорила тебе об этом. Более того, я думаю, что, если я стану лучше, еще далеко не аксиома, что я достигну славы и почестей благодаря моим исследованиям в области английского романтизма. Вчера я размышляла о том, что стать лучше — это примерно то же, что заслужить, заработать счастье. Это не то же самое, что счастье, но, возможно, в том факте, что ты его заработала, и заключается сущность счастья. И если все так, как я говорю, то быть лучше значит быть щедрым. Если я буду щедрой, то есть если буду действовать только потому, что от этого хорошо мне самой, и

---

[28] Примечания: 28
Матерь страдающая *(лат.).*

не буду ожидать никакой иной награды, только в этом случае я действительно буду чего-то стоить. Это возможно? Скажи мне, возможно?

А тебе не кажется, что это звучит немного эгоцентрично и несколько фальшиво?

У тебя нет детей, но, по-моему, ты и не размышлял об этом. А если бы чуть-чуть подумал, то понял бы, что в мире не бывает более безумного акта любви, чем совершают те, кто заводит детей. Я имею в виду родителей, делающих это сознательно, а не просто в результате бурной ночи, не из ужасного желания обеспечить свою старость, не из стремления иметь кого-то подвластного себе и не потому, что нет другого выхода… Не бывает более сумасшедшего акта любви, потому что… скажи мне, ты никогда не задумывался над тем, что ребенок — это нечто такое, к чему ты прикован сердцем, как цепью, до последнего дня своей жизни? И этот обет любви, которая превыше той, что ты отдаешь своему партнеру — а это, не будем забывать, любовь порождающая, — ты даешь существам, *судьба которых — отдалиться от тебя.* Есть ли на свете большее безумие?

С такой точки зрения все это выглядит мазохиз-

мом *en état pur*[29].

Для тебя это так. А по-моему, это самый щедрый и самоотверженный акт любви, который только может быть, и теми, кто сознает это и становится отцом или матерью, я восхищаюсь — от всего сердца и от всего ума.

Да, пары распадаются, потому что любовь умирает, а родительская любовь, похоже, не умирает никогда… кроме, разумеется, тех случаев, когда она умирает. Или когда ее не было вовсе? Да, в общем, это неважно. Я думаю вот о чем: не диктуется ли родительская любовь не столько издавна усвоенным кодексом поведения, сколько некими атавистическими принципами?

Мои дочери никогда не уйдут совсем, а мой брак дает мне пусть маленькое, но уютное счастье: во всяком случае, так я считала до последнего времени. Но, к сожалению, желая смотреть, ты вынуждаешь себя видеть. И тогда нужно действовать, а тебе и хочется, и не хочется делать это. Тебе нужно принять решение, а ты не знаешь, то ли остановиться тебе, то ли шагнуть вперед. Когда душа отдает приказ телу, оно повинуется немедля. Но когда душа отдает приказ самой

---

[29] Примечания: 29
В чистом виде *(фр.)*.

себе, она сопротивляется ему. Это и есть узел проблемы. И все-таки, что касается моих девочек, я снова зачала бы их. И тут я задаю себе вопрос: если я способна зачать их, почему же я не смогу зачать самое себя?

Какая путаница, *ma belle,* какая путаница. Помнишь то правило: в философии нельзя перескакивать с логического порядка на онтологический? Так вот ты, в общем-то, сейчас сделала весьма похожий скачок.

Я не понимаю почему.

А кроме того, из твоего бредового заключения можно сделать вывод, что твое стремление стать светилом в области английского романтизма отходит на второй план.

Что? А-а, ты об этом… Да. Собственно, я сейчас говорила не об этом, но раз уж ты напомнил, то — да. Я-то имела в виду, что все дело в щедрости, а щедрым нужно быть прежде всего с самим собой.

Мне это напоминает о том, что, согласно христианской доктрине, милосердие должно начинаться с самого себя, то есть своя рубашка ближе к телу.

Я не говорю о милосердии. Церковь всегда превозносит малые добродетели — милосер-

дие, благотворение… но не приемлет сильных страстей.

Это совершенно безосновательно. И это говорю тебе я — закоренелый атеист.

Именно поэтому ты в конце всех концов и потребуешь соборования.

Что ж. Если это будет так, ты это увидишь, когда наступит срок.

А быть щедрым с самим собой прежде и превыше всего означает: не быть эгоистом. Таким, как ты, который всегда ухитряется свести любой разговор к разговору о своей персоне.

Время идет. Ты по-прежнему твердо намерена уехать?

Да. Думаю, что да.

Ты оставляешь меня безутешным.

Я знаю, и мне жаль. Но сейчас мне нужно на самом деле побыть одной.

Одной? Ты же возвращаешься в Мадрид.

Я говорю тебе о состоянии души; не знаю, о чем ты там думаешь, ну, не можешь же ты быть таким тупицей. Я несу в себе нечто такое, что сейчас пока еще слишком мощно для меня, поэтому мне и требуется одиночество.

Здесь одиночества сколько угодно.

Но здесь ты. Не обижайся, но ты вносишь воз-

мущение. А мне нужно побыть наедине с самой собой.

В Мадриде?

Господи, какой же ты зануда. Что я буду делать в Мадриде, с Мадридом или без Мадрида, тебя никак не касается.

Я знаю, ты уедешь в Англию. Я слишком хорошо знаю тебя.

Нет, ты меня больше не знаешь, даже если тебе это и не по вкусу.

Не по вкусу? Забавно. Ну да ладно. Обещай мне по крайней мере, что не оборвешь нашу переписку, даже если отправишься в страну Китса. Ты же знаешь, у меня нездоровые интересы, а это дело весьма привлекает меня, вот я и хочу знать, чем оно кончится.

Ты уже это решил. Все твое нездоровье — чистое тщеславие. Ты будешь в восторге, если на поверку все окажется так, как ты думаешь: мой отъезд — это бегство вперед. Тебе всегда безумно нравилось быть правым, иметь возможность сказать: говорил я тебе… Ты просто жить без этого не можешь. Теперь я думаю, что это происходит, когда человек соглашается войти в твой круг, где ты устанавливаешь нормы и можешь руководить судьбами людей, принимающих этот

комплекс норм за полное и замкнутое видение мира. Но мир и реальность необъятны, и пытаться управлять ими — все равно что воздвигать ворота посреди поля.

Мне и в голову бы не пришло претендовать на нечто подобное. Не думаю, что ты говоришь это всерьез — разве только считаешь, что я превратился в полного идиота, а если так, тем хуже для тебя.

Я знаю, в твоей голове никогда не могла бы родиться идея, что реальность можно взнуздать, но ведешь ты себя так, будто это возможно. В этом и заключается разница. Потому что ты не стараешься стать лучше, да, думаю, никогда и не старался, и это позволяет тебе жить таким вот двойственным образом; может, тебе хотелось стать *самым* лучшим, да, это как раз возможно. Может быть, под тем, как ты живешь, словно бы проходя мимо всего и надо всем, глядя на все свысока, есть бездонный, полный до краев колодец тщеславия, из которого ты пьешь; но ты никогда не желал стать лучше — ты только желал других. Может, ты причинял вред, много вреда, многим людям, приходившим к тебе за знанием, и, уча их, ты забирал у них душу. Ты никогда не задумывался об этом?

Признаюсь: мне хотелось бы забрать твою душу.

Сейчас? Зачем?

Не знаю, что сказать. Просто мне бы этого хотелось.

Я начинаю думать, что ты всегда был таким — всегда старался завладеть человеком: стремление завладеть, замаскированное под блеск. Я говорю «блеск», потому что у блеска есть особое свойство — он ослепляет. Может, и ты ловишь людей так же, как ловят насекомых, привлекая их светом.

Да, это и есть мой метод, ты раскрыла мой секрет. Однако с тобой мне это не удалось.

Послушай… вот я сейчас вспомнила… ту историю, что ты рассказывал мне, — ту, о твоем друге.

О моем друге?

Да, о том, у которого жена покончила с собой.

А-а, да, верно.

Насколько я помню, ты сказал: твой друг обнаружил, что его жена неумна.

Так оно и было.

И — поправь меня, если я ошибаюсь, — все, что случилось потом, весь этот сомнительный договор шел оттуда, от того факта, что, обнаружив отсутствие ума у жены, он решил продолжать

совместную жизнь с ней, но только формально.

Не совсем так: он решил продолжать совместную жизнь без всякого намека на любовь.

Да все равно. Почему он это сделал?

Нет. По-моему, это не все равно.

Ладно, пусть так. Но все же — почему, зачем он это сделал?

А как еще он мог поступить? Расстаться с ней?

Ну, например, расстаться.

Это означало бы подписать ей смертный приговор.

Нет. Это он так считал — точно так же, как считал, что жена принадлежит ему. А если бы она не покончила с собой?

Ну, об этом тебе лучше было бы спросить у него. К чему ты клонишь?

А я спрашиваю тебя.

Ответа нет.

Ты рассказал мне эту историю в качестве некоего примера, в связи с моей собственной дилеммой. Какое отношение все это имеет ко мне?

Вот я сейчас думаю… пожалуй, никакого.

Я тоже так считаю: абсолютно никакого.

Отлично; значит, мы пришли к согласию.

Конечно, ты говорил, что я не хочу признавать, хотя на самом деле я и не задумывалась об этом,

того факта, что я умнее своего мужа — это действительно так, и я говорю об этом открыто, хотя и с болью, — что я скрываю это от самой себя и что рано или поздно это выйдет наружу.

Я, в общем-то, имел в виду, что рано или поздно это серьезно повлияет на твою жизнь и что знать или не знать об этом — не одно и то же. Если человек знает, его способность противостоять невзгодам гораздо больше, чем если он не знает, потому что во втором случае бывает непонятно, откуда пришла беда.

Разумеется, но и в этом случае он не беззащитен. Может даже случится, что именно беда заставляет его увидеть свет и, как это ни парадоксально, помогает черпать силы в слабости. Ты же говоришь так, словно возможно должным образом противостоять бедам, только если человек способен предвидеть их, словно отбить атаку можно, лишь когда ожидаешь ее, а не когда она случается внезапно. Почему ты так боишься неожиданных ударов? Потому что, по-твоему, в подобной ситуации ты беззащитен?

Дорогая, я закоренелый рационалист, человек, верующий в анализ как в форму познания. Предвидение меня не интересует, поскольку оно — нечто вроде спасительного заклинания, кото-

рое читают для того, чтобы то или иное событие произошло лишь как логический результат анализа, проникновения мозга в тайны жизни.

Я думаю, что проникнуть в тайну не означает ее разгадать: это означает только проникнуть в нее.

Поправка. Пойми меня: в сложности жизни.

Ты можешь поправлять, сколько тебе будет угодно. Ты сам произнес слово «тайна».

Это значит, что я говорю все хуже и хуже. Вероятно, таково следствие изоляции, в которой ты меня упрекаешь с самого приезда.

Ты всегда ускользаешь, как угорь.

Пожалуйста, не утомляй меня. Сейчас мне совершенно не хочется дискутировать.

Я снова думаю об этой истории.

О какой?

О той, что ты мне рассказывал, — о твоем друге.

Ты опять за свое?

Прости. Она не выходит у меня из головы. Я снова думаю о ней, потому что она кажется мне историей о стремлении к обладанию, а ведь ты рассказал мне ее с тем, чтобы она послужила мне неким примером, с тем, чтобы я поразмыслила над ней. Вот этим я и занимаюсь, видишь? И чем

больше я размышляю, тем больше она сбивает меня с толку. Все это время она сидит у меня внутри: это похоже на несварение желудка, знаешь, когда ощущаешь в нем нечто инородное, от чего стремишься избавиться как можно скорее, чтобы наступило облегчение.

Но тебе не нужно ни от чего избавляться.

Нет, нужно. Думаю, мне это просто необходимо.

Смотри-ка, опять все затянуло тучами.

Этот отблеск на поверхности моря… он внушает страх, но и волнует.

Это свет, *ma belle*, грозный свет.

Но в нем есть красота.

А истина?

Не смейся надо мной. В нем есть красота — красота суровая, как в серебряном клинке.

Не смотри на него больше.

Истина тоже иногда бывает такого же цвета. Это свет, рассекший полотнище тучи. Ты понимаешь? Полоса цвета стали посреди темного моря, рана в море.

Она очень быстро затянется.

Что — рана?

Просвет в туче. Свет уходит.

Но сейчас ведь не полдень. Как странно…

Свет вернется вместе с дождем. Я не раз видел такое. А нам нужно бы поспешить, а то он застанет нас здесь, и мы здорово промокнем.

Почему бы нам не остаться?

Вместе?

Нет. Здесь. И переждать дождь.

Ты не знаешь, о чем говоришь.

Я хочу видеть, как закроется эта рана. Смотри, она бледнеет, становится уже… полоса превратилась в узкую черту.

Подними голову. Приближается настоящий потоп.

Нет. Он должен прийти со стороны моря. Он придет с моря сюда, к нам.

Давай-ка поспешим.

Дождь уже приближается к черте.

Он накроет нас, а маяк заперт. Мы не успеем спрятаться. Можешь мне поверить: на нас идет просто стена воды, и в пять минут мы промокнем до костей.

Это похоже на туманную завесу. Рана сейчас закроется. Смотри: свет ушел. Разрыв в тучах исчез. Там только дождь, и он движется сюда. Это так прекрасно. Я уже давно не видела ничего подобного…

Пойдем, скорее.

Подожди. Еще одну минутку. Подожди. Ты ощущаешь запах дождя?

Нет. Я ощущаю дождь. Вот уже и первые капли. Беги. Беги!

Я уже бегу! Как же это прекрасно! Красота и истина, Фаусто, истина и красота!

Уф, какой сильный дождь.

Видела бы ты себя со стороны, когда бежала: ты была похожа на сумасшедшую, особенно когда совершала эти истерические прыжки.

Да что ты говоришь! Не путай радость с истерикой. О господи, как же ты здесь живешь! Неужели тебе не показались чудесным этот ливень, эта ярость, такая чистая, такая полная? Нет ничего лучше, чем бегать под дождем, когда он такой, как сейчас, я делала это в Овьедо, еще девчонкой, а моя мать… знаешь, она реагировала точно так же, как ты. Правда, забавно?

Это ужасно, педантично и абсолютно по-детски.

То, что делала я? Или моя мать?

Ты не хочешь пойти обсушиться? Или нет, лучше прими душ, горячий душ, если не хочешь умереть от пневмонии. Иди ты первая, прошу. А может… знаешь, мне тут пришло в голову… может, мы пойдем вместе?

Не вздумай. Даже близко не подходи.

Тогда поторопись.

Бедный, ты насквозь промок.

Теперь понимаешь? А ты — видела бы ты себя.

Хорошо. Я сейчас, всего минутку. Потом переоденусь и соберу чемодан.

Подай мне хотя бы махровый халат.

Как кстати мы промокли. Вот уж воистину подарок судьбы: ты же не можешь уехать, пока не высохнешь, а мы, дорогая, промокли так, что на это у тебя уйдет весь день и ночь.

Не обольщайся. У меня в машине есть обогреватель.

Работающий обогреватель разрежает воздух, водитель от этого тупеет, и езда становится опасной: не успеешь один раз клюнуть носом, как окажешься где-нибудь в кювете.

Я уезжаю сейчас же, не занудствуй.

Но ты ведь вся дрожишь…

Не настаивай. И не порти все еще больше. Пожалуйста.

А разве что-то испорчено? Ведь все хорошо.

Ладно, забудь.

Нет уж, скажи мне: что испорчено?

Послушай, я не останусь, ты понял? А сейчас оставь меня в покое. Все пришло к тому, к чему

пришло; значит, все хорошо. И давай бросим все так, как есть.

Я люблю проникать в самую глубь вещей, и именно поэтому мне очень неприятно утверждение, что я якобы порчу или уже испортил все. Что конкретно я порчу, ты можешь объяснить?

Все. Все. Почему все должно заканчиваться вот так?

Значит, мы снова вернулись к тому, с чего начинали. Все твои слова насчет ясности, к которой мы пришли, были ложью. Ты что, любишь лгать?

Все мы лжем. И ты тоже лжешь.

Разумеется. Иногда приходится лгать, чтобы иметь возможность сказать правду.

Тебе приходилось так поступать?

Да, конечно, да. Я поступал так всегда, когда это было необходимо.

Наконец-то хоть что-то прояснилось.

И что же для тебя прояснилось?

Ты поступил так же и со мной, верно?

Не знаю, что ты имеешь в виду.

Твою ложь.

Я лгал тебе? Что за чушь.

Я права. Ты не ищешь истины — ты стремишься завладеть чем-то, что тебе необходимо, чтобы чув-

ствовать себя сильным. Стремишься завладеть нашими душами — душами тех, кто окружает тебя и восхищается тобой. Что ты делаешь здесь?

Здесь? Дай-ка подумать. Наверное, стремлюсь завладеть простыми деревенскими душами?

Ты живешь здесь, спрятавшись, как в норе, и я еще не знаю, почему, но ты не выдержал, когда я оказалось рядом. Я спрашиваю себя: чего ради я приехала, если тебе было наплевать на мою проблему? Она интересует тебя лишь в той степени, в какой касается тебя. Господи, как она может касаться тебя? Что ты хочешь отнять у меня?

Твою душу. И твое тело, но тело можно взять, отдать и взять снова.

Это правда. Тебе нужна моя душа. Поэтому тебя выводит из себя мое стремление быть лучше, иметь какой-то вес в этом мире, заслужить самое себя. Это ведь убивает тебя, верно?

Относительно.

Да, ты меня использовал. И ты лгал мне. Теперь я это понимаю.

Не злись. Когда ты злишься, то начинаешь повторяться и становишься жутко упрямой. Давай еще раз заключим мир на этой сложной встрече, которую мы с тобой проводим, договорились?

В этой истории с твоим другом было что-то

не так.

В какой? А-а, в той, что я тебе рассказал.

Не делай вид, что ты такой рассеянный. Да, в той истории, что ты мне рассказал. В истории о человеке с иссушенным сердцем — помнишь эту великолепную фразу?

Ты собираешься потянуть за нож, торчащий в ране. Я знаю тебя. Не делай этого.

Помнишь, я сказала тебе, в чем недостаток этой истории? Она как будто оборвана, обрезана, не знаю, помнишь ли ты, но думаю, что да, потому что тогда ты обиделся.

Не продолжай. Зачем бередить старые раны?

Теперь ты хочешь передышки?

Нет. Я хочу забвения.

Да, не могу не признать: у тебя действительно высокий класс.

Тогда оставь, не надо — хотя бы ради этого, и я отпущу тебя. Я не буду настаивать, только провожу, и все.

Если бы… но это бесполезно, потому что мы оба знаем. Зачем тебе молчать?

Мне так нужно. Это все. Уезжай. Уезжай.

Опять ложь. Опять молчание. Я не желаю принимать его. Ты втравил меня во все это. И даже в эти два дня меня втравил ты. Когда душа устает,

ты отпускаешь ее, бросаешь в кипящий котел, как алые колдуны в старых сказках. Только я, наверное, упала не в котел, а мимо: думаю, несмотря ни на что, мне удалось не свариться заживо.

Пожалуйста, не говори глупостей. Я никогда не позволил бы тебе упасть в котел.

Теперь я не положила бы руку в огонь за то, что это правда, но, впрочем, не положила бы ее и ни за кого. Достаточно, что мне приходится сделать это за самое себя.

Не надо — даже ради себя. Не делай глупостей.

Глупость иногда накатывает на меня, но только временно. На самом деле, может, я и предпочла бы сейчас стать глупой, но уже поздно: что случилось между нами, то случилось.

Тогда замолчи и уезжай.

Не могу. Разве ты не понимаешь, что не могу?

Замолчи. Замолчи, не продолжай.

Сейчас, теперь? Теперь ты не хочешь, чтобы я продолжала?

Скажи мне правду: как умерла Сара?

У меня нет слов.

Пожалуйста, я прошу тебя.

Почему ты просишь меня сказать то, что уже знаешь сама?

Потому, что не могу поверить в это!

Так, значит, той любовницей была я, да? Господи боже, как же я была слепа.

Просто не повезло.

Ах, просто не повезло?! Мерзавец…

Да. Да. Не повезло. Несчастное стечение обстоятельств.

Два раза. Фаусто. Две попытки самоубийства.

Первая была шантажом.

Два раза, два раза. А тебе нужно было лгать мне и рассказывать мне эту историю. Тебе нужно было рассказать себе самому правду так, чтобы я не догадалась, верно? Зачем, для чего? Сейчас мне кажется, что в тебе есть что-то дьявольское. Но… как такое возможно?

О, ради бога, не преувеличивай.

Честное слово, мне жаль тебя.

Спасибо, в жалости я не нуждаюсь. Я предпочитаю жить по своему усмотрению. А ты, пожалуйста, не волнуйся.

Я не волнуюсь — я просто раздавлена.

Жизнь грязна. И твоя жизнь тоже. Никто не может убежать от собственного ничтожества. Это произошло, чего же еще? Что может изменить то, что было?

Тебе виднее. А я уезжаю. Я уезжаю, понимаешь? Я не хочу видеть тебя.

Я понимаю.

Ты понимаешь, да, ты всегда все понимаешь. Это твой способ жизни, да? Как это грустно. А хуже всего то, что я все-таки желаю тебе удачи. Несмотря ни на что.

Несмотря на то, что ненавидишь и презираешь меня…

Теперь — да. Теперь я тебя ненавижу и презираю. Ты мне отвратителен.

Когда-нибудь это изменится.

Возможно, но это ничего не меняет.

Хорошо. В конце концов, я сам причинил себе больше боли, чем ты. Ты должна либо посочувствовать мне, либо оставить меня в покое.

В покое? Ты называешь это покоем. Ты прав. Это я и сделаю — оставлю тебя в покое. Ты это заслужил.

Что ж, тогда удачи тебе. А кстати, ты уже решила, что будешь делать со своей душой?

Да. Думаю, что да.

Ну, наконец-то. А могу я хотя бы узнать, каково будет твое решение?

Прощай, Фаусто. Ты хорошо сказал: жизнь грязна. Но как я поступлю, тебя уже не касается.

Мадрид и Гандарилья, 1997–1998